Многоуважаемому Дмитрію
Николаевичу Егорову
на добрую память
от автора.

КУРСЪ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

Часть I.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЯ ПОНЯТІЯ
О ГОСУДАРСТВѢ И ПРАВѢ.

Е. Н. Ефимовъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

МОСКВА.
1916.

Е. Н. ЕФІМОВЪ.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЯ ПОНЯТІЯ
О
ГОСУДАРСТВѢ и ПРАВѢ.

БИБЛІОТЕКА
АННУЛИРОВАНО
1382

1916.

10 К

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Съ введеніемъ у насъ конституціоннаго строя народъ получилъ право участвовать чрезъ своихъ представителей въ осуществленіи государственной власти и тѣмъ оказывать вліяніе на дальнѣйшее развитіе своей страны. Такое расширеніе правъ народа возлагаетъ на каждаго изъ его членовъ долгъ серіозно отнестись къ своимъ обязанностямъ гражданина—принимать дѣятельное участіе въ жизни государства и стремиться къ ея совершенствованію. Чтобы выполнить этотъ долгъ въ сознаніи своей отвѣтственности предъ страной, необходимо прежде всего отдать себѣ ясный отчетъ объ организаціи государственно-правовой жизни и ея принципахъ, выработанныхъ долгимъ историческимъ опытомъ народовъ. Служить уясненію основныхъ правовыхъ принциповъ и ставитъ своей задачей нашъ Курсъ законовѣдѣнія.

Авторъ.

Москва, мартъ 1916 г.

464
39

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Введеніе 1

Законовѣдѣніе и его содержаніе; предметъ изученія законовѣдѣнія—правовые законы; отличіе ихъ отъ законовъ природы. Нормативный характеръ правовыхъ законовъ, ихъ нарушимость, измѣнчивость и тѣсная связь съ существованіемъ человѣческаго общества. Нормативный и общественный характеръ законовѣдѣнія; его задачи отличны отъ задачъ эмпирическихъ наукъ. Примѣры эмпирическаго и нормативнаго изученія: психологія и логика, психологія и этика, соціологія и законовѣдѣніе.

I. Общество 8

Значеніе общества для развитія матеріальной культуры человѣка; богатство и значеніе его, какъ условія возможности духовнаго развитія. Общество и значеніе его для развитія идеальной культуры—языка, знанія. Развитіе духовной культуры способствуетъ расширенію и углубленію человѣческой солидарности. Общество и нравственное совершенствованіе человѣка; сочувствіе и самопожертвованіе возможны лишь въ обществѣ. Стадіи въ развитіи человѣческой общественности: семья, родъ, племя, государство.

II. Историческія формы общенія 13

Семья—первичная форма человѣческаго общенія; семья матріархальная и патріархальная. Форма семьи зависитъ отъ уклада хозяйственной жизни человѣка. Объединяющимъ элементомъ въ семьѣ служитъ кровная связь. Родъ; онъ представляетъ собой разросшуюся семью; связующимъ элементомъ въ родѣ служитъ общность происхожденія; степень сплоченности родового единства зависитъ отъ характера его хозяйственной дѣятельности. Племя—союзъ родовъ. Связующимъ элементомъ въ племени служитъ общій языкъ, обычаи, преданія и т. п. Государство; связующимъ элементомъ въ немъ является единая власть. Государство есть организованный народъ; элементами государственной организаціи служатъ власть, народъ и территорія.

III. Культурно-историческое значеніе формъ общенія 19

Семья—первоначальная школа, въ которой человѣкъ получаетъ свое первое общественное воспитаніе; въ атмосферѣ семьи впервые пробуждается чувство альтруизма и создаются отношенія, которыя становятся идеаломъ человѣческихъ отношеній вообще. Въ родѣ сфера для примѣненія альтруистическихъ чувствъ расширяется; здѣсь же складывается духовный обликъ человѣка, отдѣляющій его навсегда отъ животнаго. Расширеніе солидарности въ племени. Исчезновеніе племенныхъ перегородокъ въ государ-

Стр.

ствѣ и новое расширеніе нравственнаго кругозора человѣка. Возникновеніе идеи всеобщаго братства, которое служитъ идеаломъ дальнѣйшаго развитія человѣческаго общенія.

IV. Произвольныя формы общенія 24

Связующимъ элементомъ въ произвольныхъ единеніяхъ служатъ интересъ—прочный и длящійся—и сотрудничество Государство создаетъ благопріятныя условія для возникновенія произвольныхъ обществъ Государство, какъ организмъ, сущность и недостатки органической теоріи, значенія ея для изученія человѣческаго общества. Простые и сложные организмы—простыя и сложныя общества. Необходимымъ условіемъ существованія сложнаго организма служитъ порядокъ; условіемъ всякаго сложнаго общества и государства служитъ право, устанавливающее порядокъ отношеній между людьми въ государствѣ.

V. Элементы государства. 29

1) Власть Сущность власти; ея принудительный характеръ, верховенство, самостоятельность и неограниченность. Необходимость для государственной власти считаться съ установленнымъ ею право порядкомъ и правосознаніемъ общества. 2) Территорія. Опредѣленіе понятія территоріи; необходимость установленія ея границъ; граница на морѣ—территоріальныя и нейтральныя воды. Публично-правовой характеръ государственной территоріи, принципъ ея недѣлимости и неотчуждаемости. 3) Населеніе—третій элементъ государства, понятіе народа—подданные и граждане. Нація; отличіе отъ народа. Связующимъ элементомъ въ націи служитъ сознаніе общаго историческаго прошлаго Возникновеніе и развитіе чувства національнаго единства. Внѣшнимъ выраженіемъ служитъ языкъ Связь жизни націи съ жизнью языка. Право каждой націи на существованіе и развитіе.

VI. Функціи государственной власти 42

Единство государственной власти—разнообразіе ея дѣятельности. Три основныхъ направленія этой дѣятельности или функціи—законодательная, судебная и управленіе. Ихъ сущность. Условія правильнаго отправленія этихъ функцій. Ученіе о раздѣленіи властей и его значеніе. Принципы правильной организаціи законодательной, судебной власти и управленія. Проникновеніе идеи раздѣленія властей въ русское государственное устройство.

VII. Формы государства. 50

Вліяніе на характеръ государства территоріи, населенія; особенное же значеніе имѣетъ организація власти. Классификація государствъ. Монархія; типы монархій: теократія, патримоніальная монархія, сословная монархія, монархія абсолютная, конституціонная, парламентарная. Колыбелью конституціоннаго строя является Англія; распространеніе его въ континентальной Европѣ и Россіи. Республика, ея сущность. Типы республикъ: олигархія, аристократическая республика и республика демократическая. Сложныя государства: реальная унія и союзное государство или федерація.

VIII. Соціальныя нормы 62

Сложность государства и его жизни. Необходимость порядка, который устанавливается и поддерживается соціальными нормами. Виды соціальныхъ нормъ. 1) Право. Право по формѣ

Стр.

представляетъ требованіе—приказъ или запретъ; по содержанію—требованіе общественнаго поведенія. Мотивационный процессъ, при посредствѣ котораго право воздѣйствуетъ на человѣка Нарушимость права и необходимость его защиты. Опредѣленіе права; его принудительный характеръ. Нравственная сила права—необходимость соотвѣтствія его общественному правосознанію 2) Нравы Нравы по содержанію и по формѣ также представляютъ собою социальныя нормы Отличіе отъ нормъ права: необязательность, меньшая степень принудительности, условность; характеръ защиты Опредѣленіе нравовъ. Исторія и примѣры нормъ нравовъ и ихъ видоизмѣненія Соціальное значеніе нормъ нравовъ. 3) Нравственность. Сфера нравственности—внутренній міръ человѣка. Отличіе права отъ нравственности: двусторонность права и односторонность нравственности, ограниченность требованій права и безграничность требованій нравственности. Значеніе мотива. Характеръ защиты нормъ нравственности: совѣсть, угрызенія совѣсти, раскаяніе. Опредѣленіе нравственности. Отдѣленіе нравственности отъ права. Возможное столкновеніе права и нравственности; выходъ изъ такого столкновенія.

IX Источникъ права 81

Понятіе объ источникахъ права значеніе ихъ для распознаванія нормъ права. 1) Обычай, процессъ его образованія. Опредѣленіе обычнаго права Условія существованія обычнаго права. Смѣна обычая закономъ въ большихъ государствахъ со сложной организаціей. Примѣненіе обычая по русскому праву. 2) Законъ. Опредѣленіе закона, отличіе его отъ обычая. Правительственныя или административныя распоряженія; гарантіи правомѣрности административныхъ распоряженій. Законодательные органы въ Россіи, исключительный порядокъ изданія законовъ—ст. 87. Основныхъ Законовъ. Стадіи въ образованіи закона.

X Процессъ образованія закона 89

1) Инициатива закона; ея опредѣленіе, отличіе законодательной инициативы отъ частной инициативы. Организація законодательнаго почина въ Россіи. Значеніе частной инициативы. 2) Обсужденіе закона, значеніе такого обсужденія. Необходимыя условія полнаго и всесторонняго обсужденія законовъ. Обсужденіе законовъ въ Россіи. 3) Утвержденіе или санкція законовъ. Право veto—абсолютнаго и суспензивнаго. 4) Обнародованіе закона, его способы. Органъ обнародованія законовъ въ Россіи—Сенатъ, его контролирующая функція. Положительное и естественное право.

XI. Примѣненіе закона 96

Сущность примѣненія закона. 1) Предѣлы дѣйствія закона во времени, правило о необратномъ дѣйствіи новаго закона; основаніе этого правила. Исключеніе изъ него въ пользу болѣе мягкихъ законовъ въ уголовномъ правѣ и для законовъ, издаваемыхъ въ интересахъ всего государства. 2) Предѣлы дѣйствія закона въ пространствѣ; территоріальный принципъ. Исключенія изъ него въ интересахъ международнаго общенія. 3) Предѣлы дѣйствія закона въ отношеніи лицъ; принципъ территоріальности и равенства Начало внѣземельности.

XII. Толкованіе закона 101

Сущность толкованія законовъ. Толкованіе ученое и легальное. Виды толкованія—грамматическое, логическое, систематическое,

Стр.

и историческое. По результатамъ толкованіе бываетъ ограничительное и распространительное. Толкованіе по русскому праву. Кодификація; виды кодификаціи. Кодификація русскаго законодательства: Полное Собраніе Законовъ и Сводъ Законовъ.

XIII. Право въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ 106

Понятіе объективнаго права. Процессъ объективаціи правовыхъ нормъ. Право въ субъективномъ смыслѣ; процессъ образованія субъективнаго права. Сущность и опредѣленіе юридическаго отношенія. Опредѣленіе субъективнаго права.

XIV. Юридическое отношеніе 110

Составъ юридическаго отношенія. 1) Субъектъ права; правоспособность и дѣеспособность. Кто можетъ быть субъектомъ права. Физическое лицо. Условія, вліяющія на объемъ его правоспособности и дѣеспособности: возрастъ, полъ, здоровье, религія, подданство. Конечный моментъ юридической жизни физическаго лица—смерть; беззвѣстное отсутствіе. Юридическое лицо. Причины возникновенія юридическихъ лицъ. Условія возникновенія и существованія юридическихъ лицъ—цѣль, субстратъ, юридическое признаніе. Порядокъ послѣдняго. Объемъ правоспособности и дѣеспособности юридическихъ лицъ. 2) Объектъ права. Объектъ права—вещи и дѣйствія. Классификація вещей: движимыя и недвижимыя, родовыя и благопріобрѣтенныя, раздѣльныя и нераздѣльныя, главныя и принадлежности, тлѣнныя и нетлѣнныя. Значеніе каждаго изъ этихъ дѣленій. Дѣйствія. 3) Полномочія и обязанности. Сущность полномочія—въ требованіяхъ, обязательныхъ для контрагента. Условія, которымъ должны удовлетворять полномочія и обязанности, какъ элементы юридическаго отношенія.

XV. Дѣленіе права. 121

1) Публичное и частное право. Характеръ интересовъ кладетъ свой отпечатокъ на юридическія отношенія и регулирующія ихъ нормы объективнаго права. Частные интересы — частно-правовыя отношенія — частное право. Публичные интересы,—публично-правовыя отношенія—публичное право. Структура частноправовыхъ и публичноправовыхъ отношеній Жизненное значеніе дѣленія интересовъ, отношеній и права на публичные и частные. Измѣнчивость границы между публичнымъ и частнымъ правомъ. 2) Отрасли права. Дѣленіе права на виды по содержанію интересовъ и вызванныхъ ими юридическихъ отношеній—гражданское право, торговое право, гражданское судопроизводство, государственное право, уголовное право, уголовное судопроизводство.

ВВЕДЕНІЕ.

Законовѣдѣніе и его содержаніе; предметъ изученія законовѣдѣнія—правовые законы; отличіе ихъ отъ законовъ природы. Нормативный характеръ правовыхъ законовъ, ихъ нарушимость, измѣнчивость и тѣсная связь съ существованіемъ человѣческаго общества. Нормативный и общественный характеръ законовѣдѣнія; его задачи отличны отъ задачъ эмпирическихъ наукъ. Примѣры эмпирическаго и нормативнаго изученія: психологія и логика, психологія и этика, соціологія и законовѣдѣніе.

Правовые законы и законы природы.

Законовѣдѣніе изучаетъ правовые законы, т.-е. правила, которыя опредѣляютъ порядокъ общественныхъ отношеній между людьми,—порядокъ ихъ совмѣстнаго существованія. Правовые законы имѣютъ цѣлый рядъ особенностей, которыя отличаютъ ихъ отъ другихъ законовъ, напримѣръ, законовъ природы. Особенности же правовыхъ законовъ обусловливаютъ особый характеръ и законовѣдѣнія, выдѣляющій его изъ другихъ предметовъ, преподаваемыхъ въ школѣ.

Законы природы представляютъ собой законы сущаго.

Всякій законъ природы говоритъ о томъ, что есть, что бываетъ. Законъ Архимеда, напримѣръ, говоритъ о томъ, что тѣло, погруженное въ воду, теряетъ опредѣленную часть своего вѣса. На основаніи этого мы съ увѣренностью заключаемъ, что тѣло всегда теряло и будетъ терять въ своемъ вѣсѣ, разъ оно погружено въ воду. Такимъ образомъ, законы природы говорятъ о томъ, что существуетъ, т.-е. о сущемъ. Что это дѣйствительно такъ, легко убѣдиться на любомъ законѣ природы.

Правовые законы — нормы должнаго.

Возьмемъ какой-нибудь правовой законъ, напримѣръ, законъ, воспрещающій убивать людей и формулированный Моисеемъ въ заповѣди: «Не убій». Говоритъ ли эта заповѣдь о томъ, что люди никогда не убивали, не убиваютъ и не будутъ убивать другъ друга? Нѣтъ, конечно Мы хорошо знаемъ, что убійства совершаются очень часто, несмотря на суровыя кары и на сознаніе самихъ людей, что

такъ поступать дурно. Еще очевиднѣе, что эта заповѣдь не имѣетъ никакого отношенія къ прошлому людей, такъ какъ, чѣмъ отдаленнѣе прошлое, тѣмъ богаче оно убійствами и насиліями однихъ людей надъ другими. Трудно также надѣяться, что настанетъ время, когда люди не будутъ убивать другъ друга. Нравы безспорно смягчаются, и результатомъ такого смягченія является наблюдаемое уменьшеніе числа совершаемыхъ насилій, но въ человѣкѣ остаются и останутся страсти, порывы его животной природы, которые будутъ приводить его къ лишенію жизни себѣ подобныхъ. Словомъ, заповѣдь «Не убій» говоритъ не о томъ, что люди не убиваютъ другъ друга, но о томъ, что они не д о л ж н ы убивать другъ друга. Правовой законъ говоритъ, слѣдовательно, не о томъ, что есть, но о томъ, что д о л ж н о б ы т ь, не о сущемъ, но о д о л ж н о м ъ. Правила же должнаго называются н о р м а м и. Онѣ могутъ быть правилами должнаго поведенія—правовыя и этическія нормы, должнаго правильнаго мышленія—логическія нормы, внутренняго настроенія, напримѣръ, религіозныя нормы и т. д. Всѣ тѣ научныя дисциплины, которыя изучаютъ такія нормы, называются н о р м а т и в н ы м и. Законовѣдѣніе, такимъ образомъ, относится къ категоріи нормативныхъ наукъ, такъ какъ оно изучаетъ правовыя нормы, т.-е. правила должнаго поведенія людей въ обществѣ.

Нетрудно уловить и другую особенность правового закона, отличающую его отъ закона природы. Норма «Не убій» не проситъ. не совѣтуетъ, а т р е б у е т ъ. Правовой законъ въ основѣ своей всегда есть т р е б о в а н і е, предъявляемое къ человѣку. Послѣдній можетъ подчиниться ему, исполнить требованіе, но можетъ и нарушить его. Отсюда вытекаетъ другая характерная черта правовыхъ законовъ: они н а р у ш и м ы.

Ихъ нарушимость.

Совсѣмъ иное положеніе человѣка относительно законовъ природы. Послѣдніе дѣйствуютъ автоматически, помимо воли человѣка, не справляясь съ его желаніями. Человѣкъ, сорвавшись съ высоты, не можетъ не подчиниться закону тяготѣнія: онъ падаетъ на землю, какъ падаетъ всякое другое тѣло. Такое подчиненіе человѣка законамъ природы легко объясняется тѣмъ, что человѣкъ, какъ животный организмъ, есть часть природы, и, слѣдовательно, всѣ тѣ химическіе, физическіе, механическіе и т. п.

Ненарушимость и неизмѣнность законовъ природы.

законы, которые господствуютъ въ природѣ, властвуютъ и надъ ея частью—человѣкомъ: они-то и дѣлаютъ человѣка рабомъ природы. Изъ этого рабства есть единственный выходъ: познать законы природы, чтобы управлять ими. Этотъ выходъ и былъ найденъ человѣкомъ: знаніе сдѣлалось въ его рукахъ могучимъ орудіемъ завоеванія природы. Именно знаніе законовъ природы возвело человѣка въ царя природы. Въ противоположность правовымъ законамъ—законы природы, такимъ образомъ, не зависятъ отъ воли человѣка; они непзмѣнны и ненарушимы.

Правовые законы и человѣческое общество.

Правовые законы, далѣе, какъ требованія опредѣленнаго поведенія, по самому характеру своему предполагаютъ существованіе человѣка, которому предъявляются требованія; человѣка, въ пользу котораго они предъявляются, наконецъ, сознательной воли, которая устанавливаетъ самыя требованія. Словомъ, правовые законы предполагаютъ существованіе человѣческаго общества. Тамъ, гдѣ нѣтъ общества людей, не можетъ быть и правовыхъ законовъ. Ихъ не могло быть, напримѣръ, у Робинзона Крузо, потому что онъ былъ одинъ, а предъявлять требованія къ животнымъ, растеніямъ, вообще къ природѣ—нельзя, такъ какъ она не можетъ ихъ осознать. Будучи продуктомъ человѣческой общественности, правовые законы, естественно, измѣнчивы: они мѣняются и должны мѣняться съ измѣненіемъ человѣческаго общества. Отсюда вытекаетъ также, что понять правовые законы можно только въ связи съ изученіемъ человѣческаго общества. Вотъ почему на ряду съ правовыми законами законовѣдѣніе изучаетъ также и человѣческое общество—его возникновеніе, историческія формы и значеніе ихъ для развитія человѣческой культуры. Между тѣмъ законы природы не зависятъ отъ существованія человѣка. Будетъ ли жить человѣкъ на землѣ, или нѣтъ, не перестанетъ «равнодушная природа красою вѣчною сіять». До появленія человѣка на землѣ такъ же сіялъ солнечный свѣтъ, съ той же быстротой пересѣкая міровое пространство, какъ это совершается и теперь; онъ такъ же отражался въ водной поверхности, онъ такъ же вліялъ на ростъ деревьевъ, какъ и теперь. Когда потухнетъ солнце, застынетъ, конечно, земля; прекратится на ней и всякая жизнь. Но и мертвая земля не перестанетъ носиться въ пространствѣ по закону, формулированному Ньютономъ.

Такимъ образомъ, на вопросъ, что изучаетъ законовѣдѣніе, можно кратко отвѣтить: Законовѣдѣніе изучаетъ человѣческое общество и нормы общественнаго поведенія.

Но для того, чтобы охарактеризовать какую-либо научную дисциплину, недостаточно указать, что она изучаетъ; нужно установить еще, какъ она изучаетъ и какія задачи она ставитъ своему изученію. Въ этомъ отношеніи законовѣдѣніе также рѣзко отличается отъ естествознанія, изучающаго явленія природы. Какую отрасль естествознанія мы ни возьмемъ, мы увидимъ, что каждая изъ нихъ старается прежде всего подробно и точно описать тѣ явленія, которыя она отмежевала въ свое вѣдѣніе. Но такъ какъ описать всѣ явленія нѣтъ возможности въ виду ихъ безконечно большого числа, то изслѣдователю приходится предварительно разбивать ихъ на классы, т.-е. классифицировать по какому-нибудь признаку. Такъ дѣлаетъ ботаникъ съ растеніями, зоологъ съ животными организмами, разбивая ихъ на виды, подвиды, семейства и т. д., антропологъ и этнографъ съ человѣческими особями, группируя ихъ въ расы, племена и т. д. Значеніе такихъ классификацій заключается въ томъ, что онѣ упрощаютъ окружающую дѣйствительность и даютъ возможность изслѣдователю охватить сразу всѣ явленія извѣстной категоріи. Если бы ботаникъ вздумалъ изучить каждый цвѣтокъ въ полѣ, то для этого не хватило бы всей его жизни. Между тѣмъ, классифицируя ихъ, онъ легко и быстро можетъ разобраться во флорѣ любой мѣстности и сказать, какіе имѣются здѣсь виды растеній.

Задачи эмпирическихъ наукъ — описаніе и классификація явленій.

Но описаніемъ и классификаціей явленій не можетъ удовлетвориться естествоиспытатель. Удовлетвореніе наступаетъ лишь тогда, когда удается объяснить явленіе. Объяснить же явленіе значитъ установить его причину: только зная причину явленія, мы можемъ сказать, что отдаемъ себѣ отчетъ въ явленіи. Вотъ почему установленіе причинныхъ зависимостей составляетъ слѣдующую и притомъ существеннѣйшую задачу всякаго естественнонаучнаго изслѣдованія. Конечной же цѣлью изученія природы является открытіе и формулированіе ея законовъ, т.-е. такихъ связей между явленіями

Причинное объясненіе и установленіе законовъ явленій.

природы, которыя повторяются всегда и вездѣ при наличности опредѣленныхъ условій.

Таковы задачи, которыя ставитъ себѣ естествознаніе при изученіи явленій природы. Единственнымъ средствомъ достиженія ихъ служитъ тщательное наблюденіе и опытъ (empeiria). Отсюда и науки, которыя имѣютъ своею цѣлью причинное изученіе явленіи, называются науками опытными или э м п и р и ч е с к и м и. Онѣ могутъ имѣть своимъ предметомъ природу органическую и неорганическую—естествознаніе, психическую жизнь человѣка—психологія, и даже человѣческое общество—соціологія. Всѣ онѣ, отличаясь по характеру изучаемыхъ явленій, сходны по своимъ конечнымъ цѣлямъ—причинно объяснить и установить законы изучаемыхъ явленій.

Иныя задачи ставятъ себѣ нормативныя науки, въ частности, законовѣдѣніе. Послѣднее, какъ мы видѣли, имѣетъ дѣло съ нормами общежитія, т.-е. съ требованіями опредѣленнаго поведенія, предъявляемыми къ человѣку. Чтобы заставить человѣка выполнить такія требованія, есть единственно вѣрное средство: это—обосновать ихъ, т.-е. сдѣлать яснымъ для каждаго человѣка, что, выполнивъ требованія, онъ достигнетъ высшей разумной цѣли. Законовѣдѣніе, такимъ образомъ, не можетъ ограничиться изученіемъ общества и его нормъ, фактически существующихъ. Оно должно также отвѣтить на вопросъ: разумно ли то общество и тѣ нормы, которыя въ дѣйствительности существуютъ, т.-е. о ц ѣ н и т ь ихъ. Для этого необходимо сравнить существующее общество съ болѣе совершенной, идеальной формой человѣческаго общежитія. Поэтому, задача законовѣдѣнія состоитъ не только въ томъ, чтобы изучить существующее общество и его правовые законы, но и въ томъ, чтобы установить, какимъ д о л ж н о быть общество и каковы тѣ правовые законы, которые приведутъ къ осуществленію этой, болѣе совершенной, формы общежитія.

Задача нормативныхъ наукъ — оцѣнка явленій

Точка зрѣнія законовѣдѣнія станетъ еще яснѣе если мы сдѣлаемъ нѣсколько сопоставленій нормативнаго и эмпирическаго изученія въ той сферѣ, которая ближе всего касается человѣка,—въ сферѣ его душевной жизни. Эта жизнь слагается, какъ мы знаемъ, изъ трехъ элементовъ—мышленія, чувствованія и хотѣнія. Наукой, изучающей мышленіе, чувствованіе и хотѣніе

Психологія и логика.

эмпирически, является психологія. Сосредоточиваясь, напримѣръ, на мышленіи, психологія стремится объяснить, какъ человѣкъ фактически мыслитъ: какъ у него возникаютъ воспріятія, какъ они превращаются въ представленія, а эти—въ понятія, какъ изъ понятій складываются сужденія и т. д. Но будетъ ли мышленіе правильнымъ или наоборотъ—ложнымъ, для психологіи совершенно безразлично. У нея даже нѣтъ средствъ отличить одно отъ другого: психологія интересуется только причинной обусловленностью актовъ мышленія. Съ точки же зрѣнія причинной обусловленности нѣтъ разницы между правильнымъ и ложнымъ мышленіемъ, такъ какъ и правильное и ложное мышленіе одинаково причинно обусловлены.

То же человѣческое мышленіе входитъ въ кругъ вѣдѣнія нормативной науки—логики. Но задачи ея отличны отъ задачъ психологіи. Логика интересуется не тѣмъ, какъ человѣкъ фактически мыслитъ, но какъ онъ долженъ мыслить, чтобы его мышленіе было правильнымъ и приводило къ истинному знанію. Вотъ почему логика стремится установить не причины и не связь актовъ мышленія, а правила, логическія нормы, исполненіе которыхъ гарантируетъ достиженіе истины.

Психологія и этика.

Различіе задачъ нормативнаго и эмпирическаго изученія сказывается и въ другой сферѣ душевной жизни человѣка—въ сферѣ волевой дѣятельности. И здѣсь психологія старается исчерпывающе раскрыть самый процессъ дѣйствованія и установить его звенья. Она слѣдитъ, какъ у человѣка возникаютъ отдѣльныя чувствованія, обращающіяся при извѣстномъ напряженіи въ сознательныя желанія—мотивы, какъ затѣмъ эти мотивы борются между собой, и въ результатѣ создается извѣстное намѣреніе, планъ, наконецъ, рѣшеніе, которое при посредствѣ нервной и мускульной системы переходитъ въ дѣйствіе. Разъ психологіи удалось установить всѣ этапы дѣйствованія,—ея задача выполнена. Но будутъ ли эти желанія хорошими или дурными, для нея безразлично, какъ безразлично для нея и то, совершилъ ли человѣкъ подвигъ или преступленіе, такъ какъ психологическіе процессы, лежащіе въ основѣ подвига и преступленія, совершенно одинаковы.

Съ иной стороны подходитъ къ желаніямъ и дѣйствіямъ человѣка нормативная наука—этика. Она не спрашиваетъ, какъ человѣкъ фактически чувствуетъ, желаетъ и дѣйствуетъ, но го-

ворить о томъ, какъ онъ должень чувствовать, желать и дѣйствовать, чтобы его внутреннее настроеніе и внѣшнее поведеніе могли быть признаны хорошими. Этика стремится установить нравственныя нормы, выполненіе которыхъ приведетъ къ осуществленію добра.

Ближе всего къ законовѣдѣнію стоитъ соціологія. Какъ и законовѣдѣніе, соціологія изучаетъ человѣческое общество съ его правовыми законами, но она изучаетъ и то и другое эмпирически. Соціологія стремится открыть тѣ законы, по которымъ человѣческія общества съ различными укладами возникаютъ, развиваются и умираютъ безотносительно къ тому, будетъ ли изучаемое общество высоко культурнымъ или бандой разбойниковъ. Вопросъ же о томъ, хорошо или плохо данное общество, рѣшаетъ не соціологія, а законовѣдѣніе. Это рѣшеніе заключается въ сравненіи существующихъ общественныхъ формъ и ихъ правовой организаціи съ тѣми, которыя представляются желательными, какъ болѣе совершенныя. А такое сравненіе и составляетъ оцѣнку.

Соціологія и законовѣдѣніе.

Такимъ образомъ, Законовѣдѣніе есть общественная нормативная наука, которая изучаетъ правовую организацію общества и оцѣниваетъ ее съ точки зрѣнія болѣе совершенной формы человѣческаго общежитія.

Опредѣленіе законовѣдѣнія.

I.

ОБЩЕСТВО.

Значеніе общества для развитія матеріальной культуры человѣка, богатство и значеніе его, какъ условія возможности духовнаго развитія. Общество и значеніе его для развитія идеальной культуры—языка, знанія. Развитіе духовной культуры способствуетъ расширенію и углубленію человѣческой солидарности. Общество и нравственное совершенствованіе человѣка; сочувствіе и самопожертвованіе возможны лишь въ обществѣ. Стадіи въ развитіи человѣческой общественности: семья, родъ, племя, государство.

Общество и матеріальная культура человѣка.

Правовые законы, какъ мы указали, предполагаютъ существованіе общества. Но и общество не можетъ существовать безъ права, такъ какъ право вноситъ порядокъ въ отношенія людей между собой. Безъ порядка же немыслимо никакое долговременное и прочное общеніе между людьми. Поэтому, чтобы понять сущность и значеніе права, необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ значеніи и цѣнности общества для человѣка. Значеніе это очень велико. Все, чѣмъ владѣетъ человѣкъ—матеріальная, духовная и нравственная культура,—создано не изолированнымъ, одинокимъ человѣкомъ, но усиліями многихъ людей, т.-е. общества. Человѣческая культура есть результатъ с о т р у д н и ч е с т в а, охватывающаго всѣ народы въ прошломъ и настоящемъ. Чтобы провѣрить это утвержденіе, достаточно прослѣдить исторію любого, необходимаго намъ предмета, которымъ мы пользуемся ежечасно, совсѣмъ его не замѣчая. Сколько нужно было труда и притомъ многихъ человѣческихъ поколѣній, чтобы имѣть то платье, которое защищаетъ насъ отъ холода, ту пищу, которая поддерживаетъ нашу жизнь, ту массу другихъ предметовъ, которые доставляютъ намъ удовольствіе и удобства повседневной жизни! Въ каждомъ изъ такихъ предметовъ застылъ, какъ бы овеществился трудъ безконечнаго числа людей; безъ ихъ работы мы не имѣли бы этихъ предметовъ. И чѣмъ больше человѣку нужно предметовъ, тѣмъ съ большимъ кругомъ людей онъ связанъ, нуждаясь въ ихъ услугахъ. Русскій крестьянинъ глухой деревни очень скроменъ въ своей жизни,

но и онъ ѣстъ сельдь, которую выловилъ астраханскій рыболовъ или даже японецъ; онъ носитъ ситцы, изготовленные рабочимъ московскаго района изъ американскаго или азіатскаго хлопка при посредствѣ машинъ, построенныхъ англичаниномъ, и раскрашенные по французскимъ образцамъ нѣмецкими красками. Если же мы возьмемъ современнаго культурнаго человѣка средней зажиточности и переберемъ все, что ему необходимо въ теченіе дня его привычной жизни, то мы едва ли отыщемъ страну, которая своимъ трудомъ не участвовала бы въ его повседневной жизни. Такой матеріальной связи съ другими людьми мы обыкновенно не замѣчаемъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока производство и обмѣнъ благами совершаются правильно и непрерывно. Но какъ только порядокъ здѣсь нарушенъ, мы начинаемъ испытывать неудобства, тѣмъ болѣе осязательныя, чѣмъ настоятельнѣе тѣ потребности, которыя остаются теперь неудовлетворенными. Вотъ почему такъ опасно все, что нарушаетъ правильное теченіе хозяйственной жизни страны, и такъ необходимо предупреждать и устранять все, что ее разстраиваетъ.

Богатство и его значеніе для духовнаго развитія человѣка.

Такимъ образомъ, человѣкъ обязанъ обществу прежде всего извѣстнымъ запасомъ матеріальныхъ благъ, т.-е. б о г а т с т в о м ъ, которое обезпечиваетъ ему матеріальное благополучіе. Значеніе послѣдняго очень велико: оно даетъ человѣку досугъ, который онъ можетъ посвятить развитію мысли, чувства, фантазіи, т.-е. духовной культурной работѣ. Если человѣку нечего ѣсть, то, само собой понятно, у него не можетъ возникнуть никакихъ высшихъ стремленій: онъ весь поглощенъ тогда заботами о самосохраненіи; небольшой досугъ, остающійся за удовлетвореніемъ насущнѣйшихъ потребностей, онъ употребляетъ на возстановленіе и накопленіе силъ для новой борьбы за существованіе. Африканскій бушменъ все свое время проводитъ въ поискахъ пищи. Если поиски удачны, онъ обжирается и отдыхаетъ, т.-е спитъ; если же охота не успѣшна, онъ перетягиваетъ животъ ремнемъ, чтобы утишить страданія голода, для утоленія котораго онъ не брезгаетъ тогда и червями. Можетъ ли при такихъ условіяхъ явиться стремленіе къ знанію, къ искусству, поэзіи и т. п.?

Матеріальное богатство, слѣдовательно, цѣнно не само по себѣ, но какъ условіе возможнаго духовнаго прогресса. Оно даетъ возможность человѣку стремиться не къ тому только, чтобы жить,

но и жить для того, чтобы стремиться къ высшему духовному развитію. И только тогда, когда появляется такая возможность, возникаетъ наука, искусство, какъ результатъ зародившихся новыхъ стремленій. Но мы говоримъ о возможности только духовной культуры при наличности богатства — это потому, что досугъ, создаваемый имъ, можетъ быть потраченъ не на удовлетвореніе духовныхъ стремленій, а на расширеніе физическихъ наслажденій. Вотъ почему, если продолжительность досуга служитъ показателемъ того, насколько богатъ отдѣльный человѣкъ или цѣлое общество, то способъ употребленія досуга является всегда безспорнымъ свидѣтельствомъ того, насколько культуренъ данный человѣкъ и данное общество.

Обществу человѣкъ обязанъ, далѣе, своимъ духовнымъ развитіемъ, какъ самой возможностью его, такъ и тѣмъ блескомъ, котораго оно достигло въ настоящее время. Достаточно вспомнить, что языкъ—орудіе умственной культуры — не могъ быть созданъ человѣкомъ одинокимъ. Онъ есть результатъ общественности. Безъ общества человѣкъ остался бы, слѣдовательно, безсловеснымъ существомъ. Взаимный обмѣнъ мыслями былъ бы невозможенъ, а такой обмѣнъ является условіемъ развитія мысли.

Общество и духовное развитіе человѣка; языкъ, знаніе.

Кромѣ того, все знаніе которымъ такъ гордится современный человѣкъ, покоится на опытѣ — наслѣдственномъ, собирательномъ, накопляющемся; опытъ изолированнаго человѣка, какъ бы ни былъ онъ великъ, недостаточенъ для познанія истины. Многое изъ того, что мы знаемъ теперь, зародилось въ глубокой древности; терпѣливой работой послѣдующихъ поколѣній оно исправлялось, пока не удавалось добыть истинное знаніе, причемъ первые провозвѣстники его часто платились жизнью. Знаніе, которымъ теперь располагаетъ каждый школьникъ,—о томъ, что не солнце, а земля движется вокругъ солнца, что земля не центръ, а лишь маленькая частичка вселенной,—стоило жизни Джордано Бруно, сожженному на кострѣ за такое вольнодумство.

Но зародившись благодаря общественности, знаніе, вообще идеальная культура, становится затѣмъ могучей силой, расширяющей и укрѣпляющей человѣческую солидарность. Въ этомъ отношеніи идеальная культура имѣетъ даже бо́льшую цѣнность, чѣмъ культура матеріальная. Нѣтъ сомнѣнія, что производство и обмѣнъ ма-

Духовное общеніе и солидарность.

теріальными благами приводятъ къ объединенію людей, такъ какъ путемъ обмѣна люди дополняютъ другъ друга, не имѣя возможности каждый въ отдѣльности удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Но такое объединеніе зиждется на эгоистическихъ интересахъ, которые заставляютъ каждаго стремиться, какъ можно меньше дать и какъ можно больше за это получить. Матеріальное благо не можетъ одновременно служить удовлетворенію потребности многихъ лицъ: разъ оно находится въ обладаніи одного лица, то тѣмъ самымъ оно не можетъ уже служить другому. Вотъ почему въ сферѣ матеріальной культуры происходитъ постоянная борьба за матеріальныя блага и эта борьба часто приводитъ къ столкновеніямъ.

Между тѣмъ въ сферѣ идеальной всякая новая идея, новый образъ тотчасъ становятся общимъ достояніемъ, и ихъ творецъ не дѣлается бѣднѣе отъ того, что его мыслью пользуются вмѣстѣ съ нимъ и другіе. Здѣсь не осуществимо исключительное, изолированное обладаніе: индивидуумъ, трудясь для себя, тѣмъ самымъ трудится и обогащаетъ всѣхъ. Конечно, и въ духовной области происходитъ борьба, но она ведется не за обладаніе новыми идеями, а за ихъ созданіе, которое успѣшнѣе тамъ, гдѣ различныя сознанія вліяютъ другъ на друга. Борьба въ духовной области приводитъ, такимъ образомъ, не къ столкновенію, а къ взаимодѣйствію. Общность въ сферѣ духовной не только легче достижима, а достигнутая—устойчивѣе, но и потребность въ этой общности здѣсь гораздо больше.

Нравственное совершенствованіе человѣка въ обществѣ.

Наконецъ, нравственное совершенствованіе человѣка также возможно лишь въ обществѣ. Съ развитіемъ общности въ матеріальной и духовной области рождается сознаніе, что всѣ люди, несмотря на ихъ внѣшнее различіе, одинаково мыслятъ, чувствуютъ, страдаютъ, радуются. Вмѣстѣ съ этимъ у человѣка возникаетъ способность ставить себя на мѣсто другихъ, переживать ихъ чувства, т.-е. с о ч у в с т в о в а т ь. Сочувствіе же приводитъ человѣка часто къ высоконравственнымъ актамъ с а м о п о ж е р т в о в а н і я. Первоначально и сочувствіе и связанное съ нимъ самопожертвованіе ограничивались очень узкимъ кругомъ близкихъ людей. Съ возникновеніемъ же мысли объ единствѣ человѣчества, равенствѣ людей и ихъ равноцѣнности, является идеалъ благожелательнаго отношенія, любви къ чело-

вѣку, какъ къ таковому, безотносительно къ той группѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Осуществленіе этого идеала требуетъ дѣйствій человѣка по отношенію къ другимъ людямъ, т.-е. предполагаетъ опять существованіе общества.

Такимъ образомъ, и матеріальнымъ благополучіемъ, и духовнымъ развитіемъ, и возможностью нравственнаго совершенствованія человѣкъ обязанъ обществу. Если отнять у него все, чего достигъ онъ благодаря своей связи съ обществомъ, то осталась бы одна пустая форма; человѣкъ пересталъ бы быть разумнымъ существомъ, какимъ мы наблюдаемъ его теперь: онъ представлялъ бы собою такую же животную особь, какъ и любая изъ тѣхъ, которыя изучаетъ зоологія. Вотъ почему еще греки назвали человѣка общественнымъ животнымъ, утверждая, что жить безъ общества могутъ только животныя или боги. Животныя, очевидно, потому, что все необходимое они находятъ готовымъ въ окружающей природѣ,—боги потому, что имъ ничего не нужно, такъ какъ они совершенны.

Въ нашемъ представленіи человѣкъ настолько неотдѣлимъ отъ общества, что мы удивляемся и преклоняемся предъ людьми, которые добровольно удаляются изъ общества. Отказъ отъ общества и удаленіе изъ него, къ которому прибѣгаютъ, чтобы сосредоточиться вдали отъ сутолоки повседневной жизни, поработать надъ развитіемъ своей духовной жизни, мы считаемъ подвигомъ. Но развитіе въ уединеніи возможно лишь потому, что у человѣка есть уже внутреннее содержаніе, которое онъ выработалъ во время пребыванія въ обществѣ. Значитъ, п о д в и г ъ уединенія возможенъ лишь при условіи существованія общества. Словомъ, вся жизнь человѣка есть невольное, часто неосознанное участіе въ жизни общества, которымъ въ настоящее время служитъ все человѣчество, весь міръ. Конечно, такая общность и солидарность не могли появиться вдругъ. Человѣкъ долженъ былъ пройти предварительно цѣлый рядъ постепенно расширяющихся формъ общенія, которыя его дисциплинировали и подготовляли къ тому, чтобы сдѣлаться членомъ единаго человѣчества. Такими формами являются с е м ь я, р о д ъ, п л е м я, г о с у д а р с т в о, представляющіе собой историческія вѣхи въ развитіи человѣческой общественности.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ФОРМЫ ОБЩЕНІЯ.

С е м ь я—первичная форма человѣческаго общенія; семья матріархальная и патріархальная. Форма семьи зависитъ отъ уклада хозяйственной жизни человѣка. Объединяющимъ элементомъ въ семьѣ служитъ кровная связь. Р о д ъ; онъ представляетъ собой разросшуюся семью, связующимъ элементомъ въ родѣ служитъ общность происхожденія; степень сплоченности родового единства зависитъ отъ характера его хозяйственной дѣятельности. П л е м я—союзъ родовъ. Связующимъ элементомъ въ племени служитъ общій языкъ, обычаи, преданія и т. п. Г о с у д а р с т в о связующимъ элементомъ въ немъ является единая власть. Государство есть организованный народъ; элементами государственной организаціи служатъ власть, народъ и территорія.

Семья—первичная форма человѣческаго общенія.

Какъ возникла семья, какую форму она имѣла первоначально,—нельзя установить съ опредѣленностью: для этого нѣтъ достовѣрныхъ и полныхъ данныхъ. Можно съ увѣренностью только сказать, что семья представляла собою п е р в и ч н у ю форму человѣческаго общенія, такъ какъ она обязана своимъ возникновеніемъ одному изъ сильнѣйшихъ инстинктовъ человѣческой природы. Можно предположить также, что первобытная семья рѣзко отличалась отъ современной семьи. Нынѣшняя семья характеризуется прочной связью между мужемъ и женой. Она представляетъ, такимъ образомъ, парную семью, основанную на моногаміи, т.-е. на единобрачіи. Между тѣмъ въ первобытной семьѣ прочная связь существовала вѣроятно не между мужемъ и женой, а между матерью и дѣтьми. Постоянной брачной связи между женщиной и мужчиной тогда не существовало, такъ какъ мужчина, проводя все время на охотѣ, вынужденъ былъ надолго покидать домашній очагъ. Вполнѣ естественно, дѣти часто не знали своего отца и группировались вокругъ матери, которая силою вещей выдвигалась на первое мѣсто въ семьѣ. Такая семья, во главѣ которой стояла мать, называется м а т р і а р х а л ь н о й (mater—мать arche—власть). Къ этому типу принадлежала, можно предполагать, и первобытная семья.

Прирученіе животныхъ повлекло за собой смѣну охотничьяго быта пастушескимъ. Жизнь скотовода уже богаче и пріятнѣе необезпеченнаго и бѣднаго существованія охотника. Послѣдній все время долженъ былъ бродить по слѣдамъ дикихъ животныхъ. Результаты же охоты въ цѣломъ были такъ ничтожны и невѣрны, что они совершенно не ограждали человѣка отъ жесточайшей нужды. Этимъ и объясняется, почему бушмены-африканцы ведущіе и понынѣ охотничій образъ жизни, носятъ такъ называемый «голодный поясъ». Между тѣмъ стада доставляли пастуху почти все, въ чемъ онъ нуждался —и молоко, и мясо, и шерсть для одежды. Скотоводство, обезпечивая существованіе человѣка, не требовало отъ него особенныхъ усилій: оно оставляло ему досугъ, чтобы развивать и удовлетворять такія потребности, которыя выходили за предѣлы необходимаго. И только неустойчивость пастушеской жизни, необходимость часто мѣнять мѣсто поселенія препятствуютъ высшему развитію промышленной и духовной дѣятельности.

Укладъ пастушеской жизни.

Въ пастушескій періодъ начинается, такимъ образомъ, накопленіе богатства, которое составлялъ скотъ. Величиною стадъ измѣрялось богатство, а съ нимъ и вліяніе человѣка. Вполнѣ естественно, что у человѣка, достоинство котораго измѣряется его стадами, всѣ чувства и стремленія направлены на увеличеніе любимаго имущества. Но для стадъ нужны пастбища. Средствомъ увеличенія того и другого и была война. Смѣлый и счастливый воинъ захватывалъ въ добычу скотъ, женщинъ, рабовъ, пастбища; между тѣмъ неспособный воинъ находился въ постоянной опасности потерять свое имущество въ пользу болѣе сильнаго. Теперь становится понятнымъ тотъ, странный на первый взглядъ, фактъ, что у номадовъ «разбойникъ» считался лестнымъ титуломъ, а грабежъ и разбой, какъ напримѣръ, у бедуиновъ—«почетнымъ ремесломъ». Не удивительно также, что именно пастушеская жизнь дала такихъ завоевателей, какъ Чингисханъ, Аттила и т. п.

Укладъ пастушеской жизни не могъ не отразиться на строѣ семьи. Скотоводство и война были тѣми занятіями, которыя одни только и придавали въ глазахъ кочевниковъ цѣнность человѣку. Женщина не могла принимать участія ни въ томъ, ни въ другомъ, и потому она не могла внушить къ себѣ уваженія со стороны грубаго пастуха и разбойника. Основная черта отношенія къ жен-

Измѣненія въ характерѣ семейныхъ отношеній.

щинѣ въ пастушескомъ быту—нескрываемое презрѣніе. У нѣкоторыхъ народовъ даже сынъ считалъ своею обязанностью холодность и презрѣніе къ матери.

Презрѣніе къ женщинѣ вообще обращалось въ суровое угнетеніе по отношенію къ замужней женщинѣ. Жена пріобрѣталась п о к у п к о й, при чемъ цѣна опредѣлялась рангомъ, красотой невѣсты, и часто достигала значительной высоты. При такой формѣ заключенія брака жена дѣлалась, естественно, простымъ имуществомъ, собственностью купившаго ее пастуха, который, уплативъ за нее цѣннымъ скотомъ, становился ея господиномъ. Такъ какъ жена—его собственность, то и дѣти разсматривались собственностью отца подобно тому, какъ плоды—собственностью того, чья почва, на которой они выросли. У всѣхъ пастушескихъ народовъ отецъ относится къ дѣтямъ прежде всего, какъ господинъ и собственникъ.

Патріархальная семья.

Такимъ образомъ, съ переходомъ отъ охотничьяго къ пастушескому быту перевѣсъ оказывается на сторонѣ мужчины. Во главѣ семьи теперь становится не мать, а отецъ. Эта новая форма семьи и получаетъ наименованіе п а т р і а р х а л ь н о й (pater — отецъ) семьи. Но какъ бы ни измѣнялась въ исторіи форма семьи, сущность ея остается той же самой. Это—община, члены которой объединены к р о в н о й с в я з ь ю.

Родъ.

Путемъ естественнаго размноженія семья увеличивалась; создавались новыя семейныя ячейки, отъ которыхъ въ свою очередь расходились и новыя, удалявшіяся другъ отъ друга линіи родственниковъ. Конечно, между далекими родственниками исчезала непосредственная близость, подобная той, которая связываетъ членовъ семьи, но у нихъ было живо еще сознаніе происхожденія отъ общаго родоначальника. Группа лицъ, связанныхъ общностью происхожденія, образуетъ уже новую форму человѣческаго общенія—р о д ъ. Въ основѣ рода такъ же, какъ и семьи, лежитъ кровная связь; разница лишь та, что въ семьѣ кровная связь сопровождается интенсивнымъ чувствомъ близости, въ родѣ же, съ наростаніемъ новыхъ слоевъ, это чувство ослабляется и замѣняется лишь памятью объ о б щ е м ъ п р о и с х о ж д е н і и.

Впрочемъ, не вездѣ и не всегда родъ представлялъ одинако-

вую степень сплоченности. Тамъ, гдѣ источникомъ пропитанія служило скотоводство, родовое единство не достигало ни интенсивности, ни широты. Скотоводство, какъ хозяйство, требуетъ большого количества не людей, а земли; образованіе большихъ группъ при такомъ хозяйствѣ невыгодно. Вотъ почему у скотоводовъ родъ не достигалъ обширныхъ размѣровъ и прочной организаціи: онъ вынужденъ былъ раскалываться на обособленныя семьи, которыя и вели свое самостоятельное хозяйство. Но если потребности пропитанія у скотоводовъ приводили къ расчлененію рода, то потребности обороны не позволяли отколовшимся частямъ удаляться другъ отъ друга: онѣ вынуждены были селиться другъ возлѣ друга, чтобы въ случаѣ нужды соединяться для совмѣстной обороны или нападенія. Какъ разъ такой случай расчлененія рода и запечатлѣла библія въ своемъ разсказѣ о полюбовномъ раздѣлѣ Авраама и Лота. Родъ Авраама первоначально включалъ въ себя и линію его брата въ лицѣ племянника Лота, который «ходилъ съ Авраамомъ» и также имѣлъ «мелкій и крупный скотъ и шатры». «И непомѣстительна была земля для нихъ, чтобы жить вмѣстѣ, ибо имущество ихъ было такъ велико, что они не могли жить вмѣстѣ. И былъ споръ между пастухами скота Авраамова и между пастухами скота Лотова... И сказалъ Авраамъ Лоту: да не будетъ раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники; не вся ли земля передъ тобой, отдѣлись же отъ меня: если ты налѣво, то я направо; а если ты направо, то я налѣво... И отдѣлились они другъ отъ друга». Но отдѣлившись, Авраамъ и Лотъ стали жить вблизи другъ отъ друга, и эта близость дала возможность Аврааму выручить Лота съ его имуществомъ изъ плѣна у завоевателей Содома и Гоморры, въ окрестностяхъ которыхъ Лотъ имѣлъ свой «шатеръ».

Расчлененіе рода въ пастушескомъ быту.

Если скотоводство приводило къ обособленію хозяйствъ, а затѣмъ и къ расчлененію рода, то воздѣлываніе растеній—земледѣліе, наоборотъ, требовало объединенія хозяйственной дѣятельности, которая сплачивала родъ и создавала изъ него прочную организацію. Одинъ человѣкъ со своими грубыми инструментами въ крайнемъ случаѣ могъ добыть изъ дѣвственной почвы только самое необходимое, группа же имѣла возможность расчистить лѣсъ подъ пашню, воздѣлать и убрать участокъ земли, который

Родъ въ земледѣльческомъ быту.

доставлялъ всѣмъ ея членамъ обильныя средства существованія. Благосостояніе земледѣльца росло съ увеличеніемъ численности его семьи, и, естественно, новыя поколѣнія не откалывались, а оставались вмѣстѣ, расширяя родъ до размѣровъ цѣлой общины. Земледѣліе, слѣдовательно, не только прикрѣпляло людей къ землѣ, но и другъ къ другу; оно обладало гораздо большей соціализирующей силой, чѣмъ охота и скотоводство. Родовой жизнью жили всѣ народы, которые въ исторіи Европы сыграли болѣе или менѣе важную роль. Ею жили греки, римляне, евреи, германцы и др. По свидѣтельству нашего лѣтописца, и славяне «живяху кождо со своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ».

Но на исторической аренѣ человѣкъ выступаетъ не родомъ, а болѣе обширнымъ соединеніемъ — п л е м е н е м ъ и даже союзомъ племенъ. По племенамъ русскій лѣтописецъ разселяетъ и нашихъ предковъ—славянъ. Племя представляетъ собою с о ю з ъ р о д о в ъ, которые не связаны между собой общностью происхожденія; по крайней мѣрѣ, такая связь не чувствуется живо. Объединяющимъ элементомъ въ племени служитъ единый языкъ, общіе обычаи и преданія.

Племя.

Племя, осаживаясь на извѣстной т е р р и т о р і и (terra—земля), вынуждено было вести напряженную борьбу за существованіе и съ окружающей природой, и съ иноплеменниками. Эта борьба могла быть удачной лишь при условіи, если племя представляло сплоченное цѣлое съ крѣпкой внутренней организаціей. Между тѣмъ съ исчезновеніемъ кровной связи между родами и даже памяти объ общемъ происхожденіи открывался широкій просторъ для столкновеній и борьбы родовъ между собой. Такая борьба приводила къ ослабленію, опасному для самостоятельнаго существованія племени. Изъ этого состоянія постоянной взаимной борьбы и вражды нужно было найти выходъ. И выходъ намѣчался самъ собой. Вражда родовъ проистекала отъ того, что члены родовъ подчинялись лишь своему старѣйшинѣ; власти же, которой подчинялись бы сами старѣйшины, не было, не было, слѣдовательно, никакой силы, которая улаживала бы и упорядочивала бы междуродовыя отношенія. Поэтому нужно было создать такую власть, которая стояла бы выше родовыхъ старшинъ, была бы самой высшей, т.-е. в е р-

Возникновеніе единой высшей власти.

БИБЛИОТЕКА ИНДУСТРОЙПРОЕКТ 13822
Библиотека ООН Академии Наук СССР

ховной властью въ племени и потому—способной «судить по праву», о чемъ такъ мечтали, по разсказу лѣтописца, новгородскіе славяне. Въ лицѣ призваннаго князя послѣдніе и создали себѣ такую верховную власть.

Государство.

Съ появленіемъ верховной власти въ лицѣ князя, властителя, государя, племя превращается въ государство. Это новое соединеніе цѣлымъ рядомъ чертъ отличается отъ племени, какъ союза родовъ. Связующимъ элементомъ въ племени, какъ мы указали, были единый языкъ, общіе обычаи, преданія и т. п., которые рѣзко отграничивали соплеменниковъ отъ иноплеменниковъ, жившихъ часто рядомъ другъ съ другомъ и на одной и той же территоріи. Въ государствѣ такимъ элементомъ является единая власть, которой подчиняются всѣ, живущіе на опредѣленной территоріи, независимо отъ принадлежности къ тому или другому племени или роду. Люди, объединенные подчиненіемъ общей государственной власти, составляютъ народъ даннаго государства. Подчиненіе же общей власти сообщаетъ народу крѣпкую внутреннюю организацію, которая сплачиваетъ его въ единое цѣлое, несмотря на различіе племенныхъ и родовыхъ узъ. Русскій народъ, напримѣръ, состоитъ изъ цѣлаго ряда «племенъ и языковъ»—русскихъ, евреевъ, поляковъ, татаръ, финновъ, нѣмцевъ. Но всѣ они члены одного и того же государства и выступаютъ вовнѣ, какъ единый русскій народъ. Такое единство съ особенной силой сказывается въ моменты столкновенія государствъ между собой, когда народу приходится защищать свое государство. Въ такіе моменты разноплеменные и разноязычные люди становятся рядомъ другъ съ другомъ и одинаково умираютъ, сражаясь за свое общее отечество.

Элементы государственной организаціи.

Государство есть, такимъ образомъ, организованный народъ. Элементами государственной организаціи являются: народъ, территорія, на которой живетъ народъ, и единая власть, объединяющая народъ въ одно цѣлое. Всѣ эти элементы могутъ имѣть различное строеніе, которое и придаетъ государству тотъ или другой характеръ, образуя изъ него тотъ или другой типъ государства. Но какой бы типъ государства мы не взяли, въ каждомъ изъ нихъ мы найдемъ указанные элементы—народъ, власть и территорію.

III.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ФОРМЪ ОБЩЕНІЯ.

С е м ь я—первоначальная школа, въ которой человѣкъ получаетъ свое первое общественное воспитаніе; въ атмосферѣ семьи впервые пробуждается чувство альтруизма и создаются отношенія, которыя становятся идеаломъ человѣческихъ отношеній вообще. Въ р о д ѣ сфера для примѣненія альтруистическихъ чувствъ расширяется; здѣсь же складывается духовный обликъ человѣка, отдѣляющій его навсегда отъ животнаго. Р а с ш и р е н і е солидарности въ племени. Исчезновеніе племенныхъ перегородокъ въ государствѣ и новое расширеніе нравственнаго кругозора человѣка. Возникновеніе идеи всеобщаго братства, которое служитъ идеаломъ дальнѣйшаго развитія человѣческаго общенія.

Государственная организація, какъ мы видѣли, является результатомъ долгаго историческаго процесса. Этотъ процессъ представляетъ собою медленную смѣну узкихъ болѣе широкими формами общенія: семья смѣняется родомъ, родъ расширяется въ племя, племена вступаютъ между собою въ союзъ, осаживаются на извѣстной территоріи и организуются въ государства. Такая смѣна имѣетъ большое значеніе не потому только, что такъ было—значеніе историческаго факта,—но и потому, что эта смѣна несла съ собой все болѣе расширявшееся и углублявшееся очеловѣчиваніе, гуманизированіе человѣка.

Человѣкъ появляется на свѣтъ организмомъ, въ которомъ безраздѣльно властвуютъ животныя потребности и инстинкты. Отъ другихъ животныхъ особей человѣкъ отличается лишь своей способностью побороть инстинкты и стать выше своей животной природы. Но эта способность находится въ немъ въ зародышѣ: чтобы стать активной, она должна подвергнуться воспитанію и развитію. Семья и является той школой, въ которой человѣкъ получаетъ свое первоначальное общественное воспитаніе. Въ атмосферѣ семьи въ человѣкѣ впервые пробуждается чувство благожелательнаго отношенія къ другому (альтруизмъ). Пробудившись, чувство альтруизма затѣмъ постоянно упражняется и, наконецъ, достигаетъ такой интенсивности, что оно подавляетъ противоположное чувство, чувство исключительной любви къ самому

Зарожденіе альтруистическихъ чувствъ.

себѣ (эгоизмъ) и вызываетъ готовность жертвовать собой для дѣтей, для отца, матери, братьевъ, сестеръ.

Правда, и у животныхъ мы наблюдаемъ семейную любовь,— любовь родителей къ дѣтенышамъ и притомъ настолько сильную, что она заставляетъ, напримѣръ, курицу вступать въ борьбу съ хищниками, нападающими на ея цыплятъ. Но у животныхъ такая любовь скоропреходяща: она прекращается въ тотъ моментъ, когда дѣтеныши вырастаютъ и перестаютъ нуждаться въ заботахъ родителей. Между тѣмъ у человѣка семейныя отношенія настолько крѣпки, сердечны и задушевны, что чувства, порождаемыя ими, остаются навсегда и даже дѣлаются идеаломъ людскихъ отношеній вообще. Когда мы хотимъ отмѣтить хорошія взаимныя отношенія какихъ-либо лицъ, мы говоримъ: они живутъ, какъ б р а т ь я, какъ б р а т ъ съ с е с т р о й, онъ относится къ нимъ, какъ о т е ц ъ къ д ѣ т я м ъ. И даже болѣе, идеаломъ развитія всего человѣчества намъ представляется такая организація его, когда всѣхъ объединяло бы всеобщее б р а т с т в о. Такимъ образомъ, въ семьѣ зарождаются тѣ чувства, которыя составляютъ содержаніе нашего идеала общественныхъ отношеній.

Расширеніе альтруистическихъ чувствъ въ родѣ.

Болѣе широкое воспитаніе человѣкъ получаетъ въ родѣ. Семейная любовь — узка: она распространяется лишь на тѣхъ, кто связанъ узами крови. Такую любовь мы находимъ и у животныхъ. Поэтому, если бы человѣкъ не перешелъ къ болѣе широкому общенію, то ему угрожала бы опасность замкнуться въ семейномъ эгоизмѣ и сдѣлаться нечувствительнымъ, безразличнымъ ко всему, что лежитъ внѣ его семьи. Но семья разрослась въ родъ, и благодаря этому предъ человѣкомъ открылась болѣе широкая сфера для примѣненія его альтруистическихъ чувствъ. Въ родѣ онъ пріучался смотрѣть на всякаго ровесника, какъ на брата, на всякаго старшаго, какъ на отца или мать. Такимъ образомъ, благодаря родовому общенію нравственная личность человѣка расширилась.

Углубленіе человѣческой личности.

Но родовая жизнь способствовала и углубленію человѣческой личности. Почитаніе предковъ развило въ немъ чувство благоговѣнія предъ тѣмъ, что выше него, т.-е. религіозное чувство. Огромное количество всякаго рода предписаній, обычаевъ относительно формы брака, отношеній между супругами, родителями и дѣтьми, тра-

пезы и т. д. дисциплинировали члена родового общежитія: они воспитали въ немъ способность сдерживать порывы страстей, животныхъ инстинктовъ и подчинять ихъ высшимъ нравственнымъ принципамъ, выработаннымъ предшествующими поколѣніями и окруженнымъ ореоломъ святости. Правила родового общежитія были такъ многочисленны, что они охватывали всѣ моменты жизни члена, каждый его шагъ. Такая регламентація приводила къ тому, что членъ рода отказывался отъ своего «я» и настолько сливался со своей общиной, что онъ чувствовалъ и переживалъ то, что переживалъ его родъ, и, наоборотъ, вся община остро чувствовала переживанія своего члена. Обида, нанесенная члену рода, чувствовалась всѣмъ родомъ, который весь вставалъ на защиту оскорбленнаго. Эта солидарность дѣлаетъ понятнымъ хорошо извѣстный обычай родовой мести, слѣды котораго мы находимъ въ исторіи каждаго народа. Такимъ образомъ, въ родовомъ общежитіи человѣкъ перестаетъ быть только животнымъ; онъ получаетъ здѣсь специфически человѣческій, духовный обликъ, который неизгладимо и навсегда отдѣляетъ его теперь отъ животнаго.

Интенсивность родовой солидарности.

Духовный обликъ, выработавшійся въ средѣ рода, пріобрѣтаетъ новыя черты въ племени. Солидарность, которая охватывала прежде лишь родственниковъ, теперь расширяется на всѣхъ соплеменниковъ, не связанныхъ между собою даже общностью происхожденія. Нравственное сознаніе, слѣдовательно, еще болѣе углубляется. такъ какъ близкимъ, роднымъ считается теперь всякій человѣкъ, который говоритъ тѣмъ же языкомъ, хранитъ общія преданія, соблюдаетъ одинаковые обычаи. Но, расширяясь на большій кругъ людей, чувство солидарности не теряетъ въ своей интенсивности: возникшее чувство племенной связи ничуть не слабѣе чувства родовой близости и часто достигаетъ огромнаго напряженія. Вспомнимъ древняго грека или римлянина, для которыхъ жить среди иноплеменниковъ, т.-е. варваровъ, было равносильно смерти. Неудивительно поэтому, что греку, приговоренному къ смертной казни, разрѣшалось во избѣжаніе послѣдней удалиться въ изгнаніе. Но и теперь эти чувства не исчезли у людей: съ особенной силой племенная близость и связанная съ ней благожелательность сказывается у соплеменниковъ при встрѣчѣ на чужбинѣ. Услышать родную рѣчь среди чуждаго

Расширеніе солидарности въ племени.

говора доставляетъ большую радость, и заговорившій сразу становится намъ близкимъ, роднымъ. Мы готовы оказать ему всякую услугу и съ его стороны ждемъ такой же готовности.

Государственная организація создаетъ новыя условія, благопріятныя для дальнѣйшаго развитія внутренняго содержанія человѣка. Въ племени солидарность охватывала лишь сравнительно небольшой кругъ соплеменниковъ; на иноплеменниковъ благожелательныя чувства не распространялись: иноплеменники считались врагами, которыхъ допускалось убивать. Государство соединяетъ въ единое цѣлое множество разнородныхъ племенъ, которыя дѣлаются равными участниками въ общей государственной жизни. Въ государствѣ поэтому рано или поздно исчезаютъ племенныя перегородки, и на мѣсто прежней племенной вражды появляется сознаніе и чувство солидарности: каждый членъ государства пріучается видѣть въ другомъ, несмотря на его иной языкъ, иныя вѣрованія и обычаи, такого же, какъ и онъ, члена государства. Александръ Македонскій тѣмъ и заслужилъ титулъ «Великаго», что, завоевавъ Грецію и Персію, уничтожилъ непроходимую прежде пропасть между греками и варварами, сплотилъ два враждовавшихъ племени, и, благодаря этому, высокая греческая культура получила широкое распространеніе. Благодаря, слѣдовательно, завоеваніямъ Александра Македонскаго культурный уровень тогдашняго человѣчества повысился.

Исчезновеніе племенныхъ перегородокъ въ государствѣ.

Солидарность, возникающая въ государствѣ, значительно шире солидарности родового и племенного общежитія; но она не уступаетъ имъ въ глубинѣ. Какъ и члены рода, члены государства остро переживаютъ все, что затрагиваетъ интересы, достоинство и честь ихъ государства: они страдаютъ и радуются его горемъ и его радостями. Древній римлянинъ былъ гордъ сознаніемъ, что онъ сынъ великаго Рима и судьбы Рима его волновали часто больше, чѣмъ интересы его собственной семьи. Исторія любого государства можетъ насчитать не одинъ случай, когда индивидъ въ служеніи государству—общему благу приносилъ въ жертву не только свою собственную жизнь, но жизнь своихъ дѣтей и благо всей своей семьи. Государство способно, слѣдовательно, возбуждать такія чувства, которыя воодушевляются не индивидуальнымъ или семейнымъ благомъ, но общимъ благомъ

Расширеніе нравственнаго кругозора человѣка въ государствѣ.

т.-е. благомъ милліоновъ людей. И эти чувства по своему характеру и интенсивности напоминаютъ тѣ задушевныя и сердечныя чувства, которыя рождаются въ атмосферѣ семьи. Не даромъ на всѣхъ языкахъ для обозначенія отношеній къ своему государству служатъ слова: отечество, патріотизмъ, безъ сомнѣнія заимствованныя изъ семейнаго лексикона.

Указанный нами процессъ смѣны формъ общенія имѣетъ, такимъ образомъ, большое культурно-историческое значеніе. Смыслъ его заключается въ постепенномъ расширеніи духовнаго кругозора человѣка и въ пробужденіи въ немъ сознанія своей солидарности съ другими людьми. Въ государствѣ эта солидарность охватываетъ милліоны разноязычныхъ и разноплеменныхъ людей. Но государственная организація и тѣ чувства, которыя она вызываетъ въ человѣкѣ, не представляютъ собой послѣдней, высшей стадіи культурнаго развитія человѣка. Уже греческіе философы пришли къ мысли, что «всѣ люди—сродники, и свойственники, и сограждане по природѣ». Болѣе отчетливое выраженіе идея о всеобщемъ братствѣ получила у римскихъ философовъ-стоиковъ, которые провозгласили, что «нѣтъ болѣе ни аѳиняна, ни коринѳянина: всѣ люди братья, какъ дѣти единаго отца». Наконецъ, во всей полнотѣ содержаніе идеи братства всѣхъ людей раскрыло христіанство, установившее заповѣдь любви къ ближнему, понимая подъ ближнимъ, котораго мы должны любить,—всякаго человѣка, какъ такового, независимо отъ его національности и государства, членомъ котораго онъ является.

Идея всеобщаго братства.

Государственная организація, являясь высокой формой человѣческаго общенія, служитъ, слѣдовательно, лишь ступенью къ высшему, болѣе совершенному единенію—единенію между каждымъ и всѣми, къ солидарности всего человѣчества. Современное экономическое и культурное общеніе, охватывающее весь міръ, безспорно создало условія, необходимыя для такой солидарности. Задача заключается лишь въ томъ, чтобы люди осознали ее и воспитали свои чувства и волю въ духѣ всеобщаго братства. Такое братство есть идеалъ дальнѣйшаго развитія человѣка, и въ немъ мы находимъ вѣрное средство, чтобы рѣшить вопросъ: на высокомъ ли уровнѣ культурнаго развитія стоятъ тѣ люди и тѣ государства, которые проповѣдуютъ и осуществляютъ узко-національный и государственный эгоизмъ?

Идея солидарности всего человѣчества.

IV.

ПРОИЗВОЛЬНЫЯ ФОРМЫ ОБЩЕНІЯ.

Связующимъ элементомъ въ произвольныхъ единеніяхъ служатъ интересъ и сотрудничество. Государство создаетъ благопріятныя условія для возникновенія произвольныхъ обществъ. Государство, какъ организмъ; сущность и недостатки органической теоріи, значеніе ея для изученія человѣческаго общества. Простые и сложные организмы—простыя и сложныя общества Необходимымъ условіемъ существованія сложнаго организма служитъ порядокъ; условіемъ всякаго сложнаго общества и государства служитъ право, устанавливающее порядокъ отношеній между людьми въ государствѣ.

Произвольныя формы общенія.

Разсмотрѣнныя нами формы общенія — семья, родъ, племя, государство—относятся къ категоріи непроизвольныхъ единеній, такъ какъ принадлежность къ той или другой изъ нихъ опредѣляется рожденіемъ человѣка; она не зависитъ, слѣдовательно, отъ его воли. Но рядомъ съ непроизвольными формами общенія возникаетъ цѣлый рядъ другихъ единеній, которыя вызываются къ жизни стремленіемъ людей совмѣстными усиліями достичь общихъ цѣлей. Въ такихъ соединеніяхъ людей связываютъ уже не кровныя узы, не общность происхожденія, не власть, а общій интересъ. Единенія, въ которыхъ связующимъ элементомъ служитъ интересъ, называются обществами. Общества, слѣдовательно, являются продуктомъ сознательныхъ стремленій людей и потому относятся къ категоріи произвольныхъ формъ общенія.

Характеръ интереса; сотрудничество.

Чтобы вызвать образованіе общества, интересъ долженъ быть прочнымъ, длящимся, недостижимымъ для силъ одного человѣка. Толпа не будетъ обществомъ, такъ какъ интересъ, собравшій народъ,—случайный и мимолетный. Не будетъ обществомъ и театральный залъ, биткомъ набитый людьми, хотя интересъ у этихъ людей общій, удерживающій ихъ вмѣстѣ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, можетъ быть, даже собирающій каждый день и притомъ однихъ и тѣхъ же посѣтителей. Дѣло въ томъ, что каждый изъ собравшихся въ театрѣ все время остается пассивнымъ зрителемъ: для достиженія цѣли—посмотрѣть спектакль—онъ не вступаетъ во взаимодѣйствіе, сотрудничество съ другими

зрителями, сидящими въ томъ же залѣ. Характерной чертой общества, слѣдовательно, является сотрудничество, направленное къ осуществленію общаго интереса.

Государство и общество.

Общества могли появиться лишь послѣ того, какъ сложились государства, такъ какъ только государственная организація создаетъ необходимыя условія для того, чтобы возникли у человѣка интересы и стремленіе ихъ осуществить. Въ родовомъ общежитіи члены его не имѣли своихъ индивидуальныхъ интересовъ, такъ какъ не имѣли они и своей личной жизни. Все ихъ существованіе было проникнуто интересами рода, которые опредѣляли каждый моментъ жизни членовъ. Съ образованіемъ государства родовая организація постепенно разлагается; индивидъ освобождается отъ тѣхъ безконечныхъ нитей, которыя опутывали его и заставляли двигаться лишь въ томъ направленіи, какое намѣчено было традиціями рода. Правда, и государство требуетъ отъ индивида цѣлаго ряда услугъ, но эти услуги не такъ велики, чтобы заполнить всего человѣка: у него остается уголокъ своей частной, интимной жизни, въ которую не вмѣшивается государство, предоставляя ее усмотрѣнію индивида. Семейная жизнь, внутреннія переживанія, настроенія, умственныя и духовныя потребности, заботы о матеріальномъ благосостояніи становятся его частнымъ дѣломъ. Такая свобода, естественно, даетъ просторъ личной иниціативѣ, а успѣхъ рождаетъ дальнѣйшія цѣли и стремленіе ихъ достигнуть.

Свобода и обезпеченность личности въ государствѣ.

Но кромѣ свободы индивидъ получаетъ въ государствѣ и нѣчто другое, способствующее развитію у него интересовъ. Такимъ нѣчто является бо́льшая обезпеченность его жизни, имущества, право на услуги со стороны государства и другихъ его членовъ Въ государствѣ индивидъ получаетъ не только относительную свободу, но и права, т.-е. становится свободной личностью, которая имѣетъ право требовать отъ государства защиты отъ нападенія внѣшнихъ враговъ и отъ несправедливыхъ поступковъ со стороны сочленовъ. Государственная организація, слѣдовательно, не только создаетъ условія, благопріятныя для проявленія иниціативы, но и обезпечиваетъ ея результаты за иниціаторомъ. Свобода и обезпеченность—вотъ тѣ условія, которыя способствуютъ возникновенію у человѣка интересовъ и приводятъ его къ образованію разнаго рода обществъ. Чѣмъ шире свобода и чѣмъ надежнѣе защита,

предоставляемыя государствомъ индивиду, тѣмъ полнѣе его жизнь, тѣмъ богаче она интересами Этимъ и объясняется то безконечное разнообразіе обществъ, союзовъ, кружковъ, товариществъ, компаній и т. д., которое мы наблюдаемъ въ современныхъ культурныхъ государствахъ.

Государство, какъ организмъ.

Такимъ образомъ, государство, подчиняя людей, живущихъ на извѣстной территоріи, своей власти, объединяетъ ихъ не только внѣшне, механически: оно создаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ условія для возникновенія и проявленія интересовъ. Интересы же, вызывая общія стремленія, спаиваютъ людей въ одно цѣлое при посредствѣ сотрудничества. Чѣмъ разнообразнѣе и глубже интересы, тѣмъ интенсивнѣе и сложнѣе сотрудничество, тѣмъ прочнѣе спайка между частями общественнаго цѣлаго, которое выступаетъ тогда предъ изучающимъ такъ, какъ будто оно—живой организмъ. Такое сходство между государствомъ и организмомъ въ отношеніи связанности между частями того и другого дало основаніе нѣкоторымъ ученымъ утверждать, что государство есть животный организмъ. Этотъ взглядъ извѣстенъ подъ именемъ органической теоріи государства.

Сравненіе государства съ организмомъ извѣстно съ давнихъ временъ. Въ римской исторіи сохранилось преданіе о баснѣ, при помощи которой Мененій Агриппа убѣдилъ плебеевъ, удалившихся на Священную гору, вернуться въ Римъ. Въ этой баснѣ Агриппа сравниваетъ государство съ организмомъ, а плебеевъ и патриціевъ—съ желудкомъ и головой. Съ удаленіемъ плебеевъ изъ Рима, государство, конечно, обрекалось на гибель, какъ обрекается на гибель организмъ вмѣстѣ съ головой, когда перестаетъ функціонировать желудокъ. Но и желудокъ, погубивъ организмъ и голову, въ свою очередь, долженъ погибнуть, такъ какъ онъ не можетъ самостоятельно существовать. Это сравненіе было настолько ярко, что плебеи прониклись мыслью о невозможности для нихъ существовать безъ патриціевъ и вернулись въ Римъ.

Органическая теорія Спенсера.

Тщательную и полную разработку органическая теорія получила только въ XIX вѣкѣ въ трудахъ англійскаго философа Герберта Спенсера. По мнѣнію Спенсера, между государствомъ и животнымъ организмомъ существуетъ настолько полное сходство, что можно не только сравнивать государство съ организмомъ, но

и с ч и т а т ь его организмомъ. Такъ и дѣлаетъ Спенсеръ: онъ утверждаетъ, что государство е с т ь организмъ. Какъ въ животномъ организмѣ есть система органовъ питанія—зубы, пищеводъ, желудокъ и т. д., такъ и въ государственномъ организмѣ есть свои органы питанія. Такими органами служатъ промышленные классы, которые перерабатываютъ предметы внѣшняго міра и дѣлаютъ ихъ годными для питанія общества. Въ результатѣ работы желудка получается пищевая жидкость, всасываемая затѣмъ организмомъ; въ результатѣ работы промышленныхъ классовъ получаются товары, которые потребляются государствомъ и тѣмъ поддерживаютъ его жизнь. Послѣ того, какъ питательное вещество выработано, оно должно быть распредѣлено по всему организму. Въ животномъ организмѣ для этого служитъ кровеносная сосудистая система; въ государственномъ организмѣ—система путей сообщенія—желѣзныя дороги, рѣки, каналы, пѣшеходныя тропинки и т. д. Но для жизни организма необходима не только система органовъ питанія и распредѣленія: организмъ долженъ быть способенъ выдерживать борьбу съ другими организмами. Успѣшно вести такую борьбу можетъ только то животное, которое обладаетъ органами чувствъ, нервно-мускульной системой, наконецъ, мозгомъ, способнымъ координировать движенія организма и управлять имъ. Въ государственномъ организмѣ такимъ регулирующимъ и управляющимъ органомъ служитъ правительство съ цѣлой системой подчиненныхъ ему органовъ, разсѣянныхъ по всему государству.

Органическая теорія Спенсера безспорно интересна и остроумна, но она невѣрна: между государствомъ и животнымъ организмомъ, несмотря на отдѣльныя черты сходства, есть и глубокое различіе, которое не позволяетъ считать государство такимъ же организмомъ, какимъ, напримѣръ, является млекопитающееся животное. Каждый организмъ состоитъ изъ клѣточекъ, которыя непосредственно, физически связаны другъ съ другомъ и подчинены другъ другу. Государство состоитъ изъ людей самостоятельныхъ, надѣленныхъ сознаніемъ, способныхъ страдать, радоваться каждый въ отдѣльности. Связь между ними въ государствѣ не физическая, а духовная—сознаніе общихъ интересовъ и вытекающее отсюда сотрудничество для ихъ осуществленія. Человѣкъ—клѣточка государства—можетъ двигаться, можетъ мѣнять свое мѣсто въ государствѣ и вступать въ общеніе съ другими клѣточками—людьми

Недостатки органической теоріи.

по своему усмотрѣнію. Этого не можетъ дѣлать клѣточка животнаго организма. Наконецъ, человѣкъ можетъ выполнять въ государствѣ различныя функціи. Рабочій, напримѣръ, по Спенсеру, выполняетъ функцію желудка. Но тотъ же рабочій можетъ быть избранъ въ депутаты парламента, можетъ сдѣлаться министромъ и даже главой государства (напр., президентомъ республики); тогда онъ будетъ выполнять функціи мозга. Въ животномъ организмѣ желудокъ никогда не можетъ стать на мѣсто головы, а голова не можетъ взять на себя функцій желудка. Въ виду всѣхъ этихъ различій между государствомъ и организмомъ нельзя сказать, какъ дѣлаетъ Спенсеръ, государство *есть* организмъ. Можно только *сравнивать* государство съ организмомъ. Такія сравненія, т.-е. аналогіи, вполнѣ допустимы, такъ какъ онѣ могутъ помочь разобраться въ вопросахъ, касающихся человѣческаго общества и государства. Такимъ сравненіемъ воспользуемся сейчасъ и мы, чтобы выяснить необходимость права для существованія государства.

Можно лишь сравнивать государство съ организмомъ.

Организмы бываютъ различны по своему строенію. Есть организмы, какъ, напримѣръ, амеба, которые состоятъ изъ одной только клѣтки, выполняющей всѣ функціи—движенія, пищеваренія, размноженія и т. п. Такіе организмы называются простыми. Любое изъ млекопитающихся животныхъ представляетъ собою, по сравненію съ амебой, организмъ уже безконечно болѣе сложный. Сложный организмъ характеризуется тѣмъ, что каждая функція въ немъ выполняется отдѣльнымъ органомъ. Вслѣдствіе этого всѣ части сложнаго организма такъ тѣсно связаны между собой, что одна часть не можетъ существовать безъ другой.

Простые и сложные организмы.

Точно также и общества бываютъ простыя и сложныя. Русское государство, напримѣръ, на зарѣ своей исторіи представляло простое общество: оно состояло изъ племенъ, а племена изъ родовъ, причемъ каждый родъ жилъ своей жизнью и могъ существовать самостоятельно, такъ какъ онъ имѣлъ все необходимое для своего существованія. Силами своихъ членовъ родъ обрабатывалъ поле, разводилъ и пасъ скотъ, прялъ шерсть, ткалъ матерію, шилъ одежду, дѣлалъ инструменты и т. д. Наоборотъ, современныя государства являются въ высшей степени сложными

Простыя и сложныя общества.

обществами: ни одинъ человѣкъ въ нихъ не можетъ существовать одинъ, безъ помощи другихъ. такъ какъ все необходимое онъ получаетъ путемъ обмѣна услугами.

Необходимость порядка.

Чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ необходимѣе для него порядокъ, который заключается въ томъ, что каждая клѣточка организма, каждый его органъ точно выполняютъ свои функціи, не расширяясь на счетъ другихъ клѣточекъ и органовъ. Точно также и сложное общество можетъ существовать лишь тогда, когда въ немъ есть и соблюдается порядокъ. Послѣдній заключается въ томъ, что каждый дѣлаетъ свое дѣло, не мѣшая другому дѣлать свое. Каждый членъ общества долженъ знать, слѣдовательно, что онъ можетъ дѣлать и чего не смѣетъ дѣлать; иначе говоря, онъ долженъ знать, какъ вести себя въ отношеніи другихъ членовъ общества. Такія взаимныя отношенія членовъ въ обществѣ и устанавливаетъ п р а в о. Вотъ почему безъ права не можетъ существовать никакое сложное общество. Не можетъ существовать безъ права и современное государство, такъ какъ оно представляетъ собой въ высшей степени сложное общество.

Порядокъ въ сложномъ обществѣ устанавливаетъ п р а в о.

V.

ЭЛЕМЕНТЫ ГОСУДАРСТВА.

1. В л а с т ь.

Сущность власти; ея принудительный характеръ; верховенство, самостоятельность и неограниченность. Необходимость для государственной власти считаться съ установленнымъ ею правопорядкомъ и правосознаніемъ общества.

Элементы государства.

Государство, какъ было указано выше, слагается изъ трехъ элементовъ: т е р р и т о р і и, л ю д е й, ее населяющихъ, и в л а с т и. Изъ этихъ трехъ элементовъ власть является организующей силой, такъ какъ именно она объединяетъ населеніе извѣстной территоріи и придаетъ ему характеръ единаго цѣлаго, создаетъ изъ него о р г а н и з о в а н н ы й н а р о д ъ.

Понять сущность власти не трудно изъ тѣхъ многочисленныхъ проявленій ея, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ насъ въ повседневной жизни. Мы знаемъ, что отецъ имѣетъ власть надъ дѣтьми. Эта власть сказывается въ томъ, что отецъ можетъ приказывать, повелѣвать своимъ дѣтямъ, которыя должны подчиняться велѣніямъ отца даже въ томъ случаѣ, если эти велѣнія не соотвѣтствуютъ ихъ желаніямъ. Такимъ образомъ, власть отца заключается въ господствѣ воли отца надъ волей дѣтей, въ возможности для отца навязывать свою волю дѣтямъ. И вездѣ, гдѣ есть власть, она выражается въ господствѣ и подчиненіи.

Власть и ея сущность.

Власть существуетъ въ каждой общественной организаціи, будетъ ли это обширное общество съ тысячами членовъ, или тѣсный интимный кружокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Вѣдь люди соединяются въ общества для того, чтобы достигнуть тѣхъ или другихъ цѣлей, непосильныхъ одному человѣку. А такое достиженіе возможно лишь въ томъ случаѣ, если въ обществѣ будетъ единая руководящая воля, которая заботилась бы объ общихъ цѣляхъ союза, распоряжалась и слѣдила бы за выполненіемъ своихъ распоряженій. Волю, повелѣвающую и руководящую исполненіемъ своихъ велѣній, и представляетъ власть общества, товарищества, кружка и т. д., т.-е. союзная власть. Вотъ почему всякій, даже самый шаткій союзъ имѣетъ свою особую, соотвѣтствующую его характеру власть Чѣмъ болѣе власть руководится въ своихъ распоряженіяхъ соображеніями объ общихъ цѣляхъ союза, чѣмъ сознательнѣе, съ другой стороны, подчиненіе членовъ союзной власти, тѣмъ прочнѣе организація такого союза.

Государство есть большая и сложная организація. Естественно, что въ ней также есть своя единая государственная власть, которая повелѣваетъ и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ члены государства исполняли ея велѣнія. Но государство, какъ организація со своей особой государственной властью, рѣзко отличается отъ другихъ общественныхъ соединеній, въ которыхъ также имѣется союзная власть. Если мы внимательно приглядимся къ любой общественной организаціи—акціонерной компаніи, научному обществу, спортивному кружку и т. п.,—то увидимъ, что члены ихъ подчиняются союзной власти до тѣхъ поръ, пока они желаютъ участвовать въ данной организаціи. Послѣдняя не имѣетъ въ своемъ распоряже-

нiи никакихъ средствъ, чтобы заставить подчиниться своимъ распоряженіямъ того члена, который этого не желаетъ. Общество можетъ только исключить изъ своей среды непокорнаго члена, который и самъ въ любой моментъ можетъ уйти изъ организаціи, которая въ томъ или другомъ отношеніи перестала его удовлетворять. Такимъ образомъ, какъ участіе въ такихъ обществахъ, такъ и подчиненіе ихъ власти является совершенно добровольнымъ, свободнымъ со стороны ихъ членовъ. Вотъ почему такія организаціи и называются свободными обществами.

Свободныя общества.

Иной характеръ имѣетъ государственная организація и ея власть. Если членъ даннаго государства не исполняетъ распоряженій и предписаній государственной власти, то послѣдняя принуждаетъ его къ такому исполненію. У неисправнаго плательщика налоговъ она продаетъ имущество и изъ вырученной суммы беретъ причитающійся съ него налогъ съ излишкомъ въ наказаніе за неисправность. Уклоняющагося отъ воинской повинности государство насильно беретъ въ солдаты. Въ другихъ случаяхъ оно прибѣгаетъ къ наказанію, часто очень суровому, доходящему иногда до лишенія жизни того, кто не подчиняется его велѣніямъ. Государственная властъ, такимъ образомъ, не только повелѣваетъ; она въ состояніи, кромѣ того, принудить и дѣйствительно принуждаетъ къ исполненію. Государственная власть имѣетъ, слѣдовательно, принудительный характеръ.

Принудительный характеръ государственной власти.

Принудительность государственной власти станетъ еще осязательнѣй, если мы примемъ во вниманіе, что уйти изъ государства нельзя. Прежде всего государство можетъ запретить своимъ членамъ выходъ изъ подданства. Такъ и дѣлаетъ, напримѣръ, русское государство. которое за вступленіе въ подданство иностранной державы караетъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, въ случаѣ же самовольнаго возвращенія на родину—ссылкой на поселеніе. Другія государства не прибѣгаютъ къ подобнымъ мѣрамъ, потому что онѣ врядъ ли способны удержать кого-либо отъ перехода въ иностранное подданство. Болѣе дѣйствительное для этого средство—создать такія условія общественной жизни, при которыхъ членамъ государства легко и хорошо жилось бы, при которыхъ имъ не хотѣлось бы уходить изъ своего государства. Въ принципѣ же каждое государство можетъ издать такой запретъ

и преслѣдовать выходъ изъ подданства. Но и при отсутствіи такого запрета нельзя избѣжать необходимости жить въ государствѣ и подчиняться государственной власти, такъ какъ трудно найти на всемъ земномъ шарѣ такой уголокъ, который не принадлежалъ бы какому-нибудь государству, и гдѣ бы не было, поэтому, государственной власти. Можно уйти, слѣдовательно, изъ одного государства, чтобы подчиниться власти другого государства, такой же принудительной, какъ и власть только что покинутаго государства. Такимъ образомъ, государство, въ отличіе отъ свободныхъ обществъ, представляетъ собой принудительную организацію съ принудительной властью.

Принудительная власть, впрочемъ, принадлежитъ не только государству. Мы знаемъ цѣлый рядъ обществъ, союзовъ и даже отдѣльныхъ лицъ, которые также обладаютъ принудительной властью въ томъ или другомъ объемѣ. Такъ, городское управленіе, земство издаютъ обязательныя постановленія, которымъ должно подчиняться все населеніе данной мѣстности—города, уѣзда, губерніи; оно принудительно взимаетъ съ населенія налоги, требуетъ исполненія разныхъ повинностей и т. п. Въ значительномъ объемѣ власть принадлежитъ градоначальникамъ, губернаторамъ и другимъ административнымъ лицамъ. Родители, какъ мы уже указали, имѣютъ власть надъ дѣтьми, мужъ надъ женой, преподаватели надъ учениками и. т. д. Возникаетъ вопросъ. какая же разница между властью государства и властью другихъ общественныхъ организацій и лицъ, которымъ также принадлежитъ принудительная власть?

Верховенство.

Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, нужно посмотрѣть, откуда черпаютъ указанныя организаціи какъ свою власть, такъ и средства заставить ей подчиняться. Москва, напримѣръ, установила опредѣленный сборъ съ автомобилей, извозчиковъ, велосипедистовъ; она это дѣлаетъ на основаніи права, предоставленнаго ей государственной властью. Къ послѣдней Москва прибѣгаетъ за помощью и въ томъ случаѣ, если нужно принудить лицъ къ исполненію ея постановленій. Такимъ образомъ, власть московскаго городского самоуправленія, принудительная по отношенію къ населенію Москвы, проистекаетъ изъ государственной власти: она является, слѣдовательно, властью производной. Такой же производный характеръ имѣетъ каждая принудительная власть,

существующая въ предѣлахъ государства. Между тѣмъ, власть государства не исходитъ отъ какой-либо другой высшей власти. Иначе говоря, власть государства представляетъ собой высшую, верховную власть. Верховенство, такимъ образомъ, составляетъ второй признакъ государственной власти.

Можно попытаться поискать высшую власть за предѣлами даннаго государства, напримѣръ въ сосѣднемъ государствѣ. Такая попытка приведетъ насъ къ открытію третьяго существеннаго принципа, или, какъ говорятъ юристы, свойства государственной власти. Представимъ себѣ, что русская государственная власть должна была бы подчиняться приказаніямъ германской государственной власти. Тогда послѣдняя безспорно была бы высшей властью, а русская государственная власть перестала бы быть верховной властью. Но тогда и Россія перестала бы существовать, какъ самостоятельное, независимое государство. Россія есть государство потому, что ея государственная власть не только высшая, верховная власть внутри своей территоріи, но и независимая, самостоятельная извнѣ. Самостоятельность, независимость извнѣ составляетъ трѣтій признакъ государственной власти. Для обозначенія его существуетъ особый терминъ — суверенитетъ. Отсюда, самостоятельная государственная власть именуется суверенной властью, а государство—сувереннымъ государствомъ.

Самостоятельность.

Такъ какъ суверенитетъ означаетъ независимость государства, то понятно, почему всѣ государства такъ заботливо берегутъ свой суверенитетъ и устраняютъ все, что могло бы его нарушить. Когда Австрія въ своемъ ультиматумѣ Сербіи предъ послѣдней войной потребовала отъ нея допущенія австрійскихъ чиновниковъ для разслѣдованій по дѣлу объ убійствѣ наслѣдника австрійскаго престола, то Сербія отклонила это требованіе, указавъ на несовмѣстимость его со своимъ суверенитетомъ. И она была права: разслѣдованіе связывается всегда съ правомъ издавать распоряженія, которымъ обязаны подчиняться какъ населеніе, такъ и административныя лица. Но австрійскіе чиновники въ своихъ распоряженіяхъ слушались бы и обязаны были бы слушаться австрійской верховной власти. Допустить австрійскихъ чиновниковъ—это значило для Сербіи выразить согласіе подчиняться австрійской государствен-

ной власти, т.-е. добровольно отказаться отъ своей самостоятельности. Не удивительно поэтому, что Сербія предпочла съ оружіемъ въ рукахъ и до конца бороться съ Австріей, которая угрожала ея независимости.

Неограниченность.

Такимъ образомъ, признаками или свойствами государственной власти являются: принудительность, верховенство и самостоятельность. Но изъ нихъ съ необходимостью вытекаетъ еще одно свойство государственной власти — ея неограниченность. Въ самомъ дѣлѣ, если государственная власть самая высшая, если она самостоятельна, то очевидно, нѣтъ той власти, которая могла бы поставить предѣлъ усмотрѣнію государственной власти. Представленіе о такой неограниченности нашло яркое и законченное выраженіе въ англійской поговоркѣ: «парламентъ можетъ сдѣлать все, только не превратить женщину въ мужчину».

Это представленіе безспорно правильно, но лишь теоретически. Въ дѣйствительной жизни существуетъ цѣлый рядъ условій, которыя препятствуютъ государственной власти превратиться въ произволъ. Государственная власть, устанавливая тотъ или другой правопорядокъ, вынуждена сама уважать его и подчиняться ему, такъ какъ въ противномъ случаѣ она не пользовалась бы ни авторитетомъ, ни довѣріемъ. Существующій правопорядокъ служитъ первымъ ограниченіемъ, неограниченной въ принципѣ, государственной власти. Конечно, государственная власть можетъ измѣнить существующій правопорядокъ. Но какъ измѣнить его, самое направленіе преобразованія не зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія государственной власти. Дѣло въ томъ, что существеннымъ элементомъ правопорядка всѣхъ почти современныхъ государствъ являются права личности на жизнь, имущество, неприкосновенность, свободу и т. д. Эти права, добытыя многовѣковой, напряженной борьбой, имѣютъ за собой прочно сложившуюся общественную психологію и правосознаніе, находящія свое выраженіе въ общественномъ мнѣніи. Вотъ съ этимъ-то мнѣніемъ, правосознаніемъ общества государственной власти приходится очень считаться и тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе общественное мнѣніе. Можетъ ли русская государственная власть возстановить крѣпостное право? Теоретически—можетъ, но практически такое возстановле-

Необходимость считаться съ правосознаніемъ общества.

ніе врядъ ли осуществимо, такъ какъ народъ настолько сжился со свободой, что покорно онъ, конечно, не разстанется съ нею. Лучшимъ примѣромъ значенія общественнаго мнѣнія можетъ служить та самая Англія, которая создала формулу для неограниченности государственной власти. Когда возникла послѣдняя европейская война, англійскій парламентъ, несмотря на важность для Англіи выступить активной противницей Германіи, долго не объявлялъ ей войны, такъ какъ онъ не былъ увѣренъ въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія. И только тогда, когда Германія нарушила нейтралитетъ Бельгіи, парламентъ пересталъ колебаться; онъ могъ теперь написать на своемъ боевомъ знаменіи: «война за свободу и право народовъ». А такая война безусловно могла разсчитывать на поддержку англійскаго народа.

2. Территорія.

Опредѣленіе понятія территоріи; необходимость установленія ея границъ; граница на морѣ—территоріальныя и нейтральныя воды. Публично-правовой характеръ государственной территоріи; принципъ ея недѣлимости и неотчуждаемости.

Понятіе территоріи.

Вторымъ элементомъ государства является **территорія**. Подъ ней разумѣютъ то **пространство суши и воды, на которомъ господствуетъ власть даннаго государства**. Но это общепринятое пока опредѣленіе приходится признать теперь неполнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ завоевалъ воздухъ, государства стремятся, и вполнѣ правильно, распространить свою власть и на воздушное пространство въ границахъ своихъ владѣній. Въ послѣднюю войну германскіе цеппелины пролетали надъ Голландіей и она всякій разъ заявляла протестъ предъ германскимъ правительствомъ, усматривая въ такомъ перелетѣ нарушеніе своего нейтралитета. Голландія, слѣдовательно, считала, что воздухъ также входитъ въ территорію ея государста. Приведенное опредѣленіе должно быть, такимъ образомъ, дополнено указаніемъ на воздухъ, какъ на составной элементъ государственной территоріи.

Границы территоріи служатъ предѣлами господства государственной власти: всѣ, кто живетъ на территоріи даннаго го-

сударства, подчиняются верховной власти этого государства; власть другого государства не можетъ здѣсь приказывать и требовать подчиненія. Отсюда вытекаетъ необходимость точнаго и твердаго установленія границъ государственной территоріи.

Границы территоріи на сушѣ и на морѣ.

Если мы прослѣдимъ исторію любого государства, то увидимъ, что границы его мѣнялись—то расширялись, то суживались въ результатѣ борьбы, которую ему приходилось вести съ сосѣдними государствами. Побѣдившее государство обычно отнимало у побѣжденнаго часть его владѣній и такимъ образомъ расширяло границы своей территоріи. Установленныя въ результатѣ войны границы закрѣплялись затѣмъ договоромъ, пріурочиваясь къ опредѣленнымъ географическимъ пунктамъ—рѣкамъ, горамъ, городамъ и т. п.

Труднѣе опредѣлить границу на морѣ, омывающемъ берега того или другого государства, такъ какъ на немъ нельзя установить такихъ твердыхъ неизмѣнныхъ пунктовъ. Прежде граница на морѣ опредѣлялась на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ берега. Но съ развитіемъ техники пушечный выстрѣлъ пересталъ быть однообразнымъ и устойчивымъ мѣриломъ. Вотъ почему, теперь государства согласились считать границу на морѣ на 3 англійскихъ мили отъ берега. Море въ предѣлахъ 3-хъ англійскихъ миль образуетъ территоріальныя воды того государства, которому принадлежитъ берегъ. За этими предѣлами лежатъ нейтральныя воды. Судно, которое вступило въ территоріальныя воды, подчиняется власти даннаго государства; въ нейтральныхъ же—оно подчиняется власти своего государства, т.-е. государства, подъ флагомъ котораго судно плаваетъ.

Территоріальныя и нейтральныя воды.

Въ эпоху Среднихъ вѣковъ и даже въ новое время—до французской революціи территорія государства считалась частной собственностью государя. Онъ могъ продать ее, обмѣнять, завѣщать по наслѣдству; послѣ его смерти территорія дѣлилась между наслѣдниками и т. п. Въ образованіи, напримѣръ, Габсбургской монархіи (Австріи) сыграли большую роль удачные браки австрійскихъ монарховъ, которые въ качествѣ приданаго получали герцогства и королевства. Такой же частно-правовой характеръ имѣла территорія и у насъ въ удѣльный и московскій періодъ

русской исторіи, когда князья и цари разсматривали русскую «землю», какъ свою в о т ч и н у.

Въ правѣ современныхъ культурныхъ государствъ территорія имѣетъ п у б л и ч н о-п р а в о в о й характеръ: она является составнымъ элементомъ государства, какъ часть живого тѣла, и потому признается н е д ѣ л и м о й и н е о т ч у ж д а е м о й. Это правило, впервые провозглашенное французской конституціей 1791 г., въ дѣйствительной жизни терпитъ, конечно, ограниченія. Бываютъ случаи, чаще всего въ результатѣ несчастной войны, когда государство вынуждено уступить часть своей территоріи, чтобы сохранить независимость. Но такіе случаи не колеблютъ принципа недѣлимости и неотчуждаемости государственной территоріи, какъ потеря вслѣдствіе несчастія руки или ноги не служитъ доказательствомъ дѣлимости человѣческаго организма.

Публично-правовой характеръ территоріи.

3. Населеніе.

Третій элементъ государства — населеніе; понятіе народа — подданные и граждане. Нація; отличіе отъ народа. Связующимъ элементомъ въ націи служитъ сознаніе общаго историческаго прошлаго. Возникновеніе и развитіе чувства національнаго единства. Внѣшнимъ выраженіемъ служитъ языкъ. Связь жизни націи съ жизнью языка. Право каждой націи на существованіе и развитіе.

Территорія входитъ составнымъ элементомъ въ государство не сама по себѣ, не какъ физическая вещь (земля, вода, воздухъ), но чрезъ посредство людей, которые живутъ на ней и подчиняются данной государственной власти. Эти люди составляютъ н а с е л е н і е государства, образующее третій необходимый элементъ каждаго государства.

Населеніе.

Въ населеніе входятъ в с ѣ люди, живущіе на территоріи государства, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и иностранцы, можетъ быть временно пребывающіе въ предѣлахъ государства: и они обязаны подчиняться государственной власти, на территоріи которой живутъ. За исключеніемъ этого случайнаго элемента остается коренное, постоянное населеніе государства—его н а р о д ъ, который представляетъ собой совокупность людей, объединенныхъ между собой п о д ч и н е н і е м ъ одной и той же государственной власти. Съ точки зрѣнія такого

Народъ.

подчиненія народъ образуетъ п о д д а н н ы х ъ государства. Но отношенія народа къ своему государству не исчерпываются обязанностями подчиненія. Народъ имѣетъ кромѣ того извѣстныя права по отношенію къ своему государству: онъ можетъ требовать отъ него защиты, онъ участвуетъ въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ (политическія права). Въ этомъ случаѣ народъ выступаетъ, какъ совокупность не подданныхъ, а г р а ж д а н ъ. Каждая единица народа является такимъ образомъ, въ одно и то же время и п о д д а н н ы м ъ и г р а ж д а н и н о м ъ, и подчиняющимся государству и имѣющимъ по отношенію къ нему права. Конечно, объемъ этихъ правъ въ различныхъ государствахъ различенъ: чѣмъ культурнѣе государство, тѣмъ шире и полнѣе права его гражданъ, и наоборотъ. Поэтому объемъ правъ гражданина или, что то же самое, степень его свободы служитъ лучшимъ показателемъ уровня развитія того или другого государства.

Подданные и граждане.

Но и народъ государства не представляетъ собой однородной массы. Онъ обычно состоитъ изъ цѣлаго ряда различныхъ народностей, т.-е. н а ц і й. Такъ, въ составъ русскаго народа входятъ кромѣ коренныхъ русскихъ: малороссы, поляки, евреи, бѣлоруссы, финны, татары, нѣмцы и т. д. Такимъ образомъ, понятіе народа не совпадаетъ съ понятіемъ н а ц і и. Признакомъ народа служитъ подчиненіе одной и той же государственной власти. Съ точки зрѣнія такого подчиненія и русскіе, и евреи, и татары, и поляки и т. д. образуютъ единое цѣлое, несмотря на ихъ внутреннее различіе и часто острую взаимную вражду. Народъ представляетъ собой, слѣдовательно, внѣшнее единство. Лучшимъ примѣромъ такого внѣшняго единства можетъ служить австрійскій народъ: единый извнѣ, сплоченный австрійской государственной властью, внутри онъ состоитъ изъ огромнаго числа враждующихъ между собой народностей.

Нація.

Между тѣмъ нація образуетъ в н у т р е н н е е единство, гдѣ членовъ ея связываетъ другъ съ другомъ не внѣшняя власть, но с о з н а н і е о б щ а г о и с т о р и ч е с к а г о п р о ш л а г о, пережитого ихъ національной группой. Процессъ возникновенія національной связи аналогиченъ возникновенію тѣсной связи между двумя лицами, которыя всю жизнь жили, работали и боролись вмѣстѣ, вмѣстѣ дѣля и горе и радости. Общія переживанія, естественно, отлагаются у такихъ

Связующій элементъ въ націи.

лицъ въ болѣе длящіяся общія чувства, въ сходные взгляды. Словомъ, у нихъ вырабатывается одинаковый духовный обликъ, которому часто сопутствуетъ сходство въ цѣломъ рядѣ внѣшнихъ чертъ. Приблизительно также создаются и національныя связи. Онѣ появляются въ результатѣ общей исторической жизни, въ теченіе которой данной человѣческой группѣ приходилось совмѣстно бороться за свое существованіе, за осуществленіе общихъ цѣлей, терпѣть пораженія, слѣдовательно, вмѣстѣ страдать, выходить побѣдителемъ изъ испытаній, посланныхъ судьбой, и, слѣдовательно, вмѣстѣ радоваться и гордиться своимъ успѣхомъ.

Возникновеніе чувства національнаго единства.

Чувство національнаго единства, возникающее въ процессѣ общей исторической жизни, первоначально смутное и неясное, обращается затѣмъ въ сознаніе національнаго единства. Такое осознаніе совершается обычно въ моменты столкновенія съ другими чуждыми національностями, когда приходится себя, свою народность противопоставлять другой, враждебной народности. Сознаніе національнаго единства, напримѣръ, у русскаго народа впервые проявилось въ періодъ борьбы съ кочевниками. Выразителемъ его былъ Владиміръ Мономахъ, такъ горячо убѣждавшій другихъ князей объединиться противъ «половчанина». Но это сознаніе было еще очень слабо и союзъ князей, съ такимъ трудомъ налаженный Владиміромъ Мономахомъ, быстро распался. Слабость единаго національнаго сознанія сказалась также въ неуспѣхѣ борьбы съ многочисленными татарскими нашествіями. Русскіе князья, всегда враждовавшіе между собой, не сумѣли подняться до пониманія общей національной опасности и вытекавшей изъ нея общей національной задачи— сплоченно выступить противъ татаръ. Наоборотъ, борьба съ поляками въ Смутное время интересна именно тѣмъ, что во время нея совершается огромный подъемъ и проявленіе русскаго національнаго самосознанія и притомъ не отдѣльныхъ лицъ или слоевъ, но широкихъ народныхъ массъ. Фигура Минина потому и приковываетъ къ себѣ вниманіе, что онъ явился выразителемъ пробудившагося русскаго національнаго самосознанія. Въ жизни каждаго народа есть моменты такого пробужденія,—они образуютъ лучшія страницы его исторіи.

Его развитіе.

Сложившись, національное сознаніе живетъ и развивается,

находя свое внѣшнее выраженіе главнымъ образомъ въ языкѣ народа. Именно въ жизни языка концентрируется и проявляется духовная жизнь націи. И любовь къ своей націи прежде всего и полнѣе всего сказывается въ любви къ родному языку, къ литературнымъ произведеніямъ, въ которыхъ наиболѣе полно воплотилось національное творчество. Жизнь націи такъ тѣсно связана съ языкомъ, что нація можетъ жить и развиваться лишь до тѣхъ поръ, пока будетъ жить и развиваться языкъ. Отсюда вытекаетъ естественное стремленіе каждой національности сохранить родной языкъ и создать условія, при которыхъ онъ могъ бы развиваться. А это достигается, во-1-хъ, передачей языка молодымъ поколѣніямъ путемъ обученія ихъ какъ самому языку, такъ и другимъ предметамъ на родномъ языкѣ; во-2-хъ, свободнымъ пользованіемъ роднымъ языкомъ для устнаго и печатнаго выраженія мыслей. Но отсюда вытекаетъ, что и стремленіе задушить націю прежде всего проявляется въ преслѣдованіи ея языка, въ воспрещеніи говорить на немъ публично, печатать на немъ книги, газеты, а главнѣе, обучать ему и на немъ въ школахъ. Примѣромъ такихъ преслѣдованій полна исторія европейскихъ государствъ. Вотъ почему борьба національностей въ первую очередь сосредоточивается на борьбѣ за языкъ, за школу, за университетъ. Яркимъ примѣромъ такой борьбы можетъ служить Австро-Венгрія, гдѣ господствующая національность—нѣмецкая—вынуждена была дать право сначала венграмъ, затѣмъ полякамъ и русинамъ устраивать свои школы, университеты и обѣщать то же право румынамъ и итальянцамъ.

Языкъ и значеніе его въ жизни націи.

Преслѣдованіе національностей нельзя признать разумнымъ. Такое преслѣдованіе, направленное противъ того, что каждому особенно близко и дорого—противъ его языка, вызываетъ прежде всего глубокую вражду у гонимыхъ по отношенію къ гонителямъ; оно нарушаетъ, такимъ образомъ, внутренній миръ, сплоченность населенія и тѣмъ колеблетъ силу государства. Кромѣ того, каждая нація, какъ и отдѣльный индивидъ, имѣетъ свои особенности, свои дарованія. Развивая ихъ и воплощая въ культурныя цѣнности, націи тѣмъ самымъ увеличиваютъ количественно и качественно богатство государства. Обезпечивая всѣмъ національностямъ, входящимъ въ его составъ, свободу національнаго развитія, государство не теряетъ, слѣдовательно, а выигрываетъ. Но кромѣ того оно выпол-

Преслѣдованіе національностей.

няетъ этимъ свой долгъ предъ человѣчествомъ: человѣчество тѣмъ прекраснѣе и величественнѣе, чѣмъ богаче и разнообразнѣе національности, которыя гармонично въ немъ соединяются. Сохраняя національности и давая имъ возможность свободнаго развитія, государство тѣмъ выполняетъ свое назначеніе—служитъ болѣе высокому и полному развитію человѣчества.

Право каждой націи на существованіе и развитіе.

Мы должны признать, такимъ образомъ, что каждая нація имѣетъ право на существованіе и развитіе. Этотъ принципъ былъ впервые формулированъ и провозглашенъ великой французской революціей въ 1789 г. Но и до сихъ поръ онъ не получилъ осуществленія: и до сихъ поръ цѣлый рядъ націй терпитъ болѣе или менѣе тяжкій гнетъ—армяне въ Турціи, поляки въ Германіи, Австріи, румыны въ Венгріи, чехи въ Австріи и т. д. Такой гнетъ проистекаетъ изъ того, что большинство современныхъ государствъ состоитъ изъ многихъ національностей, когда-то завоеванныхъ и порабощенныхъ. А побѣдители не нашли въ себѣ достаточно ни благородства, ни дальновидности, чтобы примирить съ собой покоренныя національности, давъ имъ самоуправленіе и свободу національнаго развитія. Національная вражда и преслѣдованія были бы совершенно немыслимы, если бы каждая нація образовывала самостоятельное государство, или, по крайней мѣрѣ, обладала бы прочно гарантированнымъ широкимъ самоуправленіемъ. Осуществить эту идею и поставили своей задачей Англія и Франція, вступая въ борьбу съ Германіей. Величіе послѣдней европейской войны заключается не только въ ея грандіозности, но главнымъ образомъ въ ея лозунгѣ «освободить народы и обезпечить всѣмъ національностямъ возможность свободнаго развитія».

VI

ФУНКЦІИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

Единство государственной власти; разнообразіе ея дѣятельности. Три основныхъ направленія этой дѣятельности или ф у н к ц і и—законодательная, судебная и управленіе. Ихъ сущность. Условія правильнаго отправленія этихъ функцій. Ученіе о раздѣленіи властей и его значеніе. Принципы правильной организаціи законодательной, судебной власти и управленія. Проникновеніе идеи раздѣленія властей въ русское государственное устройство.

Единство государственной власти.

Если государственная власть является в ы с ш е й и н е о г р а н и ч е н н о й властью въ предѣлахъ государства, то ясно, что въ государствѣ можетъ быть только о д н а такая власть. Предположимъ, что двѣ или нѣсколько властей притязаютъ на верховенство. Очевидно, между ними произойдетъ борьба, изъ которой какая-нибудь одна выйдетъ побѣдительницей. Эта власть и станетъ в ы с ш е й государственной властью. Но борьба можетъ затянуться, ея исходъ можетъ быть слишкомъ неопредѣленъ, населеніе не будетъ знать тогда,—кому же подчиняться? Въ жизни государства въ такомъ случаѣ наступаетъ состояніе, когда у него нѣтъ верховной власти, состояніе безвластія, т.-е. а н а р х і я. Такъ было въ Россіи въ Смутное время, во Франціи въ Столѣтнюю войну. Такъ бываетъ вообще въ періоды государственныхъ переворотовъ, революцій. Но состояніе анархіи не можетъ длиться долго: въ противномъ случаѣ самое существованіе государства будетъ подвергаться опасности. Примѣромъ можетъ служить Польша, которую долгая анархія привела къ раздѣлу, т.-е. къ исчезновенію ея, какъ самостоятельнаго государства. Изъ верховенства и неограниченности съ необходимостью вытекаетъ, такимъ образомъ, еще одинъ признакъ государственной власти—ея е д и н с т в о.

Ея функціи; законодательство.

Будучи единой, государственная власть осуществляетъ между тѣмъ огромную и очень разнообразную дѣятельность. Несмотря на разнообразіе этой дѣятельности, въ ней отчетливо намѣчаются т р и основныхъ направленія называемыхъ иначе ф у н к ц і я м и государственной власти: направленіе з а к о н о д а т е л ь н о й дѣятель-

ности или законодательная функція, судебная и наконецъ, исполнительная или функція управленія. Первая состоитъ въ установленіи нормъ, опредѣляющихъ весь порядокъ правовой жизни въ государствѣ. Такой порядокъ будетъ прочнымъ лишь въ томъ случаѣ, если нормы будутъ исполняться. Отсюда вытекаетъ необходимость защищать ихъ отъ нарушенія Такая защита и составляетъ содержаніе судебной функціи государственной власти.

Самая защита имѣетъ различныя формы. Два сосѣда, напримѣръ. заспорили о межѣ, раздѣляющей ихъ владѣнія: каждый изъ нихъ утверждаетъ, что именно ему принадлежитъ право собственности на спорный участокъ земли. Въ концѣ концовъ спорящіе, иначе говоря, стороны обращаются къ государственной власти, въ лицѣ судьи, который проводитъ границу между сосѣдями и предписываетъ имъ соблюдать эту границу. Споръ, который безъ сомнѣнія нарушалъ порядокъ, теперь рѣшенъ, порядокъ возстановленъ въ данномъ случаѣ тѣмъ, что судья установилъ право, которое до сихъ поръ было неяснымъ и потому спорнымъ. Въ другихъ случаяхъ защита нормъ выражается въ томъ, что судья возстановляетъ право, принуждая нарушителя нормы выполнить ее, напримѣръ, должника—уплатить кредитору, возвратить собственнику его вещь и т. д. Наконецъ, самый суровый способъ защиты заключается въ наказаніи, налагаемомъ судьей на виновнаго въ нарушеніи особенно важныхъ нормъ, напримѣръ, нормъ «не убивай», «не воруй» и т. д.

Судебная функція.

Наиболѣе обширной и разнообразной по содержанію является функція управленія. Она заключается прежде всего въ исполненіи предписаній закона и судебныхъ постановленій. Дѣятельность по исполненію предписаній, конечно, узка, а главное не свободна; она не можетъ и не должна выходить за предѣлы, строго установленные закономъ. Исполнительная дѣятельность, такимъ образомъ, всецѣло подчинена закону. Иначе говоря, она представляетъ собой подчиненную и подзаконную дѣятельность; отсюда и самое управленіе получаетъ наименованіе подчиненнаго управленія.

Управленіе; подчиненное управленіе.

Надъ подчиненнымъ управленіемъ стоитъ или вер-

Верховное управленіе.

ховное управленіе. Оно характеризуется широкой свободой и просторомъ своей дѣятельности, такъ какъ рамки и направленіе послѣдней не должны и не могутъ быть заранѣе установлены закономъ. Можетъ ли законъ предусмотрѣть и точно опредѣлить, съ кѣмъ и по какому поводу воевать, съ кѣмъ и какого рода заключить договоръ, съ какими государствами и при какихъ условіяхъ поддерживать дружественныя, съ какими—враждебныя отношенія? Словомъ, вся обширная сфера международныхъ отношеній, такъ называемая внѣшняя политика не можетъ быть регламентирована закономъ: она входитъ въ вѣдѣніе или, какъ говорятъ, составляетъ компетенцію верховнаго управленія.

Но и внутри государства дѣятельность верховнаго управленія обширна и также въ значительной мѣрѣ свободна. И здѣсь при быстромъ развитіи жизни законъ часто не можетъ установить ни твердыхъ рамокъ, ни самаго направленія дѣятельности. Нельзя предусмотрѣть, гдѣ, когда и въ какой степени возникнетъ въ странѣ продовольственная нужда, эпидемія и т. д. и закономъ фиксировать средства и способы борьбы съ ними. Да и не желательно, чтобы законъ своими твердыми, негибкими постановленіями регламентировалъ во всѣхъ подробностяхъ, напримѣръ, промышленную и торговую жизнь страны. Эта жизнь развивается быстро, нормы же благодаря своей неподвижности скоро отстаютъ, старѣютъ и легко могутъ затормозить и даже задушить промышленную жизнь. Вспомнимъ, какъ мѣшала экономическому развитію въ началѣ новаго времени цеховая организація съ ея мелочной регламентаціей производства и торговли. Государственная власть должна руководить и направлять экономическую жизнь страны, но это руководство должно быть гибкимъ, оно не должно отставать отъ жизни. Цѣлесообразнѣе поэтому такое руководство предоставить компетенціи верховнаго управленія. Трудно перечислить вопросы внутренней жизни, которые входятъ въ кругъ вѣдѣнія верховнаго управленія. Можно сказать: всѣ вопросы внутренней политики. Даже тѣ изъ вопросовъ, которые подлежатъ законодательному разрѣшенію, ставятся и подготовляются верховнымъ управленіемъ, оказывающимъ тѣмъ самымъ большое вліяніе на ихъ окончательное рѣшеніе. Мы можемъ, такимъ образомъ, сказать, что функція верховнаго управленія заключается

Направленіе внѣшней и внутренней политики.

въ направленіи внѣшней и внутренней политики государства. Насколько важна эта функція, можно заключить изъ того, что характеръ и направленіе верховнаго управленія кладетъ свой отпечатокъ на цѣлыя эпохи въ жизни государства. Такъ, говорятъ: «Эпоха реакціи» во Франціи 30-хъ годовъ, «Либерализмъ эпохи начала царствованія Александра I», «Политика объединенія» Германіи Пруссіей, «Эпоха имперіализма» въ Германіи и т. д.

Раздѣленіе властей.

Функціями законодательства, суда и управленія исчерпывается дѣятельность государственной власти. А такъ какъ эта дѣятельность образуетъ основной нервъ всей жизни государства, то ясно, что правильное отправленіе указанныхъ функцій имѣетъ для государства первостепенное значеніе,—такое же значеніе, мы бы сказали, какое для животнаго организма имѣетъ правильное отправленіе функцій дыханія, питанія, обмѣна веществъ и т. д. Аналогія съ животнымъ организмомъ поможетъ разрѣшить и вопросъ, каковы необходимыя условія правильнаго функціонированія государственной власти. Въ сложномъ животномъ организмѣ каждая жизненная функція отправляется спеціальнымъ, приспособленнымъ къ тому органомъ. Такъ точно въ государствѣ власть будетъ правильно осуществлять свою дѣятельность лишь при условіи, если ея функціи—законодательство, судъ и управленіе—будутъ распредѣлены между самостоятельными и независимыми другъ отъ друга органами. Такое распредѣленіе функцій государственной власти между органами извѣстно въ наукѣ права подъ именемъ раздѣленія властей; теоретическая же разработка самаго вопроса—подъ именемъ ученія о раздѣленіи властей.

Монтескье и его «Духъ законовъ».

Ученіе о раздѣленіи властей связано съ именемъ французскаго философа первой половины XVIII в. Монтескье. Его книга «О духѣ законовъ», вышедшая въ 1748 г., оказала большое вліяніе на развитіе политической мысли не только Франціи, но всей Европы и Новаго Свѣта. Основная мысль этой книги, интересная и оригинальная для своего времени, заключается въ томъ, что законы каждой страны, ихъ «духъ» обусловливаются не усмотрѣніемъ и произволомъ людей, но всей безконечно сложной и многообразной обстановкой, въ которой живетъ страна въ данный моментъ. Впрочемъ, не эта мысль привлекла вниманіе современниковъ: они были захва-

чены тѣми главами «Духа законовъ», гдѣ авторъ ставитъ и рѣшаетъ вопросъ: «Какъ обезпечить политическую свободу гражданъ?» Подъ свободой Монтескье разумѣлъ право каждаго дѣлать все, что не запрещено закономъ, и не быть принуждаемымъ дѣлать то, чего не предписываетъ законъ, иначе говоря—безопасность отъ произвола власти. Но произволъ власти и, слѣдовательно, отсутствіе свободы гражданъ проистекаютъ отъ того, думалъ Монтескье, что люди, обладающіе властью, склонны всегда злоупотреблять ею. Кому бы ни была ввѣрена власть—одному лицу, нѣсколькимъ лицамъ, т.-е. коллегіи, или народу,—но, если власть одна, свобода не обезпечена. Чтобы обезпечить ее, чтобы устранить произволъ и злоупотребленіе властью, есть только одно средство—устроить такъ, чтобы властей было нѣсколько и чтобы они сдерживали другъ друга.

По характеру дѣятельности Монтескье различаетъ въ государствѣ три власти,—законодательную, судебную и исполнительную.

Ученіе о раздѣленіи властей Монтескье.

Эти власти и должны быть раздѣлены между самостоятельными органами, которые, будучи независимыми другъ отъ друга и по своему составу и по положенію, будутъ сдерживать другъ друга. Гдѣ всѣ три власти, или хотя бы двѣ изъ нихъ соединены въ рукахъ одного лица или учрежденія, тамъ, по словамъ Монтескье, не можетъ быть свободы. Законодатель, который будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и исполнителемъ, будетъ издавать тиранические законы, чтобы тиранически же приводить ихъ въ исполненіе. Законодатель-судья будетъ имѣть безграничную власть надъ жизнью гражданъ. Судья, обладающій исполнительной властью, имѣлъ бы силу угнетателя. И все потеряно,—водворится полный деспотизмъ, если всѣ три власти будутъ сосредоточены въ однѣхъ рукахъ. Исполнитель будетъ имѣть тогда все могущество, какимъ онъ самъ себя вооружилъ въ качествѣ законодателя. Въ видѣ примѣра такого рода деспотизма Монтескье указываетъ на Турцію. Но въ этомъ примѣрѣ французы первой половины XVIII в. легко улавливали черты близкаго сходства съ порядками своего отечества, гдѣ также всѣ три власти были сосредоточены въ рукахъ неограниченнаго монарха, и гражданамъ приходилось много страдать отъ его деспотизма. Этимъ и объясняется, почему современники Монтескье все свое вниманіе сосредоточили на тѣхъ положеніяхъ его книги, въ которыхъ трактуется вопросъ о политической свободѣ и раздѣленіи властей, какъ ея гарантіи.

Теорія раздѣленія властей оказала огромное вліяніе на политическій строй всѣхъ народовъ. Прежде всего она была воспринята Сѣверной Америкой и положена въ основу государственнаго устройства Соединенныхъ Штатовъ; отсюда позднѣе она была заимствована и другими американскими государствами. Ея принципы вошли во французскую «Декларацію правъ человѣка и гражданина» и были осуществлены Франціей. Изъ Франціи эти принципы перешли сначала въ правосознаніе, а затѣмъ и въ дѣйствующее право всѣхъ народовъ континентальной Европы. Теперь нѣтъ ни одного цивилизованнаго государства, въ которомъ не было бы осуществлено, съ большей или меньшей полнотой, раздѣленіе властей. Во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ законодательная власть сосредоточена въ рукахъ народныхъ представителей; судебная власть въ рукахъ особаго органа—суда; наконецъ, органомъ управленія является представитель государства (монархъ или президентъ), который вмѣстѣ съ выбираемыми имъ министрами образуетъ п р а в и т е л ь с т в о.

Распространеніе и осуществленіе идеи раздѣленія властей.

Раздѣленіе властей служитъ однимъ изъ условій, обезпечивающихъ свободу гражданъ; но оно не оказываетъ никакого вліянія на п о л н о т у этой свободы. Такая полнота зависитъ уже не отъ раздѣленія властей, а отъ того, какъ организованы власти. Принципы этой организаціи, признанные лучшими, наиболѣе обезпечивающими полноту свободы гражданъ, заключаются въ слѣдующемъ.

Чтобы з а к о н о д а т е л ь н а я власть функціонировала наилучшимъ образомъ необходимо, чтобы она принадлежала н а р о д у в ъ л и ц ѣ е г о п р е д с т а в и т е л е й. Отсюда вытекаетъ, что въ организаціи законодательной власти первостепенное значеніе имѣетъ самый порядокъ избранія народныхъ представителей, такъ какъ отъ того, каковъ этотъ порядокъ, зависитъ, дѣйствительно ли выражаютъ волю народа избираемые представители (депутаты). Правильный порядокъ избранія народныхъ представителей, иначе говоря, правильное избирательное право должно удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: оно должно быть в с е о б щ и м ъ, т.-е. принадлежать всѣмъ взрослымъ подданнымъ государства, безотносительно къ полу, имущественной состоятельности и мѣсту ихъ жительства, р а в н ы м ъ, т.-е. каждому избирателю должно

Принципы правильной организаціи властей.

принадлежать равное съ другими число голосовъ, т а й н ы м ъ, т.-е. выборы депутатовъ, во избѣжаніе давленія на избирателей, должны совершаться закрытой подачей голосовъ, и, наконецъ, п р я м ы м ъ, т.-е. избиратель долженъ выбирать н е п о с р е д с т в е н н о депутата, такъ какъ только при этомъ условіи можетъ существовать тѣсная связь между народомъ и его представителями.

Чтобы с у д е б н а я в л а с т ь могла выполнить свою функцію—охранять право отъ нарушенія, необходимо, чтобы ея органы—судьи были свободны отъ всякихъ постороннихъ вліяній, чтобы въ своихъ рѣшеніяхъ они руководствовались только правдой. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, если судьи будутъ обладать независимостью, которая, въ свою очередь, можетъ быть достигнута лишь при условіи, если судьями будутъ избираться люди съ высокими нравственными достоинствами, если судьямъ будетъ предоставлено достаточное матеріальное обезпеченіе и гарантирована полная несмѣняемость.

Наконецъ, у п р а в л е н і е должно быть организовано такъ, чтобы оно прежде всего было п о д з а к о н н ы м ъ, чтобы оно въ своихъ актахъ строго слѣдовало предписаніямъ закона и не выходило за установленные имъ предѣлы. Такая подзаконность можетъ быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, если будетъ установлена строгая с у д е б н а я отвѣтственность органовъ управленія за незакономѣрность ихъ дѣйствій и ущербъ, причиненный такими дѣйствіями частнымъ лицамъ. Но мы видѣли, что управленіе, въ особенности верховное управленіе, не поддается детальной регламентаціи при посредствѣ закона, и потому судебная отвѣтственность за незакономѣрность дѣйствій не можетъ служить достаточной гарантіей правильнаго функціонированія верховнаго управленія. Между тѣмъ послѣднему принадлежитъ такое важное дѣло, какъ руководство всей внѣшней и внутренней политикой государства. Отсюда вытекаетъ требованіе, чтобы правительство (за исключеніемъ представителя государства, который пользуется привилегіей безотвѣтственности) отвѣчало бы не только за законномѣрность своихъ дѣйствій предъ судомъ, но и за цѣлесообразность ихъ предъ народнымъ представительствомъ. Такая отвѣтственность извѣстна подъ именемъ п о л и т и ч е с к о й о т в ѣ т с т в е н н о с т и; она заключается въ обязанности правительства уйти въ отставку, если его политика не будетъ одобрена народнымъ представительствомъ.

Раздѣленіе властей въ Россіи.

Къ намъ, въ Россію, идея раздѣленія властей проникла въ эпоху Екатерины II, которая была, какъ извѣстно, поклонницей французской просвѣтительной философіи, въ частности, Монтескье. Попытка же положить эту идею въ основу государственнаго строя принадлежала графу Сперанскому, который, по порученію Императора Александра I, составилъ планъ государственнаго преобразованія, поражающій своей широтой и стройностью. По проекту графа Сперанскаго, законодательная власть въ Россіи должна была принадлежать Государю и народнымъ представителямъ—Государственной Думѣ, власть управленія—Государю, возлѣ котораго, въ качествѣ совѣтчика, долженъ былъ стоять Государственный Совѣтъ. въ качествѣ же исполнителей—министерства, съ министрами во главѣ; наконецъ, судебная власть вручалась Сенату. Тотъ же принципъ строгаго отдѣленія законодательной (распорядительной) власти отъ исполнительной и судебной, по проекту гр. Сперанскаго, долженъ былъ лечь въ основу организаціи областного и даже волостного управленія.

Планъ гр. Сперанскаго, весь проникнутый идеями Монтескье, не былъ осуществленъ. Въ царствованіе Александра I были учреждены Государственный Совѣтъ и Министерства, но всѣ три функціи государственной власти попрежнему сосредоточивались въ рукахъ Государя. Лишь въ 1864 г., съ изданіемъ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, судебная власть была отдѣлена отъ законодательной и исполнительной и поручена цѣлой системѣ судебныхъ органовъ, съ Сенатомъ во главѣ. Наконецъ, законодательная власть отдѣлилась въ 1905 г., когда къ законодательной дѣятельности у насъ былъ призванъ народъ, въ лицѣ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

VII.

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА.

Вліяніе на характеръ государства территоріи, населенія; особенное же значеніе имѣетъ организація власти. Классификація государствъ. Монархія, типы монархій: теократія, патримоніальная монархія, сословная монархія. монархія абсолютная, конституціонная, парламентарная. Колыбелью конституціоннаго строя является Англія; распространеніе его въ континентальной Европѣ и Россіи. Республика; ея сущность. Типы республикъ: олигархія, аристократическая республика и республика демократическая. Сложныя государства: реальная унія и союзное государство или федерація.

Вліяніе на характеръ государства территоріи.

Территорія, населеніе, государственная власть образуютъ, какъ мы указали, необходимые элементы каждаго государства. Но это тожество основы всѣхъ государствъ не мѣшаетъ тому разнообразію ихъ, которое мы наблюдаемъ въ исторіи и въ современной дѣйствительности. Такое разнообразіе обусловливается характеромъ основныхъ элементовъ и ихъ соединенія, который и опредѣляетъ ту или другую структуру государства. Мы хорошо знаемъ изъ исторіи, какое огромное вліяніе на характеръ государства оказываетъ территорія: ея географическое положеніе, строеніе почвы, климатическія условія и т. д. Приморское положеніе Финикіи создало изъ нея торговое государство, а торговля, въ свою очередь, наложила особый отпечатокъ на религію, на искусство, науку, словомъ, на весь духовный обликъ финикійскаго государства. Область Нила, съ ея изумительнымъ плодородіемъ, сдѣлала изъ Египта государство земледѣльческое. А земледѣліе послужило основой, на которой выросла вся глубоко интересная египетская культура, оказавшая такое огромное вліяніе на развитіе человѣчества. Устройство поверхности Греціи способствовало образованію маленькихъ, замкнутыхъ въ себѣ государствъ. Между тѣмъ обширная русская равнина заключала въ себѣ всѣ условія, необходимыя для возникновенія обширнаго государства.

Характеръ населенія—его расовыя и національныя черты—

также имѣютъ большое значеніе въ образованіи и развитіи государства, хотя это значеніе и не поддается точному математическому учету. Древній грекъ, съ его любовью къ утонченной духовной культурѣ, искусству, поэзіи, не способенъ былъ къ образованію мощнаго мірового государства, которое удалось создать суровому римлянину. Славянская національная черта—склонность къ раздорамъ, неспособность къ самоорганизаціи—была причиной многихъ неудачъ, потрясеній, тяжелыхъ моментовъ въ исторіи не только Россіи, но и балканскихъ славянъ. Между тѣмъ хладнокровіе, методичность и общественность англо-саксовъ создали изъ Англіи уже въ XIII вѣкѣ государство съ «Великой хартіей вольностей» для подданныхъ. Вѣроломство принято считать національной чертой австрійцевъ, а типичнымъ выраженіемъ ея—политику Меттерниха. И мы знаемъ, что этой традиціонной политикѣ обязана своимъ существованіемъ Австрійская имперія, гдѣ австрійцы, сравнительно съ другими народностями, составляютъ ничтожную часть населенія.

Вліяніе населенія.

Но наибольшее, можно сказать, опредѣляющее значеніе для строя государства имѣетъ третій элементъ—государственная власть, которая изъ территоріи и населенія, какъ элементовъ только государства, создаетъ организованное цѣлое, дѣлаетъ ихъ государствомъ. О р г а н и з а ц і я государственной власти и служитъ классификаціоннымъ принципомъ, т.-е. тѣмъ признакомъ, по которому всѣ государства разбиваются на классы. Такая классификація даетъ возможность свести все разнообразіе государствъ къ небольшому числу основныхъ типовъ; она облегчаетъ, слѣдовательно, ихъ изученіе. Государствовѣду при изученіи формъ государства приходится, такимъ образомъ, прибѣгать къ тѣмъ же пріемамъ, которыми пользуются и естественники, напримѣръ, ботаникъ—при изученіи формъ растеній, зоологъ—животныхъ организмовъ.

Организація государственной власти.

По организаціи государственной власти всѣ государства дѣлятся на двѣ группы: м о н а р х і и и р е с п у б л и к и. М о н а р х і я (греческое слово: monos—одинъ только, arche—власть; monarchia=единовластіе) представляетъ такую форму государственнаго устройства, гдѣ государственная власть во всей полнотѣ сосредоточена въ одномъ лицѣ, гдѣ, слѣдовательно, воля одного человѣка—физическаго лица—олицетворяетъ собой волю всего государства.

Формы государства.

Республика (res publica=общественное дѣло) представляетъ противоположную форму государственнаго устройства: въ ней государственная власть принадлежитъ не одному лицу, а многимъ лицамъ. Носителемъ государственной власти въ республикѣ является, слѣдовательно, не одно лицо, а болѣе или менѣе обширная коллегія. Но такое дѣленіе государствъ на монархіи и республики является лишь самой общей классификаціей: въ исторіи мы наблюдаемъ различные типы какъ монархій, такъ и республикъ. Вполнѣ естественное стремленіе охватить историческую дѣйствительность привело къ дальнѣйшему расчлененію какъ монархій, такъ и республикъ на виды.

Наиболѣе ранній типъ монархіи представляетъ теократія. гдѣ монархъ разсматривается, какъ божество или его намѣстникъ, либо признается посвященнымъ непосредственно самимъ божествомъ. Въ развитой формѣ теократическую монархію мы находимъ въ большинствѣ древнихъ восточныхъ государствъ. Въ Египтѣ фараонъ считался сыномъ бога Озириса; въ Японіи до сихъ поръ императоръ сохраняетъ титулъ «сына солнца». Восточное воззрѣніе на божественное происхожденіе монарха и его власти проникаетъ на Западъ чрезъ Александра Македонскаго, который былъ объявленъ египетскими жрецами сыномъ солнца, и впослѣдствіи самъ проникся мыслью о своемъ божественномъ происхожденіи. Въ Римѣ восточныя воззрѣнія получаютъ широкое распространеніе въ императорскую эпоху, когда возникаетъ культъ императоровъ; со времени Діоклетіана и этотъ культъ и обожествленіе императоровъ получаютъ офиціальное признаніе. Изъ государствъ новаго времени къ теократіямъ должна быть отнесена Папская область, гдѣ папа, намѣстникъ Петра, а черезъ него и Христа Спасителя, былъ облеченъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтской властью монарха.

Теократія.

Вѣра въ божественное происхожденіе власти монарха была очень интенсивной и широко распространенной въ Средніе вѣка. Именно Средніе вѣка ввели въ употребленіе заимствованное у евреевъ помазаніе, которое символизировало идею сошествія на монарха высшей власти непосредственно отъ Бога. Въ Средніе же вѣка короли вносятъ въ свой титулъ терминъ «Божіей милостью» который долженъ былъ служить словеснымъ выраженіемъ божественнаго происхожденія власти монарха. Вѣра въ такое происхожденіе держалась очень долго и въ новое время; теперь же о ней

напоминаютъ сохранившіеся до сихъ поръ и обрядъ коронованія европейскихъ государей и терминъ въ ихъ титулахъ «Божіей милостью».

На развалинахъ Рамской имперіи возникъ другой типъ монархіи—монархія патримоніальная. Она характеризуется тѣмъ, что власть монарха въ ней опирается на обладаніе землей: монархъ является собственникомъ государственной территоріи. Этотъ типъ монархіи былъ созданъ завоевателями эпохи средневѣковья, когда король захватывалъ покоренную землю, объявлялъ себя ея собственникомъ и раздавалъ ее затѣмъ своимъ помощникамъ—вассаламъ. Въ англійскомъ государственномъ правѣ до сихъ поръ сохраняется представленіе, что монархъ—собственникъ всей территоріи Англіи; никакого практическаго значенія это представленіе теперь, конечно, не имѣетъ. Къ патримоніальнымъ монархіямъ принадлежало и Московское государство когда великіе князья, а потомъ цари разсматривали «русскую землю», какъ свою вотчину.

Патримоніальная монархія.

Средневѣковое патримоніальное государство является предкомъ современнаго европейскаго государства, къ которому оно пришло путемъ долгой эволюціи. Слѣдя за этой эволюціей, мы будемъ имѣть возможность наблюдать образованіе другихъ типовъ монархій.

Населеніе феодальнаго государства не представляло однообразной массы подданныхъ, которые всѣ имѣли бы одинаковыя права и несли равныя обязанности по отношенію къ монарху. Оно состояло изъ сословныхъ группъ, съ различными правами и привилегіями. Главными группами были: вассалы государя—дворяне, духовенство, затѣмъ городскія общины, которыя съ ростомъ экономическаго вѣса городовъ пріобрѣтаютъ значеніе третьяго государственнаго сословія, наконецъ,—крѣпостные крестьяне, которые, будучи въ подавляющей массѣ безправными, не принимали активнаго участія въ жизни государства. Между этими группами велась постоянная борьба; съ другой стороны, борьба велась между группами и монархомъ; каждое изъ трехъ сословій стремилось сохранить и расширить свои права противъ монарха: освободиться отъ той или другой повинности, получить то или другое право—судить, чеканить

Сословная монархія.

монету, объявлять войну, заключать миръ и т. д. Въ результатѣ такой борьбы власть монарха оказалась ограниченной правами сословій, и королю приходилось обращаться къ ихъ содѣйствію, главнымъ же образомъ—за денежной помощью и для этого періодически собирать сословное представительство. Государство пріобрѣтаетъ новый обликъ: оно становится сословно-представительной монархіей. Лучшимъ образцомъ такой монархіи можетъ служить Франція XIV, XV, XVI вв.,—въ періодъ расцвѣта и интенсивной дѣятельности генеральныхъ штатовъ, къ которымъ французскіе короли прибѣгаютъ за совѣтомъ и помощью.

Абсолютная монархія.

Но въ большинствѣ государствъ европейскаго континента борьба сословій съ монархической властью кончилась полной побѣдой послѣдней. Короли прежде всего стараются получить отъ сословій постоянныя полномочія на содержаніе войска и взиманіе податей. Обладая же войскомъ и деньгами, короли обладали источникомъ силы и могущества; они не нуждались уже въ содѣйствіи сословій и потому переставали ихъ собирать. Сотрудничество сословій, такимъ образомъ, прекратилось, а съ нимъ исчезло начало, умѣрявшее сословный антагонизмъ, который теперь получаетъ для своего проявленія полный просторъ. Короли пользуются этимъ антагонизмомъ и отнимаютъ у сословій ихъ старинныя права и привилегіи, вырванныя когда-то у монарховъ въ моменты ихъ слабости и существенно ограничивавшія полноту монархической власти. Большой помѣхой въ борьбѣ монарха съ сословіями служатъ обычно старыя родовитыя фамиліи, которыя, съ одной стороны,—богаты и могущественны, съ другой—являются хранителями и защитниками сословныхъ вольностей. Для устраненія этой помѣхи исторія выводитъ на сцену такихъ лицъ, какъ Людовикъ XI, Іоаннъ Грозный. Послѣ ихъ кроваваго дѣла некому уже поднять голосъ въ защиту правъ сословій; всѣ они нивеллируются въ подчиненіи монарху, всѣ становятся его «холопами». Монархъ сбрасываетъ съ себя прежнія ограниченія, его власть становится абсолютной, неограниченной. Сословная монархія исчезаетъ, а на ея мѣстѣ возникаетъ новый типъ монархіи—монархія абсолютная. Превосходнымъ, законченнымъ образцомъ такой монархіи можетъ служить французское государство Людовика XIV, которому принадлежитъ и лучшее выраженіе сущности абсолютизма въ его извѣстной формулѣ: «Государство—это я».

Нельзя указать ни одного изъ государствъ континентальной Европы, которое не прошло бы чрезъ монархическій абсолютизмъ.

Историческая роль абсолютизма.

Послѣдній образуетъ какъ бы необходимую стадію въ развитіи государственнаго организма. Такое значеніе его обусловливается той цѣнной ролью, которую способенъ выполнить и дѣйствительно выполнилъ монархическій абсолютизмъ. Прежде всего онъ спаялъ множество мелкихъ политическихъ единицъ, изъ которыхъ состояла феодальная Европа, въ крупныя національныя государства. Франція, много разъ изгонявшая своихъ королей, теперь глубоко проникнутая республиканскими идеями, съ благодарностью вспоминаетъ эпоху монархическаго абсолютизма въ родной исторіи, такъ какъ ему она обязана своимъ національнымъ единствомъ. Вспомнимъ также и мы ту роль, которую сыграли московскіе князья и цари въ созданіи единаго русскаго государства. Кромѣ того, ведя борьбу съ сословіями,—уничтожая ихъ привилегіи, сглаживая соціальныя неравенства,—абсолютизмъ тѣмъ самымъ способствовалъ образованію внутри государства однородной среды. А въ такой средѣ быстрѣе рождаются, а главное, быстрѣе распространяются новыя идеи и новая культура. Абсолютизмъ расчистилъ, такимъ образомъ, почву для слѣдующей, болѣе высокой стадіи правового и культурнаго развитія Европы.

Въ настоящее время нѣтъ абсолютныхъ монархій ни въ Европѣ, ни даже въ Азіи—этой исконной колыбели «восточнаго деспотизма». Онѣ исчезли, уступивъ мѣсто болѣе совершенной формѣ монархіи — м о н а р х і и о г р а н и ч е н н о й или к о н с т и т у ц і о н н о й. Сущность этой формы монархіи станетъ осязательно ясной изъ сравненія ея съ абсолютной монархіей, недостатки которой и вызвали къ жизни какъ самую идею конституціоннаго строя, такъ и неуклонное распространеніе его во всѣхъ государствахъ Стараго и Новаго свѣта.

Конституціонная монархія.

Характерной чертой абсолютной монархіи является то, что народъ въ ней не принимаетъ никакого участія въ отправленіи государственной власти: въ такой монархіи есть только подданные, но нѣтъ гражданъ. Отсюда вытекаетъ другая существенная черта: такъ какъ народъ въ абсолютной монархіи только подчиняется, онъ не участвуетъ въ законодательной дѣятельности, то, очевидно, въ абсолютной монархіи нѣтъ никакихъ гарантій того, что право,

устанавливаемое государственной властью, будетъ соотвѣтствовать народному правосознанію, что оно будетъ преслѣдовать интересы народа, а не отдѣльныхъ лицъ или привилегированныхъ группъ. Кромѣ того, такъ какъ вся полнота власти въ абсолютной монархіи принадлежитъ одному лицу—монарху, который самъ стоитъ надъ правомъ, внѣ закона, то, очевидно также, что въ абсолютной монархіи нѣтъ гарантій того, что государственная власть будетъ подчиняться и соблюдать право, ею же самой установленное.

Эти недостатки абсолютной монархіи устранены въ монархіи конституціонной. Послѣдняя характеризуется двумя основными чертами: 1) участіемъ народа или народныхъ представителей въ законодательствѣ и 2) раздѣленіемъ властей. Первое служитъ гарантіей того, что законодательная власть будетъ руководствоваться въ своей дѣятельности интересами и правосознаніемъ народа. Второе же, что власти, ограничиваемыя и контролируемыя другъ другомъ, не будутъ выходить за предѣлы своихъ полномочій. А вмѣстѣ—участіе народныхъ представителей въ законодательствѣ и раздѣленіе властей—служатъ гарантіей того, что государственная власть въ своей дѣятельности и въ своихъ отношеніяхъ къ подданнымъ будетъ поступать соотвѣтственно праву, т.-е. правомѣрно. Вотъ почему конституціонное государство называютъ также правовымъ государствомъ, а двѣ основныя гарантіи правомѣрности государственной власти—народное представительство и раздѣленіе властей—конституціоннымъ принципомъ.

Основныя черты конституціонной монархіи.

Конечно, степень подчиненія государственной власти праву различна въ различныхъ государствахъ. И Англія и Турція—обѣ конституціонныя монархіи. Между тѣмъ, Англія безконечно выше Турціи по прочности своего правопорядка, по правомѣрности своей государственной власти, по обезпеченности правъ гражданъ. Англія и Турція представляютъ, такимъ образомъ, различныя степени осуществленія одной и той же идеи правового государства. Такое различіе обусловливается уже различной организаціей властей—устройствомъ органовъ, ихъ взаимныхъ отношеній, отношеній индивида къ государственной власти, словомъ, того, что въ своей совокупности образуетъ конституціонный строй государства или, короче, его конституцію.

Парламентарная монархія.

Въ отношеніи правомѣрности государственной власти особенно важна организація правительственной власти, со стороны которой больше всего грозитъ опасность неподчиненія праву. Эта опасность устранена тамъ, гдѣ правительство (министры) согласуетъ свою дѣятельность съ волей народа, въ лицѣ его представителей. Но такимъ правительство будетъ лишь въ томъ случаѣ, если оно составлено изъ министровъ, взгляды которыхъ на внѣшнюю и внутреннюю политику государства совпадаютъ со взглядами парламента. Отсюда само собой вытекаетъ правило: министровъ необходимо выбирать изъ членовъ парламентскаго большинства. Конституціонное государство, въ которомъ монархъ при выборѣ министровъ подчиняется какъ разъ этому правилу, называется парламентарной монархіей. Въ парламентарной монархіи монархъ обычно приглашаетъ въ качествѣ перваго министра—лидера, т.-е. главу партіи, располагающей въ парламентѣ большинствомъ голосовъ, и поручаетъ ему подобрать остальныхъ министровъ, или, какъ говорятъ,—составить кабинетъ. Само собой разумѣется, что премьеръ-министръ будетъ выбирать себѣ въ качествѣ товарищей лишь тѣхъ лицъ, которыя близки ему по взглядамъ и убѣжденіямъ. Вотъ почему въ парламентарныхъ монархіяхъ «кабинетъ» всегда представляетъ собою солидарное правительство: если народное представительство не одобритъ политику одного изъ министровъ—выразитъ ему недовѣріе, то въ отставку уходитъ весь кабинетъ.

Въ государствахъ конституціонныхъ, но не парламентарныхъ, монархъ не связанъ въ выборѣ министровъ: они могутъ расходиться во взглядахъ не только съ народнымъ представительствомъ, но и между собой. Такое правительство не можетъ быть, конечно, солидарнымъ; оно будетъ лишь внѣшне объединеннымъ. Для своего существованія оно, кромѣ того, не нуждается въ одобреніи со стороны народнаго представительства: послѣднее можетъ выразить категорическое недовѣріе тому или другому министру, тѣмъ не менѣе такой министръ останется на своемъ посту, если онъ не потерялъ довѣрія монарха. Въ конституціонномъ непарламентарномъ государствѣ правительство, такимъ образомъ, отвѣтственно предъ монархомъ, а не предъ народнымъ представительствомъ.

Колыбелью конституціонныхъ учрежденій была Англія. Въ ней

борьба короля съ сословіями, въ противоположность другимъ государствамъ, окончилась побѣдой не короля а сословій. Самымъ раннимъ памятникомъ такой побѣды является Великая Хартія Вольностей 1215 г., въ которой были уже провозглашены основныя права англійскихъ гражданъ. Но эти права были гарантированы въ концѣ-концовъ лишь обѣщаніемъ королей не нарушать ихъ. Конечно, обѣщанія многократно нарушались. Послѣдующая политическая исторія Англіи и сводится въ сущности къ выработкѣ цѣлой системы гарантій, которыя обезпечили бы англійскому народу правомѣрность государственной власти.

Зарожденіе конституціонныхъ учрежденій въ Англіи.

Такая выработка шла медленно, вѣками и притомъ практически—путемъ разрѣшенія тѣхъ отдѣльныхъ случаевъ и вопросовъ, которые ставились самой жизнью. Англичане не выдумали своей конституціи. она сложилась у нихъ въ результатѣ многовѣкового развитія. Въ этомъ отношеніи характерно то обстоятельство, что у англичанъ нѣтъ документа, въ которомъ былъ бы закрѣпленъ ихъ государственный строй,—у нихъ нѣтъ писанной конституціи. Сущность своего государственнаго строя сами англичане поняли хорошо лишь послѣ того, какъ она была раскрыта Монтескье. Благодаря Монтескье знаніе и пониманіе англійскаго конституціоннаго строя распространилось въ Европѣ, и, такимъ образомъ, конституціонная идея сдѣлалась всеобщимъ достояніемъ. Вотъ почему, хотя родиной конституціоннаго государства и является Англія, тѣмъ не менѣе отцомъ современнаго конституціонализма считается Монтескье.

Въ континентальной Европѣ конституціонныя начала были осуществлены прежде всего во Франціи, а отсюда они распространились и по другимъ государствамъ. Но это распространеніе не представляло собой постепенной, незамѣтной эволюціи—смѣны «стараго порядка» новыми учрежденіями; оно совершалось путемъ напряженной борьбы, которая часто принимала форму революцій. Съ конца XVIII и до послѣдней четверти XIX в. мы наблюдаемъ цѣлую волну такихъ революцій, въ результатѣ которыхъ повсюду въ западно-европейскихъ государствахъ были признаны за народомъ права гражданской свободы и право участія въ законодательствѣ страны. Такое признаніе облекалось обычно въ особый актъ—

Распространеніе ихъ въ Европѣ.

конституціонную хартію, открывавшуюся торжественнымъ провозглашеніемъ правъ народа. Соотвѣтственно этому и въ титулѣ европейскихъ государей происходитъ нѣкоторое измѣненіе: рядомъ со старой формулой — «Божіей милостью» появляется прибавка — «и соизволеніемъ народа».

Въ Россіи.

Въ Россіи начала гражданской свободы и право народа на участіе въ законодательной дѣятельности были провозглашены манифестомъ 17 октября 1905 г. Весной 1906 г. было составлено учрежденіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. 27 апрѣля 1906 г. была созвана первая Государственная Дума, и съ этого момента «законодательную власть Государь Императоръ осуществляетъ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой». Правительственная же власть во всей полнотѣ принадлежитъ Государю; его усмотрѣніе въ выборѣ министровъ также ничѣмъ не стѣснено. Россія по своему государственному устройству принадлежитъ, такимъ образомъ, къ конституціоннымъ, непарламентарнымъ монархіямъ.

Республика и ея типы.

Республика, какъ указано выше, представляетъ такую форму государственнаго устройства, гдѣ носителемъ власти является не одно, а нѣсколько, много лицъ или даже весь народъ. Отсюда вытекаетъ и подраздѣленіе республики на виды. Если власть сосредоточена въ рукахъ лишь нѣсколькихъ лицъ, то мы имѣемъ олигархію, которую встрѣчаемъ, напримѣръ, въ исторіи древней Греціи. Если власть принадлежитъ привилегированному классу, какъ это было, напримѣръ, въ Венеціанской республикѣ. то такая республика называется классовой или аристократической. Въ настоящее время ни олигархій, ни аристократическихъ республикъ не существуетъ. Ихъ мѣсто заняла демократическая республика, въ которой носителемъ власти является весь народъ. Будучи носителемъ власти, народъ самъ, всей своей массой можетъ и осуществлять эту власть, какъ это было, напримѣръ, въ древнихъ Аѳинахъ, у насъ въ древнемъ Новгородѣ и Псковѣ. Такая демократическая республика носитъ наименованіе непосредственной демократіи.

Само собой разумѣется, непосредственная демократія можетъ существовать лишь въ государствахъ очень небольшихъ размѣровъ. Государство аѳинское, напримѣръ, такъ же, какъ государство Нов-

города и Пскова, совпадало съ городомъ: всему народу такого государства не трудно было собираться для рѣшенія государственныхъ дѣлъ. Но осуществить непосредственную демократію во Франціи съ ея населеніемъ въ сорокъ милліоновъ, или Китаю, гдѣ была также введена республиканская форма правленія, съ его 350 милліонами, конечно, невозможно. Отсюда возникла другая форма республики—представительная демократія или конституціонная республика, гдѣ народъ осуществленіе власти, носителемъ которой онъ является, передаетъ своимъ выборнымъ: президенту и народному представительству.

Непосредственная и представительная демократія.

Президентъ является представителемъ государства и вмѣстѣ съ министрами образуетъ правительство; онъ осуществляетъ, слѣдовательно, функцію управленія; народное же представительство осуществляетъ законодательную дѣятельность. Конституціонная республика очень сходна, такимъ образомъ, съ конституціонной монархіей; разница лишь въ положеніи главы государства. Монархъ—лицо наслѣдственное и безотвѣтственное: за дѣйствія монарха отвѣчаютъ министры; президентъ же—лицо выборное и отвѣтственное. Типичнымъ представителемъ этого вида республикъ можетъ служить существующая нынѣ Французская республика. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ республикахъ въ законодательствѣ принимаетъ непосредственное участіе наряду съ народнымъ представительствомъ и народъ путемъ голосованія законовъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Такое голосованіе извѣстно подъ именемъ референдума. Оно существуетъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки и образуетъ изъ нихъ особую, смѣшанную форму демократической республики, гдѣ представительная демократія соединена съ непосредственно-демократическими учрежденіями.

Если мы попытаемся теперь опредѣлить, къ какой категоріи государствъ относится Германія, то мы убѣдимся, что для этого не достаточны описанныя формы государственнаго устройства. Конечно, Германія представляетъ конституціонную непарламентарную монархію, но это опредѣленіе не улавливаетъ интересной и важной особенности Германіи, которая отличаетъ ее, напримѣръ, отъ Россіи,

Сложное государство.

такой же конституціонной монархіи. И Франція и Швейцарія—демократическія республики, между тѣмъ это—два различныхъ по своей структурѣ государства.

Если мы внимательнѣе приглядимся къ Швейцаріи и къ Германіи, то увидимъ, что онѣ представляютъ собою государства, которыя сами состоятъ изъ самостоятельныхъ государствъ. Наряду съ простыми государствами существуютъ, такимъ образомъ, сложныя государства, образованныя путемъ соединенія нѣсколькихъ государствъ. Такія соединенія могутъ быть различны. Австро-Венгрія представляетъ, напримѣръ, реальную унію, т.-е. государства, связанныя между собою лишь тѣмъ, что у нихъ общій монархъ. Въ реальной уніи каждое изъ входящихъ въ ея составъ государствъ является совершенно самостоятельнымъ—суверенным государствомъ. Отсюда и вытекаетъ, между прочимъ, наименованіе Австро-Венгріи дуалистической монархіей, составляющей единственную, существующую теперь реальную унію. Болѣе тѣсное соединеніе государствъ составляетъ союзное государство или федерація. Оно характеризуется тѣмъ, что входящія въ составъ федераціи государства теряютъ свой суверенитетъ и подчиняются общей союзной или федеративной власти. Къ такимъ федераціямъ относятся: Швейцарія, Германская Имперія, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и нѣкоторыя другія государства, организовавшіяся по образцу Сѣв.-Ам. Штатовъ.

VIII.

СОЦІАЛЬНЫЯ НОРМЫ.

1. Право.

Сложность государства и его жизни. Необходимость порядка, который устанавливается и поддерживается соціальными нормами. Виды соціальныхъ нормъ. Право. Право по формѣ представляетъ требованіе—приказъ или запретъ; по содержанію—требованіе общественнаго поведенія Мотиваціонный процессъ, при посредствѣ котораго право воздѣйствуетъ на человѣка. Нарушимость права и необходимость его защиты. Опредѣленіе права; его принудительный характеръ. Нравственная сила права; необходимость соотвѣтствія его общественному правосознанію.

Сложность государства и его жизни.

Основныя формы государственнаго устройства, нами только что обрисованныя, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сложно государство по своей структурѣ. Эта сложность, конечно, была бы осязательнѣй, если бы мы могли охватить и представить въ краткой формулѣ конкретную жизнь государства во всемъ ея безконечномъ разнообразіи и сложности. Но такова уже особенность всякаго научнаго изученія: чѣмъ глубже проникаетъ оно въ изучаемое явленіе, чѣмъ полнѣе раскрываетъ его сущность, тѣмъ болѣе исчезаетъ жизненная красочность явленія. Вспомните, во что обращается красота человѣческаго тѣла подъ ножомъ анатома. прелесть цвѣтущаго луга—въ гербаріи ботаника, яркія краски радуги—въ изслѣдованіи физика. Какъ ни величественна наука и создаваемое ею знаніе, но она не можетъ исчерпывающе удовлетворить человѣческій духъ. Вотъ почему, рядомъ съ наукой существуютъ поэзія, искусство, которыя стремятся воспроизвести жизнь во всей ея красочности и полнотѣ. Художественное творчество въ сферѣ общественно-политической находитъ выходъ въ соціальныхъ романахъ, въ проектахъ общественнаго переустройства, въ такъ называемыхъ утопіяхъ. И это творчество такъ же служитъ дѣлу человѣческаго прогресса, какъ и наука.

Соціальныя нормы.

Сложность строенія государства, его жизни и дѣятельности вызываетъ необходимость внутренняго порядка, который регулировалъ бы отношенія членовъ государства другъ къ другу и къ государству. Такой внутренній порядокъ устанавливается и поддерживается цѣлымъ рядомъ правилъ общественнаго поведенія, называемыхъ

иначе соціальными нормами Онѣ могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ группамъ: право, нравы и нравственность.

Право. какъ жизненная сила, съ особенной отчетливостью обнаруживается въ дѣйствіяхъ судьи, когда онъ устанавливаетъ спорное право. возстановляетъ нарушенное право, или принуждаетъ къ его исполненію. Поэтому, чтобы разрѣшить вопросъ о томъ, что такое право, мы воспользуемся нашимъ старымъ примѣромъ судьи, рѣшающаго споръ о межѣ между сосѣдями. Проведя межу-границу. опредѣливъ право собственности каждаго изъ сосѣдей, судья тѣмъ самымъ указываетъ имъ, какъ они должны вести себя по отношенію другъ къ другу. Приглядываясь ближе къ этому указанію—къ его формѣ и содержанію—мы увидимъ, что по формѣ оно представляетъ собою не совѣтъ, не просьбу, а требованіе. Судья приказываетъ каждому изъ сосѣдей соблюдать установленную имъ границу; онъ запрещаетъ имъ нарушать послѣднюю. Когда судья наказываетъ вора, онъ возстановляетъ нарушенное право, которое запрещаетъ воровать; судья приказываетъ на основаніи права дебитору уплатить свой долгъ. Такую форму—приказа или запрета—указанія судьи принимаютъ потому, что право, которое судья осуществляетъ въ своихъ указаніяхъ, также не проситъ, не совѣтуетъ, а требуетъ—приказываетъ или запрещаетъ. Такимъ образомъ, по формѣ право всегда является требованіемъ, т.-е. нормой, которая въ свою очередь принимаетъ форму приказа или запрета.

Право по формѣ.

Содержаніемъ требованія судьи въ нашемъ примѣрѣ служитъ опредѣленное поведеніе сосѣдей по отношенію другъ къ другу, т.-е. ихъ общественное поведеніе. Разграничивая владѣнія сосѣдей, судья, съ одной стороны, предоставляетъ каждому изъ нихъ свободу дѣйствій въ предѣлахъ своего владѣнія, съ другой—онъ запрещаетъ имъ тѣ дѣйствія, которыя вторгаются во владѣніе другого. Своимъ требованіемъ опредѣленнаго поведенія судья, слѣдовательно, съ одной стороны—предоставляетъ, съ другой—ограничиваетъ свободу сосѣдей и тѣмъ дѣлаетъ возможнымъ ихъ совмѣстное существованіе. Но судья лишь осуществляетъ право; слѣдовательно, въ томъ, чего требуетъ судья, выражается требованіе права. Содержаніемъ своимъ право всегда имѣетъ

Право по содержанію.

внѣшнюю свободу людей, которую оно разграничиваетъ и тѣмъ обезпечиваетъ возможность ихъ совмѣстной, т.-е. общественной жизни.

Предъявляя свои требованія, право, а за нимъ и судья обращаются къ сознанію и волѣ человѣка, помимо которыхъ заставить его выполнить что-нибудь совершенно невозможно.

Процессъ воздѣйствія нормы на человѣка.

Норма права, проникая въ сознаніе, становится силой, способной оказать вліяніе на рѣшеніе, а чрезъ него и на поведеніе лица. Когда у человѣка появляется желаніе, напримѣръ, уворовать, убить, не заплатить по векселю, то вмѣстѣ съ этимъ желаніемъ въ сознаніи встаетъ представленіе о нормѣ, которая властно говоритъ ему: «не воруй», «не убивай», «плати свой долгъ». Если бы такого представленія не было, то возникшее желаніе уворовать, убить и т. п. безъ задержки обратилось бы въ твердое рѣшеніе, а рѣшеніе также свободно перешло бы въ дѣйствіе Но этому мѣшаетъ представленіе о нормѣ. Оно какъ бы связываетъ, об(в)язываетъ человѣка; навстрѣчу желанію уворовать, убить и т. п. подымается такимъ образомъ сознаніе правовой обязанности; между ними завязывается борьба; исходъ этой борьбы и опредѣлитъ поведеніе человѣка—уворуетъ ли онъ или воздержится.

Отдѣльныя желанія, принимающія участіе въ борьбѣ, называются мотивами, а самая борьба—выборомъ. Мотивъ, одержавшій побѣду, иначе говоря, выбранный человѣкомъ для осуществленія, становится рѣшеніемъ, которое при посредствѣ нервовъ и мускуловъ переходитъ наконецъ въ дѣйствіе.

Такова схема того внутренняго мотиваціоннаго процесса, какимъ норма права оказываетъ вліяніе на поведеніе человѣка. Изъ этой схемы совершенно ясно, что человѣкъ въ своемъ выборѣ можетъ остановиться на рѣшеніи, какъ согласномъ, такъ и несогласномъ съ правомъ. Иначе говоря, ему принадлежитъ свобода выбора между мотивами, которой обусловливаются нарушимость и дѣйствительныя нарушенія права.

Нарушенія права опасны для государства: они колеблютъ внутренній порядокъ, нарушаютъ правильное теченіе его жизни и тѣмъ подрываютъ устойчивость самого государства. Въ виду этого возникаетъ необходимость усилить нормы права въ мотиваціонной борьбѣ—защитить ихъ отъ нарушенія. Эту защиту нормъ права и беретъ на себя

Необходимость защиты права.

государство. Самая же защита состоитъ въ угрозѣ невыгодными послѣдствіями — наказаніемъ или матеріальнымъ ущербомъ — въ случаѣ нарушенія нормы. Такимъ образомъ, когда у человѣка появляется желаніе совершить поступокъ, несогласный съ правомъ, то ему противостоитъ не только представленіе о правовой нормѣ, но и представленіе о невыгодныхъ послѣдствіяхъ ея нарушенія. Благодаря защитѣ государства правовой мотивъ является нѣсколько усиленнымъ въ его борьбѣ съ мотивомъ антиправовымъ.

Путемъ предыдущаго анализа мы установили всѣ основные признаки права и теперь можемъ дать его полное опредѣленіе:

Опредѣленіе права.

Право есть совокупность взятыхъ государствомъ подъ свою защиту нормъ общественнаго поведенія, которыя разграничиваютъ сферы индивидуальной свободы лицъ въ обществѣ и тѣмъ обезпечиваютъ возможность ихъ совмѣстнаго существованія.

Принудительный характеръ права.

Угроза, создаваемая государствомъ въ защиту права, часто очень суровая, неумолимо выполняемая естественно, оказываетъ давленіе на членовъ правового сообщества. Такое давленіе переживается ими, какъ внѣшнее принужденіе, которое и пріурочивается къ правовой нормѣ, въ качествѣ ея специфической черты. Отсюда и вытекаетъ принудительный характеръ права, подчеркиваемый въ юриспруденціи, какъ необходимая его принадлежность. Вотъ почему нѣкоторые юристы отказываются признавать правомъ тѣ считающіяся правомъ нормы, за которыми не стоитъ принуждающая сила, напримѣръ, нормы международнаго права.

Нравственная сила права.

Но правда ли, что сила права заключается въ той угрозѣ зломъ, которая стоитъ за правомъ? Нѣтъ, конечно. Огромное большинство людей не убиваетъ, не воруетъ, не уклоняется отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ не потому, что боится государственной угрозы, а потому, что подобныя дѣйствія, воспрещенныя правомъ, и сами люди считаютъ дурными, несоотвѣтствующими ихъ представленію о справедливомъ, хорошемъ. Правовая норма въ данномъ случаѣ сильна не угрозой, стоящей за нею, не возможнымъ внѣшнимъ принужденіемъ, но опорой, которую она находитъ въ нравственномъ сознаніи подчиняющихся ей людей. Во Франціи, въ эпоху директоріи, былъ изданъ

законъ, воспрещавшій подъ угрозой смертной казни оказывать матеріальную помощь эмигрантамъ. Предъ судомъ предсталъ глубокій старикъ, уличенный въ посылкѣ денегъ эмигрировавшему сыну. «Развѣ вы не знали,—спросилъ судья обвиняемаго,—закона, воспрещающаго помогать эмигрантамъ». «Да, я зналъ этотъ законъ,—отвѣтилъ старикъ,—но я также знаю болѣе старый и священный законъ, который повелѣваетъ отцу поддерживать своего сына». Этотъ примѣръ превосходно иллюстрируетъ безсиліе права, противорѣчащаго нравственному сознанію человѣка, несмотря на угрозу тяжкимъ наказаніемъ за его нарушеніе.

Такимъ образомъ, лишь то право сильно и устойчиво, которое соотвѣтствуетъ нравственному сознанію общества. Право, противорѣчащее такому сознанію, общество рано или поздно сброситъ съ себя, какъ сбрасываетъ старое изношенное платье выросшій изъ него обладатель. Смыслъ всѣхъ революцій въ исторіи, всѣхъ широкихъ общественныхъ движеній сводится именно къ борьбѣ новаго общественнаго самосознанія съ устарѣвшимъ правомъ, со «старымъ порядкомъ». Мудрость носителей государственной власти и заключается въ томъ, чтобы во-время измѣнить право соотвѣтственно новому опредѣлившемуся правосознанію.

2. Нравы.

Нравы по содержанію и по формѣ также представляютъ собою соціальныя нормы. Отличіе отъ нормъ права: необязательность, меньшая степень принудительности, условность; характеръ защиты. Опредѣленіе нравовъ. Исторія и примѣры нормъ нравовъ и ихъ видоизмѣненія. Соціальное значеніе нормъ нравовъ.

Вторую группу соціальныхъ нормъ образуютъ нравы. Въ повседневной жизни мы встрѣчаемся съ ними чаще, пожалуй, чѣмъ даже съ правомъ—въ формѣ тѣхъ безчисленныхъ правилъ приличія, вѣжливости, обхожденія, этикета и т. п., которыя мы заботливо выполняемъ, въ большинствѣ случаевъ не замѣчая ихъ. Будучи незамѣтными, нормы нравовъ тѣмъ не менѣе имѣютъ большое соціальное значеніе: онѣ безконечными нитями охватываютъ жизнь человѣка, опредѣляютъ его поведеніе и регулируютъ его отношенія къ другимъ членамъ общества.

Въ объявленіяхъ о великосвѣтскомъ балѣ, въ приглашеніяхъ

на торжественное собраніе часто встрѣчается такого рода указаніе—«Форма одежды: для мужчинъ—фракъ, для женщинъ—бальное платье». Подобное указаніе о платьѣ мы находимъ также въ приглашеніяхъ на церковную службу въ табельные дни, въ объявленіяхъ министра двора о порядкѣ пріѣзда ко двору въ торжественныхъ случаяхъ и т. п. Но если бы такого указанія и не было, то лица, бывающія на балахъ, въ собраніяхъ, знаютъ, что принято, что существуетъ обыкновеніе надѣвать въ такихъ случаяхъ опредѣленный костюмъ И всегда мотивировка поведенія формулой «такъ принято» служитъ показателемъ того, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ обыкновеній, которыя называются нравами.

Нравы — социальныя нормы.

По формѣ и по содержанію нравы очень напоминаютъ право. Въ этомъ легко убѣдиться изъ приведеннаго обыкновенія, предписывающаго мужчинамъ надѣвать на балъ фракъ. Какъ и право, нравы не просятъ, не совѣтуютъ, а требуютъ; по формѣ они представляютъ собою, слѣдовательно, нормы. Какъ и право, нравы касаются лишь внѣшняго, общественнаго поведенія человѣка. Какъ и право, нравы являются, такимъ образомъ, соціальными нормами.

Но между ними есть и глубокое различіе. Если кто-нибудь явится на балъ не въ принятомъ костюмѣ, то распорядители не могутъ обратиться къ судьѣ съ просьбой защитить нарушенное обыкновеніе—заставить нарушителя надѣть фракъ или, по крайней мѣрѣ, наказать его за такое поведеніе. Нормы нравовъ не пользуются защитой государства и потому не обладаютъ той безусловной обязательностью, тѣмъ принудительнымъ характеромъ, которыми отличается право.

Они защищаются общественнымъ мнѣніемъ.

Впрочемъ, нравы не беззащитны. Тѣхъ, кто поступаетъ не такъ, какъ принято въ обществѣ, встрѣчаютъ смѣхомъ, презрѣніемъ, негодованіемъ, ихъ сторонятся, съ ними прекращаютъ сношенія, ихъ, наконецъ исключаютъ изъ своей среды. Вспомнимъ, какъ враждебно московскіе люди XVII в. относились ко всякимъ новшествамъ въ привычномъ укладѣ жизни, которыя вводилъ Петръ. Нетрудно также представить себѣ, какой взрывъ негодованія вызоветъ и теперь появленіе на великосвѣтскомъ балѣ не надлежаще одѣтаго. Нравы защищаются, такимъ образомъ, не государствомъ,

а общественнымъ мнѣніемъ. И эта защита тѣмъ надежнѣе, тѣмъ чувствительнѣе для нарушителя, чѣмъ болѣе дорожитъ онъ отношеніемъ къ нему даннаго общества. Ужасъ Фамусова предъ тѣмъ, «что скажетъ княгиня Марья Алексѣвна», всецѣло обусловливался тѣмъ огромнымъ значеніемъ, которое Фамусовъ придавалъ мнѣнію своего общества о немъ и его семьѣ.

Угрожая за нарушеніе нравовъ презрѣніемъ, негодованіемъ и т. п., общественное мнѣніе тѣмъ самымъ оказываетъ давленіе на лицъ даннаго общественнаго круга, которое и переживается ими, какъ принужденіе. Нормы нравовъ, слѣдовательно, также принудительны, въ меньшей лишь степени, чѣмъ право. Такая меньшая степень принудительности объясняется тѣмъ, что нравы не являются безусловно обязательными, какъ право. Нравамъ человѣкъ подчиняется при условіи, если онъ желаетъ оставаться членомъ даннаго общества: для того, кто порветъ съ нимъ, не обязательны и его обычаи. Такимъ образомъ, нравы — условны. Отсюда, между прочимъ, произошелъ и терминъ — условность, который употребляютъ для обозначенія правилъ, принятыхъ въ томъ или другомъ кругу. Л. Н. Толстой, уйдя изъ аристократическаго круга, къ которому принадлежалъ, отбросилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его условности — сталъ носить вмѣсто дорогихъ костюмовъ рабочую блузу, пахать землю, работать физически, несмотря на презрѣніе его среды къ физическому труду; словомъ опростился, ища счастья въ духовномъ совершенствованіи.

Условность.

Изъ условности нормъ нравовъ можно было бы заключить, что онѣ не обладаютъ силой, что съ ними можно не считаться: стоитъ только порвать съ обществомъ, обычаи котораго перестали нравиться, или сдѣлались тягостными. Но такое заключеніе было бы невѣрнымъ. Дѣло въ томъ, что уйти изъ общества, порвать съ нимъ не такъ легко: для этого нужно имѣть огромную силу воли, богатое внутреннее содержаніе, чѣмъ обладаетъ незначительное меньшинство. Вотъ почему порвать съ обществомъ, которое перестало удовлетворять, оказываются въ силахъ лишь единицы — такія, какъ Толстой, Байронъ и т. п. Большинство же людей крѣпко сковано нравами; оно подчиняется имъ или слѣпо, не чувствуя разлада, или подавивъ разладъ, если онъ появился. Разладъ со своей средой, изъ котораго не найдено выхода, часто бываетъ причиной глубокихъ жизненныхъ драмъ.

Норма права, далѣе, обязательна для в с ѣ х ъ членовъ государства, безотносительно къ сословію, классу, кругу, къ которому они принадлежатъ. Отбывать воинскую повинность, напримѣръ, обязаны всѣ—и дворяне, и крестьяне, и купцы и т. д. Между тѣмъ мы не найдемъ ни одной нормы нравовъ, которая пользовалась бы всеобщимъ признаніемъ: каждая соціальная группа имѣетъ свои обыкновенія, обязательныя только для членовъ данной группы, и необязательныя для членовъ другой; у дворянъ—свои нравы, у купцовъ—свои и т. д. И характерно, что нарушеніе нормъ нравовъ лицомъ, принадлежащимъ къ другой соціальной группѣ, не вызываетъ раздраженія: такое нарушеніе склонны извинить. Неумѣнье держать себя въ аристократической гостиной, проявленное крестьяниномъ, не будетъ поставлено ему на счетъ, такъ какъ онъ, скажутъ въ такомъ случаѣ,—«человѣкъ не нашего круга».

Хорошимъ примѣромъ нормъ нравовъ можетъ служить знаменитое, изданное Петромъ Великимъ «Юности честное зерцало», которое заключало въ себѣ правила поведенія, обязательныя для лицъ благороднаго званія, т.-е. шляхты. Въ этомъ сборникѣ не разъ подчеркивается мысль: что простительно «мужику», то недопустимо для шляхтича. «Не будь подобенъ мужику, который на солнцѣ валяется», говоритъ одно изъ первыхъ правилъ петровскаго «показанія къ житейскому обхожденію». «Въ комнатѣ или въ церкви, говоритъ другое правило, въ платокъ громко не сморкаться и не чихать, перстомъ носа не чистить, губъ рукой не утирать, за столомъ на столъ не опираться, руками по столу не колобродить, ногами не мотать, перстовъ не облизывать, костей не грызть, ножомъ зубовъ не чистить, головы не чистить надъ пищей, какъ свинья не чавкать, не проглотя куска не говорить, ибо такъ д ѣ л а ю т ъ к р е с т ь я н е».

Опредѣленіе нравовъ.

Такимъ образомъ, н о р м ы н р а в о в ъ п р е д п и с ы в а ю т ъ п о в е д е н і е ч е л о в ѣ к у, к а к ъ ч л е н у с о ц і а л ь н о й г р у п п ы, тогда какъ право обращается со своими требованіями къ человѣку, какъ къ члену государства, т.-е. политическаго союза. Соединяя установленные выше признаки нравовъ, мы получимъ слѣдующее ихъ опредѣленіе: Н р а в ы е с т ь с о в о к у п н о с т ъ у с л о в н ы х ъ н о р м ъ, о п р е д ѣ л я ю щ и х ъ п о в е д е н і е л и ц а, к а к ъ ч л е н а д а н н о й с о ц і а л ь н о й г р у п п ы.

Въ образованіи нормъ нравовъ государственная власть не принимала и не принимаетъ никакого участія: онѣ представляютъ собой продуктъ безсознательнаго творчества опредѣленной группы. Вызванныя къ жизни религіознымъ воззрѣніемъ, суевѣріемъ, или какою-либо соціальной потребностью, нормы нравовъ продолжаютъ существовать и тогда, когда вызвавшее ихъ религіозное воззрѣніе измѣнилось, суевѣріе исчезло, соціальная потребность миновала. Съ исчезновеніемъ или измѣненіемъ первоначальной цѣли, которой служила данная норма, она остается теперь въ качествѣ пустого пережитка, или получаетъ иное назначеніе и смыслъ, совершенно отличные отъ тѣхъ, какіе она имѣла при своемъ возникновеніи. Вотъ почему, исторія нравовъ въ высшей степени интересна: многія изъ тѣхъ обыкновеній, которыя глубоко укоренились въ обществѣ и безотчетно выполняются имъ, въ свѣтѣ соціальной исторіи вдругъ становятся ясными, раскрывается ихъ смыслъ, и мы получаемъ возможность судить объ ихъ былой цѣлесообразности.

Исторія нормъ нравовъ.

Принятые теперь, въ среднемъ и низшемъ кругахъ общества, поминальные обѣды и поминки на Красную Горку, представляютъ собой, нетрудно догадаться, пережитокъ языческой еще тризны. Но тризна была религіознымъ обрядомъ, вызваннымъ вѣрой, что строгое выполненіе ритуала погребенія и поминокъ обезпечиваетъ умершему покойное загробное существованіе. По воззрѣніямъ, напримѣръ, древнихъ грековъ,—умершій, не погребенный и не оплаканный, никогда не сойдетъ въ Аидъ и никогда не найдетъ успокоенія. Вѣра въ такое значеніе поминокъ теперь исчезла, обычай же ихъ устраивать остался, несмотря на то, что онъ совершенно не вяжется ни съ настроеніемъ, вызываемымъ смертью близкихъ, ни съ религіозными воззрѣніями христіанства.

Поминки.

Обычай привѣтствовать знакомыхъ поклономъ—также религіознаго происхожденія: онъ представляетъ собою видоизмѣненную форму прежняго преклоненія предъ божествомъ. Такое преклоненіе выражалось, какъ извѣстно, въ томъ, что предъ божествомъ распростирались, падали ницъ, демонстрируя свое ничтожество. Этотъ обычай сталъ соблюдаться потомъ по отношенію къ царямъ: при появленіи фараоновъ народъ долженъ былъ падать ницъ, къ китайскому же богдыхану подданный могъ приблизиться не иначе, какъ ползкомъ на брюхѣ. Распростираніе,

Привѣтствіе.

паданіе ницъ замѣняется впослѣдствіи земнымъ поклономъ, который первоначально былъ дѣйствительно земнымъ, такъ какъ сопровождался прикосновеніемъ лбомъ къ землѣ. Но затѣмъ стали считать достаточнымъ прикоснуться рукой къ землѣ. Такимъ именно поклономъ привѣтствовали бояре московскихъ князей и царей, холопы—бояръ, вообще низшіе—высшихъ. Мало-по-малу земной поклонъ видоизмѣнился въ принятое теперь наклоненіе головы, которымъ привѣтствуютъ знакомыхъ. Слѣды того, что прежде поклонъ былъ признакомъ соціальнаго неравенства, существуютъ и теперь въ обыкновеніи русскаго крестьянина кланяться каждому встрѣчному, котораго на глазъ онъ принимаетъ выше себя по соціальному положенію.

Наиболѣе тиранническими нормами нравовъ являются теперь тѣ изъ нихъ, которыя касаются покроя платья и формъ обхожденія. Прежде платье и по матеріалу, и по покрою всецѣло опредѣлялось соціальнымъ положеніемъ лица. Въ Средніе вѣка, напримѣръ, горожане не имѣли права носить костюмъ, составлявшій сословное достояніе дворянъ. Отсюда, между прочимъ, и возникло наименованіе горожанъ, а затѣмъ и низшихъ сословій—санкюлотами, такъ какъ горожане не носили и не могли носить панталонъ съ буфами, которые составляли привилегію дворянъ. У насъ, въ эпоху Екатерины II, каждое сословіе имѣло свой особый, закрѣпленный за нимъ, костюмъ и даже цѣлый обиходъ его внѣшней жизни—домашнюю утварь, упряжь лошадей, самый выѣздъ и т. д.: купцы, напримѣръ, не могли ѣздить цугомъ, ѣсть на серебрѣ и т. п. По мѣрѣ утраты сословіями государственнаго значенія, исчезаетъ и закрѣпощеніе платья. Его слѣды сохраняются теперь лишь въ разнообразныхъ «формахъ», которыя носятъ лица, состоящія на государственной службѣ, учащіеся и т. п.

Платье.

Въ настоящее же время получилъ широкое распространеніе такъ называемый «европейскій» костюмъ, который, безспорно, имѣетъ извѣстное соціализирующее значеніе. Всякое рѣзкое выдѣленіе внѣшностью изъ окружающей среды препятствуетъ установленію прочныхъ связей и отношеній: китайца, появившагося на улицѣ русскаго города въ національномъ костюмѣ, всегда окружаетъ толпа, которая молча глазѣетъ на него и никогда не проявляетъ желанія вступить съ нимъ въ мирное общеніе. Между тѣмъ тотъ же китаецъ, одѣтый въ обычный, общепринятый костюмъ, выглядитъ

Соціализирующее значеніе платья.

такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ. Костюмъ устраняетъ, такимъ образомъ, внѣшнее препятствіе, которое мѣшало общенію, хотя самаго общенія онъ и не создаетъ.

Бо́льшее соціализирующее значеніе имѣютъ правила внѣшняго обхожденія—приличія, вѣжливости, почтенія. Запрещая всякое грубое проявленіе чувствъ, инстинктовъ, предписывая оказывать окружающимъ людямъ вниманіе, уваженіе къ ихъ соціальному положенію, эти нормы имѣютъ цѣлью создать атмосферу взаимной благожелательности, которая болѣе, конечно, способствуетъ развитію общественности, чѣмъ грубость, несдержанность, неуваженіе къ окружающимъ и т. п. Наибольшее же значеніе имѣютъ тѣ обыкновенія, которыя складываются среди лицъ одной и той же профессіи—адвокатовъ, врачей и т. п. и извѣстны подъ именемъ «профессіональной чести», «профессіональной этики». Они регулируютъ тѣ отношенія, которыя возникаютъ по поводу отправленія извѣстной профессіи. Эти отношенія имѣютъ часто большое жизненное значеніе, но не поддаются нормировкѣ правомъ. У врачей не принято, напримѣръ, безнадежно больному сообщать о его положеніи, критиковать дѣйствія своего предшественника; адвокатъ не приметъ на себя веденіе дѣла, если онъ состоялъ повѣреннымъ противной стороны и т. п.

Такимъ образомъ, нравы помогаютъ праву упорядочить общественную жизнь; они берутъ на себя регулированіе или тѣхъ мелкихъ обыденныхъ повседневныхъ отношеній, которыя способны, несмотря на свою незначительность, нарушить общественный миръ, или тѣхъ, которыя имѣютъ жизненное значеніе, но ускользаютъ отъ контроля надъ ними права. Въ этомъ и заключается соціальная роль нравовъ.

Соціальное значеніе нравовъ.

3. Нравственность

Сфера нравственности—внутренній міръ человѣка. Отличіе права отъ нравственности: двусторонность права и односторонность нравственности; ограниченность требованій права и безграничность требованій нравственности. Значеніе мотива. Характеръ защиты нормъ нравственности: совѣсть; угрызенія совѣсти, раскаяніе. Опредѣленіе нравственности. Отдѣленіе нравственности отъ права. Возможное столкновеніе права и нравственности; выходъ изъ такого столкновенія.

Третью категорію соціальныхъ нормъ составляетъ нравственность. Если право защищаетъ мечъ государства,

разящій неумолимо и часто очень сурово, если нарушителей принятыхъ обыкновеній общество преслѣдуетъ своимъ смѣхомъ, презрѣніемъ, которые достаточно сильны, чтобы заставить человѣка подчиняться нормамъ нравовъ, то нравственность не имѣетъ за собою никакого внѣшняго авторитета; ея нормы въ этомъ отношеніи совершенно беззащитны, и тѣмъ не менѣе ни право, ни нравы не оказываютъ вліянія на человѣка, не владѣютъ имъ съ той силой, на какую способна нравственность.

Несмотря на различіе, нормы права и нравовъ сходны въ томъ отношеніи, что и тѣ и другія регулируютъ лишь в н ѣ ш н е е поведеніе человѣка и притомъ поведеніе о б щ е с т в е н н о е. Ни право, ни нравы не заглядываютъ въ душу человѣка и не интересуются его интимной жизнью. Міръ настроеній, внутреннихъ переживаній, міръ интимной личной жизни и составляетъ какъ разъ ту сферу, гдѣ безраздѣльно властвуютъ нормы нравственности. Если право и нравы являются в н ѣ ш н и м и по отношенію къ человѣку, дѣйствуютъ на него извнѣ, посредственно, то нормы нравственности составляютъ с о д е р ж а н і е его собственнаго с о з н а н і я,—онѣ дѣйствуютъ на человѣка внутренне, непосредственно. Въ этой непосредственности и заключается источникъ той силы нормъ нравственности, которая можетъ заставить человѣка подняться на костеръ.

Сфера нравственности

Нѣсколько отчетливѣе вырисовывается теперь и соціальное значеніе нормъ нравственности. Право и нравы сами по себѣ не достаточны, чтобы поддержать общественный порядокъ: они дѣйствуютъ лишь внѣшнимъ принужденіемъ; власть же внѣшняго принужденія надъ человѣкомъ очень ограничена. Поэтому, если правопорядокъ будетъ опираться только на принужденіе права и нравовъ, то онъ будетъ въ высшей степени неустойчивъ: чѣмъ бы ни угрожало право, человѣкъ будетъ нарушать его, если такого нарушенія будетъ требовать его нравственное сознаніе, достигшее извѣстной степени напряженности. Чтобы поддержать правопорядокъ, право и нравы должны поэтому искать опоры въ нравственномъ самосознаніи членовъ общества, т.-е. въ нормахъ нравственности. Отсюда и возникаетъ очень важный вопросъ объ отношеніи права и нравственности, который нетрудно будетъ разрѣшить, когда мы узнаемъ, какова природа нравственности—въ чемъ заключается ея сущность и отличіе отъ права и нравовъ.

Если мы внимательно проанализируемъ правовую норму, то увидимъ, что каждая такая норма устанавливаетъ два момента: съ одной стороны—полномочіе съ другой—обязанность. Норма, регулирующая, напримѣръ, отношенія кредитора и должника, съ одной стороны, уполномочиваетъ кредитора, предоставляетъ ему право требовать уплаты въ опредѣленный срокъ суммы долга, съ другой—обязываетъ должника къ такой уплатѣ. Такимъ образомъ, правовая норма всегда устанавливаетъ двустороннюю связь, короче говоря, право—двустороннее.

Двусторонность права.

Между тѣмъ, нравственность только обязываетъ, но не уполномочиваетъ. Нравственная норма, въ противоположность праву,—односторонняя. Норма, предписывающая любить своего ближняго, помогать ему, устанавливаетъ лишь обязанность такой любви и помощи, но она никому не даетъ права требовать того или другого. Когда нищій протягиваетъ руку съ просьбой о помощи, то въ нашемъ сознаніи подымается властный голосъ, «ты долженъ, ты обязанъ помочь». Но нищій не имѣетъ права требовать такой помощи, и мы испытываемъ чувство возмущенія, когда его просьба принимаетъ характеръ требованія, сопровождаемаго укоромъ, угрозой, вообще попыткой оказать внѣшнее давленіе. Христіанская мораль требуетъ, чтобы ударившему въ правую щеку мы подставили для удара и лѣвую щеку, чтобы отнявшему одну одежду—мы бы отдали и другую—послѣднюю. Ясно, что и то и другое требованіе устанавливаютъ лишь нашу обязанность, но они не уполномочиваютъ ударившаго требовать, чтобы ему подставили для удара лѣвую щеку, не даютъ вору или разбойнику права требовать, чтобы ограбленный отдалъ имъ свою послѣднюю рубашку.

Односторонность нравственности.

Устанавливая двустороннюю связь, право вмѣстѣ съ тѣмъ заботится о томъ, чтобы между полномочіемъ и обязанностью существовало строгое соотвѣтствіе и соразмѣрность. Кредиторъ можетъ требовать ровно столько, сколько обязанъ уплатить должникъ. Разъ эта обязанность выполнена, всѣ требованія кредитора къ должнику прекращаются, и право является совершенно удовлетвореннымъ. Требованія, которыя предъявляетъ право, всегда имѣютъ строго

Ограниченность требованій права.

опредѣленныя границы и притомъ границы, достиженіе которыхъ доступно всѣмъ. Право своими строгими предписаніями устанавливаетъ уровень, ниже котораго не должно падать человѣческое поведеніе. Оно требуетъ лишь такихъ дѣйствій, которыя необходимы для сохраненія человѣческаго общежитія, могутъ и должны быть требуемы ото всѣхъ. могутъ быть выполнены всѣми, а, слѣдовательно, могутъ быть достигнуты принужденіемъ.

Безграничность требованій нравственности.

Между тѣмъ, требованія нравственности безграничны: здѣсь каждое осуществленное требованіе, каждый достигнутый уже уровень развитія служитъ лишь ступенью для дальнѣйшаго совершенствованія и исходной точкой для новыхъ требованій и новыхъ усилій. Норма предписывающая любить ближняго, не устанавливаетъ предѣловъ этой любви: послѣдняя должна заполнять все существованіе человѣка и достигать того напряженія, которое приводитъ къ готовности «положить душу за други своя». Контрастъ между ограниченностью требованій права и безпредѣльностью требованій морали превосходно выступаетъ въ діалогѣ между Христомъ и юношей о томъ, сколько разъ нужно прощать обиды. Моисеевъ законъ, который для евреевъ былъ дѣйствующимъ правомъ, предписывалъ прощать обиды только семь разъ. Этому ограниченному требованію Христосъ противопоставилъ моральный законъ, который требуетъ прощать семьдесять семь разъ, т.-е. безконечно.

Но требованія нравственности не только безграничны. Они являются кромѣ того всеобъемлющими, такъ какъ охватываютъ не только внѣшнее поведеніе человѣка, но и его внутреннее настроеніе. Право требуетъ лишь внѣшнихъ дѣйствій, согласныхъ съ правовыми нормами; оно не заботится о тѣхъ мотивахъ, которые лежатъ въ основѣ этихъ дѣйствій. Если дебиторъ уплатилъ свой долгъ, то право вполнѣ удовлетворено: для него совершенно безразлично, чѣмъ руководствовался должникъ при такой уплатѣ—чувствомъ ли долга, желаніемъ ли оправдать довѣріе къ себѣ и съ нимъ сохранить возможность дальнѣйшаго кредита, или намѣреніемъ впослѣдствіи взять взаймы значительно бо́льшую сумму и ужъ тогда не отдать. Только одно уголовное право, опредѣляющее преступленія и наказанія, интересуется мотивами преступнаго поведенія и различно оцѣниваетъ, напримѣръ, воровство въ зависимости отъ того, произошло ли оно изъ корыстныхъ цѣлей, или вызвано крайней нуждой, несчастной случайностью и т. п.

Между тѣмъ, нравственная оцѣнка не ограничивается внѣшнимъ дѣйствіемъ: она стремится проникнуть въ мотивы дѣйствія, во внутреннее настроеніе дѣятеля и лишь послѣ этого она произноситъ свой судъ надъ поступкомъ человѣка. Само собой разумѣется, что нравственная оцѣнка, глубокая и всеобъемлющая, можетъ разойтись съ правовой оцѣнкой, ограничивающейся лишь внѣшней стороной дѣйствія. Шейлокъ, требующій уплаты долга кускомъ человѣческаго мяса, домовладѣлецъ, выгоняющій на улицу квартиранта, не имѣющаго средствъ уплатить за квартиру, съ точки зрѣнія права—безупречные люди. Наоборотъ, нравственность безусловно осудитъ того и друго за ихъ безжалостность и корыстолюбіе. Какъ ни хороши мотивы св. Криспина, воровавшаго кожу для башмаковъ бѣднымъ людямъ, судья осудитъ его, такъ какъ поведеніе св. Криспина опасно для правопорядка. Для нравственности же такая опасность отступаетъ на задній планъ предъ благородствомъ мотивовъ, которые понуждали св. Криспина къ воровству.

Значеніе мотива для нравственной оцѣнки.

Глубокое различіе между правомъ и нравственностью сказывается, далѣе, въ характерѣ защиты тѣхъ и другихъ нормъ. Правовыя нормы, какъ мы видѣли, защищаются государствомъ путемъ внѣшняго принужденія, путемъ угрозы наказаніемъ за нарушенное требованіе. Между тѣмъ, требованія нравственности не имѣютъ за собой никакого внѣшняго авторитета: они защищаются внутренне, собственнымъ представленіемъ человѣка о томъ, что хорошо и что дурно. Въ своемъ поведеніи человѣкъ постоянно справляется, какъ бы с о в ѣ т у е т с я со своимъ представленіемъ о добрѣ, объ идеалѣ. Такое представленіе и получило наименованіе с о в ѣ с т и. Такимъ образомъ, н р а в с т в е н н о с т ь з а щ и щ а е т с я с о в ѣ с т ь ю.

Совѣсть.

Самый процессъ защиты заключается въ слѣдующемъ. Свое поведеніе человѣкъ сравниваетъ со своими же высшими убѣжденіями, со своими же собственными идеалами. Если между тѣмъ и другимъ существуетъ гармонія, онъ испытываетъ глубокое удовлетвореніе, которое можетъ быть такъ велико и сильно, что все остальное въ сравненіи съ нимъ теряетъ цѣну. Одно великое, прекрасное мгновеніе можетъ быть выше, цѣннѣе долгой, но лишенной значенія жизни. Отсюда становится психологически понятнымъ и самопожертвованіе. Удовлетвореніе, чувствуемое

при совершеніи самоотверженнаго поступка, можетъ быть такъ велико и глубоко, что всякое другое чувство удовольствія исчезаетъ изъ сознанія, и индивидъ жертвуетъ всѣмъ, лишь бы пережить мгновеніе такого удовлетворенія.

Наоборотъ, несогласіе поведенія съ представленіемъ о хорошемъ, разладъ съ совѣстью, причиняетъ страданіе, переживаемое, какъ у г р ы з е н і е с о в ѣ с т и. Такое страданіе, соединенное съ сожалѣніемъ о совершенномъ и съ обѣщаніемъ, въ будущемъ такъ больше не дѣлать, составляетъ р а с к а я н і е. Такимъ образомъ, совѣсть, защищающая нравственность, не есть какое-то особое, таинственное существо, отличное отъ человѣка; это—его же собственное представленіе о добрѣ, объ идеалѣ. И такъ какъ это представленіе образуетъ внутренній міръ человѣка, часть его самого, то становится понятнымъ, почему совѣсть является въ концѣ концовъ самымъ высшимъ авторитетомъ и настолько сильнымъ, что всякій другой внѣшній авторитетъ, въ томъ числѣ и авторитетъ государства, въ сравненіи съ нимъ оказывается подчиненнымъ, болѣе слабымъ и часто ничтожнымъ. Чтобы отчетливо представить себѣ силу совѣсти, выступающей на защиту нормъ нравственности, вспомнимъ многочисленныя литературно-художественныя произведенія, въ которыхъ рисуются муки нечистой совѣсти,—«Макбетъ» Шекспира, «Морозъ» Короленко и т. п.

Раскаяніе.

Важное различіе между правомъ и нравственностью заключается, наконецъ, въ томъ, что нравственность со своими требованіями обращается къ человѣку, какъ къ таковому, безотносительно къ государству, членомъ котораго онъ состоитъ, къ національности или соціальной группѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Нормы русскаго права обращаются только къ русскимъ подданнымъ и обязательны только для нихъ, нормы нѣмецкаго права обязательны только для нѣмцевъ и т. д. Точно также нравы одной соціальной группы обязательны только для нея, но не обязательны для другой.

Между тѣмъ, норма нравственности, предписывающая, напримѣръ, любить своего ближняго, обращается къ к а ж д о м у человѣку, безотносительно къ его національности, къ его государственному и соціальному положенію, и требуетъ, чтобы онъ опредѣленнымъ образомъ поступалъ по отношенію къ к а ж д о м у человѣку. Если нравы

Опредѣленіе нравственности.

предписываютъ поведеніе человѣку, какъ члену соціальной группы; если право въ своихъ нормахъ имѣетъ въ виду человѣка, какъ члена государства, т.-е. политическаго союза, то нравственность предъявляетъ свои требованія къ человѣку, какъ къ разумному существу, способному понимать высшее добро и стремиться къ его осуществленію Такимъ образомъ, нравственность есть совокупность нормъ, предписывающихъ человѣку, какъ разумной личности, осуществлять добро и въ дѣйствіяхъ и въ своихъ настроеніяхъ.

Отграниченіе права отъ нравственности.

Опредѣленія права, нравовъ и нравственности очень важны въ томъ отношеніи, что они даютъ возможность провести границу между этими видами соціальныхъ нормъ. Такое раздѣленіе ихъ, въ особенности же раздѣленіе права и нравственности, составляетъ въ высшей степени цѣнное культурное пріобрѣтеніе. Право принудительно осуществляется государствомъ, которое не считается при этомъ съ желаніями отдѣльныхъ лицъ— съ ихъ взглядами, настроеніями, стремленіями и т. д. Отводя праву сферу внѣшняго и притомъ общественнаго поведенія человѣка, мы тѣмъ самымъ ставимъ предѣлъ вмѣшательству государства въ жизнь индивида. Провозглашая внутренній міръ человѣческой личности, ту или другую сторону ея жизни— сферой нравственности, мы тѣмъ самымъ провозглашаемъ ее сферой, гдѣ высшимъ законодателемъ для личности является ея собственная совѣсть, гдѣ личность человѣческая автономна. Отграниченіе права отъ нравственности составляетъ, такимъ образомъ, огромное завоеваніе въ области человѣческой свободы. А такая свобода есть необходимое условіе нравственнаго совершенствованія личности.

Признанное и осуществляемое теперь въ культурныхъ государствахъ раздѣленіе права и нравственности представляетъ собою пріобрѣтеніе сравнительно недавняго времени. Первоначально, на раннихъ ступеняхъ развитія общественности, нѣтъ и не могло быть различія между правомъ, моралью, религіей, преданіемъ, обычаемъ и т. д. Чѣмъ меньше общественная группа, тѣмъ тѣснѣе сливается съ нею отдѣльная личность, тѣмъ однообразнѣе и внутренняя и внѣшняя жизнь индивидовъ, изъ которыхъ состоитъ данная группа. Въ такой группѣ, естественно, и правовыя, и нравственныя, и религіозныя воззрѣнія одинаковы у всѣхъ ея членовъ.

Эти воззрѣнія находятъ свое выраженіе въ преданіяхъ, свято хранимыхъ, чтимыхъ и соблюдаемыхъ.

Его необходимость.

Съ ростомъ человѣческихъ обществъ, съ образованіемъ большихъ государствъ, въ которыя стали входить люди различныхъ національностей, разныхъ религій, разнаго экономическаго и правового положенія—богатые и бѣдные, рабы и господа, ученые и невѣжды—общность воззрѣній, настроеній, стремленій, само собой разумѣется, должна была исчезнуть. Отдѣльные индивиды стали представлять теперь безконечное разнообразіе по характеру и содержанію ихъ внутренняго міра. Первое время государственная власть не хочетъ примириться съ такимъ разнообразіемъ: она беретъ на себя заботу объ устроеніи не только внѣшняго общественнаго порядка, но и внутренняго міра своихъ подданныхъ. Она объявляетъ извѣстные научные, религіозные, политическіе взгляды истинными и начинаетъ преслѣдовать всѣхъ, не раздѣляющихъ этихъ взглядовъ. И широкой волной полилась тогда человѣческая кровь: началась мрачная эпоха религіозныхъ войнъ и неистовствъ инквизиціи. Людей тысячами стали жечь на кострахъ за научныя воззрѣнія, которыя потомъ оказались истинными, за отрицаніе суевѣрій, ложность которыхъ впослѣдствіи была ясно доказана, за религіозныя сомнѣнія и исканія, за неисполненіе церковныхъ обрядовъ, смыслъ которыхъ былъ часто неясенъ тѣмъ, отъ кого требовалось ихъ исполненіе.

Свобода совѣсти.

Но всѣ эти ужасы, которыми особенно богато средневѣковье, съ ясностью показали, что государство, какъ бы сильно оно ни было, не можетъ насиліемъ измѣнить человѣческихъ убѣжденій, что оно не властно надъ человѣческой совѣстью. Стремясь же къ такой власти, т.-е. къ тому, что въ сущности недостижимо, государство само нарушаетъ миръ и порядокъ внутри общества. Выводъ напрашивался самъ собой. Государство можетъ предъявлять къ индивиду лишь тѣ требованія, которыя касаются внѣшняго поведенія и безусловно необходимы для поддержанія общественнаго порядка. Эти требованія и должны образовать собой право. Но государство не можетъ и не должно вмѣшиваться во внутренній, духовный міръ человѣка: здѣсь человѣкъ подчиняется лишь тѣмъ требованіямъ, которыя исходятъ отъ его собственной совѣсти. Это—сфера нравственности. Словомъ, право должно быть отдѣлено отъ нравственности; въ области права властвуетъ государство, нравственность же должна

быть свободной отъ государства. Такой выводъ и былъ формулированъ въ концѣ XVIII в. нѣмецкимъ ученымъ Христіаномъ Томазіемъ. Съ тѣхъ поръ идея невмѣшательства государства въ область нравственности глубоко проникаетъ въ сознаніе европейскихъ народовъ, и правительственная власть, въ однихъ государствахъ раньше, въ другихъ—позже, въ однихъ—полнѣе, въ другихъ—уже, признала и гарантировала свободу человѣческой совѣсти.

Столкновеніе права и нравственности.

Будучи въ высшей степени цѣннымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ, раздѣленіе права и нравственности тѣмъ не менѣе кроетъ въ себѣ опасность разлада, конфликта между правомъ и правдой: государство можетъ установить такія правовыя нормы, которыя будутъ противорѣчить требованіямъ нравственности. Во всѣхъ государствахъ, напримѣръ, существовало рабство, которое противорѣчило нравственной нормѣ, требующей, чтобы за человѣческой личностью была признана абсолютная цѣнность. Въ большинствѣ государствъ до сихъ поръ примѣняется смертная казнь, совершенно не допустимая съ моральной точки зрѣнія. Трагизмъ такого разлада во всей его глубинѣ понимали уже древніе греки: въ своей безсмертной Антигонѣ Софоклъ съ удивительной тонкостью представилъ столкновеніе человѣческаго, государственнаго закона съ высшимъ, моральнымъ закономъ—съ закономъ правды. Креонтъ, царь Ѳивъ, издалъ законъ, запрещавшій подъ угрозой смертной казни хоронить трупъ Полиника, какъ измѣнника отчизны. Этотъ законъ шелъ въ разрѣзъ съ другимъ, общеэллинскимъ, неписаннымъ, но высоко чтимымъ закономъ, предписывавшимъ какъ разъ обратное· родственники должны хоронить трупъ покойника, такъ какъ безъ похоронъ умершій никогда не найдетъ успокоенія. И вотъ сестра Полиника,—Антигона, должна была выбирать между повиновеніемъ закону государственному и закону нравственному. Антигона рѣшила умереть, но выполнить законъ моральный, установленный Правдой, какъ болѣе высокій и важный. На вопросъ Креонта: «какъ же могла законъ ты преступить»? Антигона, поднявъ голову, гордо отвѣтила:

«Затѣмъ могла, что не Зевсъ съ Олимпа
Его издалъ, и не святая· Правда.
. . . . . .

А твой приказъ—ужъ не такую силу
За нимъ я признавала, чтобы онъ,
Созданье человѣка, могъ низвергнуть
Неписанный, незыблемый законъ
Боговъ безсмертныхъ. Э т о т ъ не сегодня
Былъ ими къ жизни призванъ, не вчера:
Живетъ онъ вѣчно, и никто не знаетъ,
Съ какихъ онъ поръ явился межъ людей.
Вотъ за н е г о отвѣтить я боялась
Когда-нибудь предъ божіимъ судомъ,
И этотъ страхъ осилилъ т о т ъ другой».
. . . . . .

Такимъ образомъ, уже древніе греки, въ лицѣ Софокла, пришли къ сознанію, что при столкновеніи права съ нравственностью предпочтеніе должно быть отдано моральнымъ требованіямъ, какъ болѣе высокимъ. Это рѣшеніе и мы должны признать правильнымъ, такъ какъ и общество, и государство, и принудительная власть послѣдняго имѣютъ своею цѣлью служить нравственному совершенствованію людей. И самое существованіе ихъ можетъ быть оправдано лишь тогда и постольку, поскольку они осуществляютъ эту цѣль. Требованія нравственности обязательны, такимъ образомъ, не только для отдѣльныхъ лицъ. Ими должно руководствоваться и государство въ своей дѣятельности, если оно хочетъ служить своему высшему назначенію.

IX.

ИСТОЧНИКЪ ПРАВА.

1. О б ы ч а й.

Понятіе объ источникахъ права; значеніе ихъ для распознаванія нормъ права. О б ы ч а й; процессъ его образованія Опредѣленіе обычнаго права. Условія существованія обычнаго права Смѣна обычая закономъ въ большихъ государствахъ со сложной организаціей. Примѣненіе обычая по русскому праву.

Изъ разсмотрѣнныхъ трехъ категорій соціальныхъ нормъ законовѣдѣніе изучаетъ только право; нравы входятъ въ сферу этнографіи, соціологіи, исторіи культуры; нравственность, въ свою очередь, составляетъ предметъ самостоятельной научной дисци-

плины—этики, имѣющей своей задачей установить, въ чемъ заключается то высшее добро, къ осуществленію котораго долженъ стремиться человѣкъ.

Понятіе объ источникахъ права.

При изученіи права мы встрѣчаемся прежде всего съ вопросомъ: какъ узнать, гдѣ право, какъ узнать, что въ томъ или другомъ требованіи мы имѣемъ дѣло съ требованіемъ права, т.-е. съ правовой нормой? Вопросъ этотъ въ высшей степени важенъ, если вспомнить, что правовыя требованія безусловно обязательны для всѣхъ въ предѣлахъ государства, что неисполненіе или нарушеніе ихъ влечетъ за собой наказаніе, вообще, цѣлый рядъ непріятныхъ послѣдствій. Чтобы избѣжать ихъ, нужно соблюдать право, а для этого нужно умѣть распознавать его, т.-е. отличать отъ другихъ нормъ, не обязательныхъ въ данномъ государствѣ. Такому распознаванію и служитъ особая внѣшняя форма, въ которой выражается право. Такихъ формъ только двѣ: законъ и обычай. Поэтому, если норма нашла выраженіе въ законѣ или обычаѣ, то этого достаточно, чтобы заключить, что данная норма безусловно обязательна, т.-е., что она—правовая, иначе говоря, юридическая норма. Формы выраженія права—законъ и обычай—и называются источниками права.

Обычай.

Болѣе древнимъ является право въ формѣ обычая, т.-е. обычное право. Процессъ его образованія аналогиченъ тому, какъ создаются индивидуальныя привычки, семейныя, сословныя, вообще, групповыя традиціи. Разъ въ извѣстныхъ условіяхъ было поступлено опредѣленнымъ образомъ, то этимъ создается необходимость поступать также всегда при сходныхъ обстоятельствахъ. Если въ семьѣ однажды уплатили врачу опредѣленный гонораръ, то въ слѣдующій разъ семья будетъ чувствовать нѣкотораго рода обязанность и теперь уплатить гонораръ въ прежнемъ размѣрѣ. На это, съ другой стороны, разсчитываетъ и врачъ, отправляясь въ эту семью по ея приглашенію, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній, чтобы въ данномъ случаѣ ему было уплачено меньше, чѣмъ прежде. Если же это случится, то семья испытываетъ неловкость, врачъ же чувствуетъ себя обиженнымъ. Въ концѣ концовъ въ семьѣ создается правило: «Въ случаѣ приглашенія врача, платить ему столько-то». Чѣмъ дольше примѣнялось это правило, чѣмъ «старѣе» оно, тѣмъ глубже сознаніе его обязательности. Первоначально добровольное рѣшеніе поступить

опредѣленнымъ образомъ—теперь обратилось въ общее правило, которому сопутствуетъ сознаніе обязательности его выполненія.

Процессъ образованія обычнаго права.

Тѣмъ же путемъ приблизительно шло образованіе и обычнаго права. Вопросы какъ внутренней, такъ и внѣшней жизни древней общины разрѣшались старѣйшиной. Чѣмъ удачнѣе было найденное рѣшеніе, тѣмъ большее изумленіе оно вызывало. Память о мудрости рѣшеній Соломона сохранилась, напримѣръ, до нашихъ дней, несмотря на тысячелѣтія, которыя отдѣляютъ насъ отъ эпохи царей въ исторіи евреевъ. Такія рѣшенія казались внушенными самимъ божествомъ; древніе греки называли эти отдѣльныя рѣшенія ѳемидами и отъ нихъ пришли къ мысли о томъ, что существуетъ особая богиня—Ѳемида, сообщающая рѣшенія—ѳемиды—судьѣ. Къ изумленію присоединялось благоговѣніе, которое и заставляло итти разъ проложенной дорогой: рѣшеніе отдѣльнаго конкретнаго случая обращалось въ правило, по которому стали рѣшаться и всѣ другіе сходные случаи. Чѣмъ дальше отодвигался моментъ образованія правила, чѣмъ таинственнѣе казалось его возникновеніе, тѣмъ больше росли благоговѣніе предъ нимъ и сознаніе его обязательности. Правило становилось святымъ преданіемъ и «тѣмъ святѣе, чѣмъ старѣе».

Опредѣленіе обычнаго права.

Такимъ образомъ, обычное право представляетъ собою тѣ нормы, которыя получили обязательную силу вслѣдствіе однообразнаго и долгаго примѣненія.

Условія существованія обычая.

Характерной чертой обычнаго права является, слѣдовательно, то, что обязательность его нормъ проистекаетъ не изъ приказа какой-либо внѣшней власти, но изъ непосредственнаго сознанія всѣхъ, образующихъ данную общественную группу. Отсюда становится понятнымъ, что обычное право можетъ существовать лишь въ обществахъ, составъ которыхъ однороденъ, всѣ члены котораго одинаково думаютъ, одинаково чувствуютъ, имѣютъ одинаковое представленіе о справедливомъ и несправедливомъ. Такія общества представляютъ собою народы на зарѣ ихъ исторической жизни, когда мы и наблюдаемъ у нихъ безраздѣльное господство обычнаго права.

Первопачально оно существуетъ въ формѣ устныхъ преданій

передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, близкихъ и понятныхъ всѣмъ членамъ общины. Съ возникновеніемъ же государствъ, въ которыя стали входить разныя племена—покоренныя и покорившія—каждое со своими обычаями, общность обычнаго права естественно исчезаетъ; государственная власть, призванная осуществлять правосудіе, не зная часто обычаевъ, по которымъ должна судить, оказывается вынужденной обращаться за содѣйствіемъ къ мѣстнымъ старожиламъ, хранившимъ преданія и мѣстные обычаи. Отсюда, между прочимъ, и возникла та форма суда, которую мы наблюдаемъ въ Европѣ приблизительно съ эпохи Карла Великаго подъ именемъ суда скабиновъ, шеффеновъ, эшевеновъ и т. п. Королевскій чиновникъ въ этихъ судахъ лишь предсѣдательствуетъ, собираетъ судебныя пошлины и приводитъ приговоры въ исполненіе, произносятъ же приговоры представители мѣстнаго населенія—скабины, эшевены, шеффены—на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Такой же характеръ имѣлъ первоначально и судъ русскихъ князей. Эта старинная форма народнаго суда путемъ медленныхъ и долгихъ видоизмѣненій превращается въ Англіи въ судъ съ присяжными засѣдателями, получившій теперь, какъ лучшій судъ, повсемѣстное распространеніе.

Смѣна обычая закономъ.

Чѣмъ болѣе сложной становится государственная организація, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ правильное и однообразное отправленіе правосудія. Чтобы обезпечить такое правосудіе, государственная власть начинаетъ прежде всего собирать и записывать правовые обычаи своего народа. Такими именно сборниками нормъ обычнаго права были, между прочимъ, Русская Правда Ярослава Мудраго и его сыновей, Салическая Правда у Салическихъ франковъ, Бургундская Правда и др. Собирая и записывая юридическіе обычаи, государственная власть видоизмѣняетъ нѣкоторые изъ нихъ соотвѣтственно духу и потребностямъ времени, или даже создаетъ новыя нормы, которыхъ требуетъ новое правосознаніе. Рядомъ съ обычаемъ — безсознательнымъ творчествомъ народа — появляется, такимъ образомъ, новый источникъ права—сознательная законодательная дѣятельность государственной власти. И чѣмъ дальше, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ новый источникъ права—з а к о н ъ, который въ концѣ концовъ совсѣмъ вытѣсняетъ обычай.

Такая смѣна обычая закономъ вполнѣ понятна. Необходимымъ условіемъ существованія обычая является однородность

общественной среды, которая въ свою очередь порождаетъ одинаковыя представленія о правомъ и неправомъ, о справедливомъ и несправедливомъ. Какъ разъ этого условія и нѣтъ въ новыхъ, большихъ государствахъ. Въ нихъ именно появляются всякаго рода различія—національныя, классовыя, экономическія, религіозныя и т. д., которыя совершенно исключаютъ возможность образованія одинаковаго у всѣхъ правосознанія и, наоборотъ, вызываютъ безконечную борьбу, войну всѣхъ противъ всѣхъ. Ясно, что въ такой общественной средѣ не можетъ быть мѣста обычаю: здѣсь необходима энергичная сознательная дѣятельность сильной власти, которая установила бы твердыя нормы, для всѣхъ ясныя, разграничила бы этимъ враждующіе интересы, и сдѣлала бы тѣмъ самымъ возможнымъ совмѣстное существованіе людей.

И, дѣйствительно, въ современныхъ государствахъ обычай перестаетъ быть источникомъ права: его мѣсто занимаетъ законъ. Исключеніе представляетъ только Россія, гдѣ область примѣненія обычнаго права еще довольно велика. Обычай примѣняется въ торговыхъ дѣлахъ, въ случаѣ недостатка торговыхъ законовъ; волостнымъ судамъ предоставлено руководствоваться мѣстными обычаями при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства. Широкое примѣненіе обычая имѣетъ мѣсто, наконецъ, у инородцевъ въ виду ихъ рѣзкаго отличія отъ коренного населенія и по укладу ихъ жизни и по ихъ правосознанію.

Примѣненіе обычая по русскому праву.

2. Законъ.

Опредѣленіе закона, отличіе его отъ обычая Правительственныя или административныя распоряженія; гарантіи правомѣрности административныхъ распоряженій. Законодательные органы въ Россіи; исключительный порядокъ изданія законовъ—ст 87 Основныхъ Законовъ Стадіи въ образованіи закона

Законъ есть правовая норма, изданная верховной государственной властью въ установленномъ порядкѣ. Въ отличіе отъ обычая, законъ представляетъ собой результатъ сознательной дѣятельности государственной власти,—дѣятельности, отправляемой притомъ спеціальнымъ органомъ, ко-

Законъ, отличіе его отъ обычая.

торый и получаетъ наименованіе *законодательнаго органа*. Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ законодательнымъ органомъ служитъ монархъ вмѣстѣ съ парламентомъ или, говоря иначе, монархъ въ парламентѣ такъ что закономъ будутъ только тѣ нормы, которыя установлены этимъ органомъ. Всѣ нормы, изданныя другой властью, будутъ уже не закономъ, а *правительственнымъ* или *административнымъ распоряженіемъ*. Разница между тѣмъ и другимъ существенная и важная: только законъ обязателенъ для всѣхъ, въ томъ числѣ и для государственной власти; административныя же распоряженія обязательны лишь постольку, поскольку они опираются на законъ и не противорѣчатъ ему; въ противномъ случаѣ административныя распоряженія незаконны и, какъ таковыя, не обязательны для гражданъ.

Правительственныя распоряженія.

Въ жизни каждаго государства возможны и бываютъ чрезвычайныя обстоятельства—война, народныя волненія, возстанія и т. п.,—когда существующіе законы оказываются недостаточными для поддержанія общественнаго порядка. Въ такихъ случаяхъ приходится расширять полномочія административной власти и давать ей право принимать мѣры, которыя не предоставлены ей закономъ въ нормальное время. Исключительныя полномочія администраціи легко, конечно, могутъ сдѣлаться источникомъ злоупотребленій, излишняго стѣсненія свободы гражданъ, ненужнаго ограниченія и даже нарушенія ихъ правъ, причиняющаго не только моральный, но и матеріальный ущербъ. Естественно возникаетъ вопросъ, какъ гарантировать гражданъ отъ возможныхъ злоупотребленій правительственной и административной власти? Самымъ простымъ рѣшеніемъ этого вопроса было бы подробное указаніе въ самомъ законѣ, когда и какъ должна поступать администрація. Но издать такой законъ и невозможно, такъ какъ нельзя предусмотрѣть всѣхъ случаевъ жизни, которые потребовали бы активности со стороны администраціи, и нежелательно, такъ какъ административная власть, чтобы быть дѣятельной и энергичной, должна обладать извѣстной свободой для проявленія иниціативы.

Въ результатѣ своего долгаго опыта западноевропейскія государства пришли къ выводу, что самой дѣйствительной гарантіей отъ злоупотребленій административной власти служитъ строгая от-

вѣтственность ся, во 1-хъ, предъ парламентомъ, во 2-хъ, предъ гражданскимъ судомъ за матеріальный ущербъ, причиненный ихъ незакономѣрной дѣятельностью частнымъ лицамъ. Лучше всего, по общему признанію, организована отвѣтственность административной власти въ Англіи. Здѣсь, даже въ чрезвычайныхъ случаяхъ, администрація не освобождается отъ обязанности тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы принимаемыя ею мѣры не были излишне тягостными для гражданъ. По истеченіи срока чрезвычайныхъ полномочій лицо, облеченное ими, обращается къ парламенту съ просьбой объ изданіи, такъ называемаго, «акта объ амнистіи», которымъ парламентъ санкціонировалъ бы принятыя имъ мѣры. Прежде чѣмъ издать такой актъ, парламентъ назначаетъ комиссію, которая производитъ всестороннюю и тщательную провѣрку дѣятельности даннаго лица. Если такое разслѣдованіе окажется неблагопріятнымъ, то парламентъ отказываетъ въ амнистіи, и лицо подвергается судебному преслѣдованію. Но даже въ томъ случаѣ, если парламентъ издастъ билль объ амнистіи, частныя лица не лишаются права искать по суду убытки, причиненные дѣятельностью чиновника. Въ 1798 г. для подавленія возстанія, вспыхнувшаго въ Ирландіи, въ ней были приняты экстренныя мѣры. Одинъ изъ энергичныхъ администраторовъ, въ силу своихъ чрезвычайныхъ полномочій, распорядился высѣчь учителя французскаго языка—Райта, заподозрѣннаго въ злыхъ умыслахъ. Подозрѣніе оказалось неосновательнымъ. Тѣмъ не менѣе парламентъ издалъ актъ объ амнистіи, которымъ онъ санкціонировалъ всѣ мѣры, принятыя при подавленіи возстанія. Несмотря на это, Райтъ возбудилъ противъ администратора искъ; отвѣтчикъ въ свое оправданіе сослался на актъ объ амнистіи, но судъ не призналъ, что онъ покрываетъ произвольныя и жестокія мѣры, принятыя администраторомъ по отношенію къ Райту. Резюмируя дѣло, судья между прочимъ сказалъ: «присяжные не должны воображать, что законодательная власть, предоставляя должностнымъ лицамъ право защиты биллемъ объ амнистіи, освобождала бы ихъ отъ чувства гуманности или разрѣшала бы имъ пользоваться властью опрометчиво, хотя бы это было для подавленія возстанія. Во всѣхъ случаяхъ должно быть тщательное разслѣдованіе образа дѣйствій предполагаемаго преступника, и въ каждомъ рѣшеніи должно обнаруживаться стремленіе раскрыть вину, а не причинить мученіе»... Въ концѣ концовъ судъ присудилъ взыскать съ админи-

Гарантіи ихъ правомѣрности.

стратора въ пользу пострадавшаго 5.000 руб.. и никакія хлопоты не помогли ему освободиться отъ этого штрафа. Само собой разумѣется, что перспектива парламентскаго разслѣдованія, съ одной стороны, суроваго судебнаго приговора, съ другой—служитъ достаточной сдержкой для администраторовъ въ ихъ стремленіи легкомысленно или опрометчиво пользоваться своими полномочіями.

Законодательные органы въ Россіи.

Въ Россіи законодательнымъ органомъ являются: Монархъ, Государственный Совѣтъ и Государственная Дума И у насъ, слѣдовательно, закономъ будутъ лишь тѣ нормы, которыя одобрены Государственной Думой, Государственнымъ Совѣтомъ и утверждены Государемъ. Съ 1906 г. «ни одинъ законъ, по выраженію нашихъ Основныхъ Законовъ, не можетъ воспріять силу безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы». Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ Государь можетъ единолично издать законъ, согласно ст. 87 Основныхъ Законовъ. По этой статьѣ, во время прекращенія занятій Государственной Думы, если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ законодательномъ порядкѣ, министры представляютъ о ней Государю. Въ случаѣ согласія Государя, такая мѣра принимается, но съ тѣмъ, чтобы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня возобновленія занятій Думы, она была представлена на одобреніе послѣдней. Если этого не будетъ сдѣлано, то тѣмъ самымъ дѣйствіе принятой мѣры прекращается; прекращается оно и въ томъ случаѣ, если мѣра не будетъ одобрена Государственной Думой или Совѣтомъ.

Стадіи въ образованіи закона.

Чтобы стать закономъ, норма должна быть издана, какъ мы видѣли, законодательнымъ органомъ государства. Но этого еще недостаточно: необходимо, чтобы самое изданіе совершилось въ опредѣленномъ, заранѣе установленномъ порядкѣ. Въ различныхъ государствахъ порядокъ этотъ организованъ различно, но вездѣ онъ слагается изъ четырехъ моментовъ или стадій, чрезъ которыя долженъ пройти каждый законъ: это, во-1-хъ—и н и ц і а т и в а закона, во-2-хъ—о б с у ж д е н і е закона, въ-3-хъ—у т в е р ж д е н і е закона и, наконецъ, въ-4-хъ—о б н а р о д о в а н і е закона.

X.

ПРОЦЕССЪ ОБРАЗОВАНІЯ ЗАКОНА.

1) Инициатива закона; ея опредѣленіе; отличіе законодательной инициативы отъ частной инціативы Организація законодательнаго почина въ Россіи Значеніе частной инициативы. 2) Обсужденіе закона. Значеніе такого обсужденія Необходимыя условія полнаго и всесторонняго обсужденія законовъ. Обсужденіе законовъ въ Россіи. 3) Утвержденіе или санкція законовъ. Право veto—абсолютнаго и суспензивнаго. 4), Обнародованіе закона; его способы. Органъ обнародованія законовъ въ Россіи—Сенатъ; его контролирующая функція. Положительное и естественное право.

Инціатива закона.

Чтобы возникъ новый законъ, нужно прежде всего возбудить предъ законодательной властью вопросъ о необходимости изданія новаго закона. Право возбуждать такой вопросъ предъ законодательной властью называется правомъ законодательной инициативы; а самое возбужденіе вопроса объ изданіи новаго закона—законодательной инициативой или починомъ. Такой починъ является первой стадіей въ процессѣ образованія закона.

Частная инціатива.

Когда въ повременной печати ставится и обсуждается вопросъ о необходимости изданія новаго закона, то такую постановку вопроса можно, конечно, назвать инціативой закона, но она не будетъ законодательной инициативой: какъ бы дружно и горячо ни ставился въ печати вопросъ о новомъ законѣ, законодательный органъ не обязанъ приступить къ разсмотрѣнію поднятаго вопроса. Онъ обязанъ будетъ сдѣлать это лишь тогда, когда вопросъ объ изданіи новаго закона будетъ поднятъ тѣми, кто имѣетъ право законодательнаго почина.

Въ различныхъ государствахъ право законодательной инціативы организовано различно. Въ Англіи, напримѣръ, законодательная инціатива принадлежитъ только палатамъ; если министры вносятъ свои законопроекты, то они дѣлаютъ это, какъ члены палаты; въ Америкѣ инціатива предоставлена только палатамъ; между тѣмъ, во Франціи правомъ законодательной инціативы

располагаетъ, кромѣ палатъ, и правительство, т.-е. министры съ президентомъ во главѣ. У насъ, въ Россіи, право законодательной инициативы во всей полнотѣ принадлежитъ только Государю. Онъ можетъ возбудить вопросъ объ изданіи новыхъ и измѣненіи существующихъ не только обыкновенныхъ законовъ, но и законовъ основныхъ. Государственной Думѣ и Государственному Совѣту принадлежитъ инициатива только обыкновенныхъ законовъ.

Порядокъ осуществленія законодательной инициативы въ Россіи.

Самый порядокъ осуществленія законодательной инициативы у насъ слѣдующій. Члены Думы, желающіе возбудить вопросъ объ изданіи новаго закона, должны представить заявленіе въ письменной формѣ, съ изложеніемъ основныхъ положеній желательнаго закона и краткой объяснительной запиской къ этимъ положеніямъ; заявленіе должно быть подписано не менѣе, чѣмъ 30-ю членами Думы. Если Дума признаетъ необходимость новаго закона и согласится съ представленными основными положеніями его, то выработка законопроекта поручается министру. И только въ случаѣ отказа послѣдняго, Дума передаетъ выработку такого законопроекта одной изъ своихъ комиссій. Въ этомъ же порядкѣ осуществляютъ законодательную инициативу и члены Государственнаго Совѣта.

Такимъ образомъ, нашъ порядокъ характеризуется тѣмъ, во 1-хъ, что ни члены Думы, ни члены Совѣта единолично не могутъ возбуждать вопроса объ изданіи новаго закона: каждый изъ нихъ долженъ подыскать предварительно по крайней мѣрѣ 29 товарищей, которые поддержали бы его предложеніе. Члены нашихъ законодательныхъ палатъ не могутъ, далѣе, ни представить готоваго, детально разработаннаго законопроекта, ни ограничиться краткимъ заявленіемъ о необходимости и характерѣ новаго закона. Наконецъ, законодательная палата сама немедленно не можетъ приняться за разработку законопроекта: она должна ждать отвѣта со стороны правительства, беретъ ли оно или не беретъ на себя такую разработку. Все это, конечно, усложняетъ и замедляетъ осуществленіе законодательной инициативы.

Привести въ движеніе законодательный механизмъ могутъ, какъ мы указали, только тѣ лица, которыя обладаютъ правомъ законодательной инициативы. Но изъ этого не слѣдуетъ, что инициатива частныхъ лицъ, общества, печати, словомъ, частная

инициатива не имѣетъ никакого значенія. Ея роль тѣмъ значительнѣе, чѣмъ тѣснѣе связь между правительствомъ и парламентомъ, съ одной стороны, парламентомъ и народомъ,—съ другой. Въ Англіи, напримѣръ, граждане имѣютъ право обращаться къ парламенту чрезъ его членовъ съ коллективными петиціями и просить объ изданіи того или другого закона. Чтобы оказать вліяніе на парламентъ англичане располагаютъ, кромѣ печати, еще однимъ средствомъ: они устраиваютъ публичныя собранія—митинги, на которыхъ ставится и обсуждается вопросъ объ изданіи того или другого закона. Парламентъ и правительство вынуждены чутко прислушиваться къ мнѣнію такихъ собраній, такъ какъ на нихъ собираются какъ разъ тѣ, кто избралъ палату, а чрезъ нее и правительство. Митинги, такимъ образомъ, служатъ средствомъ, съ одной стороны, для того, чтобы узнать мнѣніе народа по тому или другому вопросу, съ другой,—чтобы создать такое мнѣніе. Вотъ почему на такихъ митингахъ выступаютъ и министры, и депутаты, вообще лица, которыя хотѣли бы оказать то или другое вліяніе на ходъ законодательства своей страны.

Значеніе частной иниціативы.

Когда проектъ закона изготовленъ, онъ представляется въ палату народныхъ представителей и подвергается здѣсь всестороннему обсужденію. Такое обсужденіе составляетъ вторую стадію въ процессѣ образованія закона. Стадія эта важна тѣмъ, что именно въ ней устанавливается содержаніе будущаго закона; а содержаніе и есть то, что опредѣляетъ, будетъ ли новый законъ служить развитію и процвѣтанію государства или, наоборотъ, его регрессу и упадку.

Обсужденіе закона.

Хорошимъ по содержанію является тотъ законъ, который отвѣчаетъ потребностямъ дѣйствительно всего народа и тѣмъ служитъ благу всего государства. Поэтому обсужденіе законопроекта должно быть такъ организовано, чтобы потребности всего народа и государства нашли свое выраженіе въ палатѣ, а чрезъ нее и въ законѣ. А для этого прежде всего нужно, чтобы самъ народъ имѣлъ возможность обсуждать въ печати, въ публичныхъ собраніяхъ новые законопроекты и высказывать мнѣніе о томъ, насколько они отвѣчаютъ его нуждамъ. Иначе говоря, та же свобода слова, печати, свобода собраній, которая необходима, и для правильнаго осуществленія законодательной иниціативы.

Условія всесторонняго обсужденія.

Но этого мало. Необходимо, чтобы обсужденіе въ самой палатѣ, то обсужденіе, которое опредѣляетъ въ конечномъ итогѣ содержаніе закона, было полнымъ и всестороннимъ Этому служитъ цѣлый рядъ мѣръ, различныхъ въ разныхъ государствахъ. Такъ, въ большинствѣ конституціонныхъ государствъ народное представительство организовано по двухпалатной системѣ. При такой системѣ парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ—верхней и нижней—съ разнымъ контингентомъ депутатовъ, и каждый законопроектъ долженъ подвергнуться обсужденію и быть принятымъ обѣими палатами. Той же цѣли внимательнаго и всесторонняго обсужденія служатъ, далѣе, комиссіи, организуемыя парламентомъ, двукратное и даже троекратное чтеніе законопроекта и т. п. Но элементарной гарантіей правильнаго обсужденія въ палатѣ законопроектовъ является право депутатовъ свободно высказывать свое мнѣніе, причемъ право это должно быть, въ свою очередь, обезпечено неприкосновенностью депутата. Но депутатъ можетъ злоупотребить своей свободой слова и тѣмъ не помочь, а помѣшать правильному обсужденію законопроекта Для предупрежденія такихъ злоупотребленій существуетъ особый порядокъ преній, дисциплинарная власть предсѣдателя, вообще, весь внутренній распорядокъ жизни и дѣятельности палаты, устанавливаемый ею самой.

Обсужденіе законовъ въ Россіи

Въ Россіи право обсуждать законы и, слѣдовательно, устанавливать ихъ содержаніе принадлежитъ Государственной Думѣ—нижней палатѣ, и Государственному Совѣту—верхней палатѣ. Народное представительство у насъ организовано, такимъ образомъ, по двухпалатной системѣ, причемъ права верхней и нижней палаты въ обсужденіи законовъ совершенно одинаковы. Каждый законопроектъ долженъ быть обсужденъ и принятъ какъ Государственной Думой, такъ и Государственнымъ Совѣтомъ; законопроектъ, отклоненный хотя бы одной изъ этихъ палатъ, не можетъ получить силу закона. Самый же порядокъ обсужденія законопроектовъ, какъ и весь порядокъ внутренней жизни нашихъ палатъ, опредѣляется особымъ наказомъ, издаваемымъ каждой палатой для себя совершенно самостоятельно.

Утвержденіе закона.

Законопроектъ, обсужденный и принятый парламентомъ, представляется на утвержденіе главѣ государства. Такое утвержденіе или санкція составляетъ третью стадію въ образова-

нiи закона. Въ ней законопроектъ, въ случаѣ утвержденія, получаетъ силу закона, т.-е. превращается въ законъ.

Veto.

На ряду съ правомъ утверждать или санкціонировать законопроекты — главѣ государства принадлежитъ также право ихъ не утверждать, или, иначе говоря, право налагать veto. Veto бываетъ двоякое: 1) абсолютное или безусловное и 2) суспензивное или отсрочивающее. Абсолютное veto заключается въ правѣ главы государства безусловно отвергать законопроекты, принятые парламентомъ. Право такого veto существуетъ въ большинствѣ конституціонныхъ монархій. Но широта его примѣненія различна: она зависитъ отъ того авторитета, какимъ пользуется народное представительство въ странѣ. Англійскому королю, напримѣръ, по конституціоннымъ законамъ принадлежитъ право абсолютнаго veto, но фактически онъ не можетъ воспользоваться имъ, такъ какъ для этого ему пришлось бы вступить въ борьбу и съ министрами, которые выбираются изъ среды парламента и, слѣдовательно, всегда будутъ стоять на стражѣ его правъ, и съ парламентомъ, и съ общественнымъ мнѣніемъ. Выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы англійскій король не можетъ надѣяться. Но къ такой фактической невозможности присоединяется невозможность и правовая. Дѣло въ томъ, что право veto не примѣнялось англійскими королями болѣе двухсотъ лѣтъ; отсюда вытекаетъ, утверждаютъ англичане, что короли отказались отъ своего права veto и теперь уже не имѣютъ права налагать его на законопроекты, принятые парламентомъ.

Veto суспензивное.

Veto суспензивное или отсрочивающее состоитъ въ томъ, что глава государства, налагая veto, не отвергаетъ законопроекта, а лишь отсрочиваетъ превращеніе его въ законъ. Такое veto существуетъ главнымъ образомъ въ республикахъ и въ немногихъ монархіяхъ. Въ Норвегіи, напримѣръ, король можетъ наложить veto на законопроектъ, принятый палатой. Но если парламентъ троекратно приметъ его, то законопроектъ получаетъ силу закона помимо и, можетъ быть, даже вопреки волѣ короля.

У насъ право утвержденія законовъ принадлежитъ Государю. Ему принадлежитъ также право абсолютнаго veto: отвергнутый Государемъ законопроектъ не можетъ быть внесенъ въ законодательныя палаты въ ту же сессію безъ его разрѣшенія.

Законопроектъ, утвержденный главой государства, превращается въ законъ. Но этотъ новый законъ не обязателенъ для населенія, такъ какъ оно не знаетъ еще о новомъ законѣ. Законъ становится обязательнымъ для подданныхъ лишь послѣ того, какъ онъ будетъ о б н а р о д о в а н ъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Обнародованіе и составляетъ послѣдній моментъ въ процессѣ образованія закона.

Обнародованіе закона.

Самые способы обнародованія—различны. Въ прежнее время законы прочитывались на площадяхъ, въ церквахъ, «кричались на торгахъ». У насъ въ XVII в., напримѣръ, новые законы «кричались» дьяками въ Москвѣ, на Ивановской площади *). Теперь же общепринятымъ способомъ служитъ печатаніе закона въ оффиціальномъ органѣ: по истеченіи извѣстнаго промежутка времени съ момента появленія закона въ такомъ органѣ, законъ вступаетъ въ силу, и никто уже не можетъ отговариваться его незнаніемъ.

У насъ органомъ обнародованія законовъ является Сенатъ; онъ опубликовываетъ законы въ особомъ изданіи—«Собраніе узаконеній и распоряженій правительства»,—разсылаемомъ во всѣ присутственныя мѣста. Законъ вступаетъ въ силу со дня полученія его текста въ Собраніи узаконеній въ данномъ мѣстѣ. Иногда же бываетъ, что въ самомъ законѣ указанъ срокъ, когда онъ вступаетъ въ дѣйствіе. Нашъ новый вексельный уставъ былъ, напримѣръ, утвержденъ 27-го іюня 1902 г.; въ дѣйствіе же онъ вступилъ 1-го января 1903 г.

Обнародованіе закона въ Россіи.

Функціи Сената при обнародованіи закона не исчерпываются, впрочемъ, печатаніемъ и разсылкой Собранія узаконеній. На него возложена въ высшей степени важная и отвѣтственная обязанность слѣдить за тѣмъ, правильно ли изданъ законъ, поступившій къ нему для распубликованія, т.-е. прошелъ ли онъ чрезъ законодательныя учрежденія и утвержденъ ли онъ Монархомъ. Если законъ изданъ съ нарушеніемъ установленнаго порядка, то Сенатъ пріостанавливаетъ его распубликованіе; онъ отказываетъ въ обнародованіи такого закона. А законъ, не обнародованный, не обязателенъ для примѣненія. Въ виду чрезвычайной важности этой

Контролирующая функція Сената.

*) Отсюда, между прочимъ, беретъ свое начало встрѣчающееся и теперь выраженіе: «кричать во всю Ивановскую».

обязанности возложенной на Сенатъ, первостепенное значеніе имѣетъ его организація: Сенатъ можетъ правильно отправлять свою функцію контроля за порядкомъ изданія законовъ лишь при условіи, если онъ будетъ независимымъ учрежденіемъ, на которое никто не могъ бы оказать давленія.

Обнародованіемъ завершается процессъ образованія закона. Съ момента распубликованія онъ становится дѣйствующимъ закономъ. Совокупность такихъ дѣйствующихъ у народа въ извѣстное время законовъ и обычаевъ образуетъ его дѣйствующее, положительное, или еще иначе — позитивное право. Путь его образованія, какъ видно изъ предыдущаго изложенія,—очень дологъ и труденъ. Вотъ почему позитивному праву присущи въ извѣстной мѣрѣ неподвижность и косность, которыя часто служатъ причиной глубокаго разлада между существующимъ правомъ народа и его представленіями о лучшемъ, болѣе справедливомъ правѣ. Такимъ образомъ, на ряду съ позитивнымъ правомъ—у народа всегда живетъ сознаніе о высшемъ идеальномъ правѣ. Такое идеальное право, вытекаетъ какъ бы изъ самаго естества человѣка, его разумной, духовной сущности, и потому носитъ наименованіе естественнаго права. Это право—не писанное; за нимъ не стоитъ авторитетъ государства, тѣмъ не менѣе жизненная роль его очень велика: естественное право даетъ возможность оцѣнить положительное право, понять, насколько оно хорошо или плохо, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ то направленіе, въ какомъ должно быть реформировано дѣйствующее право, чтобы оно сдѣлалось лучшимъ, болѣе совершеннымъ.

Право положительное и естественное.

XI.

ПРИМѢНЕНІЕ ЗАКОНА.

Сущность примѣненія закона: 1) Предѣлы дѣйствія закона во в р е м е н и; правило о необратномъ дѣйствіи новаго закона; основаніе этого правила. Исключеніе изъ него въ пользу болѣе мягкихъ законовъ въ уголовномъ правѣ и для законовъ, издаваемыхъ въ интересахъ всего государства. 2) Предѣлы дѣйствія закона въ п р о с т р а н с т в ѣ; территоріальный принципъ. Исключенія изъ него въ интересахъ международнаго общенія. 3) Предѣлы дѣйствія закона въ отношеніи л и ц ъ, принципъ территоріальности и равенства. Начало внѣземельности

Примѣненіе закона.

Съ момента, когда законъ вступилъ въ силу, онъ начинаетъ, какъ мы сказали, д ѣ й с т в о в а т ь, т.-е. п р и м ѣ н я т ь с я къ конкретнымъ случаямъ жизни. Самое примѣненіе состоитъ въ сравненіи признаковъ конкретнаго жизненнаго случая съ признаками закона; если тѣ и другіе признаки совпадаютъ, то законъ распространяетъ свое дѣйствіе на данный случай. Воровство, напримѣръ, законъ опредѣляетъ, какъ тайное похищеніе чужого движимаго имущества; лицо, совершившее воровство, подвергается наказанію тюремнымъ заключеніемъ на опредѣленный срокъ. Однажды вечеромъ, чрезъ отпертую дверь вошелъ въ квартиру, въ которой никого не было, пріятель хозяина, взялъ книгу и ушелъ. Подходитъ ли этотъ случай подъ законъ о воровствѣ? Сравнивая признаки событія съ признаками закона, мы увидимъ, что нѣкоторые изъ нихъ сходны: пріятель т а й н о взялъ ч у ж у ю, д в и ж и м у ю, цѣнную вещь, т.-е и м у щ е с т в о; не совпадаетъ только одинъ признакъ—пріятель взялъ книгу, чтобы прочитать и затѣмъ возвратить ее, между тѣмъ законъ, говоря о похищеніи, имѣетъ въ виду тѣ случаи, когда чужая вещь берется и присваивается. Въ виду такого несовпаденія законъ о воровствѣ не распространяетъ, очевидно, своего дѣйствія на приведенный случай: пріятель не можетъ быть наказанъ за воровство.

Но, чтобы сравнивать признаки конкретнаго случая съ признаками закона, необходимо предварительно рѣшить вопросъ, какой именно законъ является дѣйствующимъ? Французская фирма въ Москвѣ оказалась несостоятельной; по какому закону

должна быть произведена ликвидація ея имущества—по русскому или французскому? Лицо А выстроило себѣ деревянный домъ; черезъ мѣсяцъ издается новый законъ, воспрещающій воздвигать въ этомъ мѣстѣ деревянныя постройки. Подъ дѣйствіе какого закона будетъ подведенъ домъ А—новаго или стараго? Всѣ такіе вопросы образуютъ собою общій, очень важный, вопросъ о предѣлахъ дѣйствія закона—во времени, въ пространствѣ и въ отношеніи лицъ.

Дѣйствіе закона во времени.

Что касается дѣйствія закона во времени, то руководящимъ началомъ здѣсь служитъ правило, по которому всякій новый законъ примѣняется лишь къ тѣмъ жизненнымъ случаямъ и отношеніямъ, которыя возникнутъ послѣ изданія закона. Иначе говоря, новый законъ дѣйствуетъ только на будущее, а не на прошедшее время.

Правило о необратномъ дѣйствіи закона.

Это правило о необратномъ дѣйствіи закона имѣетъ цѣлый рядъ серьезныхъ основаній. Законъ требуетъ безусловнаго повиновенія; но граждане могутъ повиноваться закону и исполнять его требованія лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ знать заранѣе, чего отъ нихъ требуютъ. Каждый гражданинъ долженъ имѣть увѣренность, кромѣ того, что исполняя требованія закона въ данный моментъ, онъ не понесетъ никакого ущерба, когда законъ этотъ будетъ измѣненъ. Построивъ деревянный домъ съ соблюденіемъ всѣхъ требованій закона, владѣлецъ долженъ быть увѣренъ, что домъ его не будетъ разрушенъ, если будетъ изданъ законъ, воспрещающій возводить на данномъ мѣстѣ деревянныя строенія, такъ какъ его домъ возникъ тогда, когда законъ позволялъ это дѣлать. Купивъ домъ съ соблюденіемъ всѣхъ формъ и условій, предписанныхъ закономъ для купли-продажи недвижимыхъ имуществъ, собственникъ долженъ имѣть увѣренность, что онъ не потеряетъ своего дома, если законодатель впослѣдствіи найдетъ нужнымъ измѣнить формы и условія пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ. При обратномъ дѣйствіи закона никто не былъ бы увѣренъ, что онъ не потеряетъ вдругъ своего имущества, законно имъ пріобрѣтеннаго, что онъ не понесетъ наказанія за дѣйствія, совершенныя въ полномъ соотвѣтствіи съ закономъ, что онъ вообще гарантированъ отъ самаго неожиданнаго произвола. Можетъ ли быть порядокъ, устойчивая общественная жизнь, ка-

кой бы то ни было дѣловой оборотъ тамъ, гдѣ нѣтъ такой увѣренности?

Исключеніе изъ этого правила.

Правило о необратномъ дѣйствіи необходимо, такимъ образомъ, какъ гарантія свободы личности противъ произвола законодателя, какъ обезпеченіе неприкосновенности личности и ея законно пріобрѣтенныхъ правъ. Исключенія изъ этого правила допускаются лишь по мотивамъ гуманности или общественной пользы. Въ государствѣ существуетъ, напримѣръ, законъ, воспрещающій подъ угрозой наказанія исповѣдывать самому и распространять среди другихъ республиканскія идеи. Лицо А отбываетъ наказаніе какъ разъ за такое распространеніе. Но законодатель пришелъ къ заключенію, что безполезно и не слѣдуетъ преслѣдовать политическія убѣжденія, и потому отмѣнилъ старый законъ. Справедливо ли, чтобы лицо А продолжало отбывать наказаніе за то, что теперь не является уже преступленіемъ? Въ Англіи одно время былъ законъ, назначавшій смертную казнь за третью кражу, цѣною въ одинъ шиллингъ; но потомъ наказаніе это было признано непомѣрно суровымъ, и новымъ закономъ оно было уменьшено до тюремнаго заключенія. Справедливо ли уворовавшаго одинъ шиллингъ при старомъ еще законѣ казнить теперь, когда самъ законодатель призналъ это наказаніе несправедливымъ и несоотвѣтствующимъ преступленію? Изъ этихъ примѣровъ ясно, что изъ правила о необратномъ дѣйствіи закона въ интересахъ справедливости и гуманности должно быть сдѣлано исключеніе въ пользу болѣе мягкихъ законовъ. Вотъ почему въ уголовномъ правѣ и принято правило: новый законъ дѣйствуетъ только на будущее время, но законъ болѣе мягкій дѣйствуетъ и на прошедшее время, т.-е. имѣетъ обратную силу.

Точно также, если новый законъ имѣетъ въ виду интересы государства, какъ цѣлаго, то такой законъ долженъ имѣть обратную силу, хотя бы отъ этого страдали частные интересы. Освобожденіе крестьянъ въ 1861 г., безъ сомнѣнія, причиняло ущербъ русскимъ помѣщикамъ, но оно должно было получить распространеніе и на крестьянъ, купленныхъ до 19-го февраля, хотя этимъ нарушались частныя, законно пріобрѣтенныя права: интересъ государства требовалъ покончить разъ навсегда съ позорнымъ и невыгоднымъ для него крѣпостнымъ правомъ.

Въ нашемъ законодательствѣ также признано правило о необратномъ дѣйствіи закона. Исключенія допускаются лишь въ томъ случаѣ, во 1-хъ, когда въ новомъ законѣ сказано, что онъ есть подтвержденіе или изъясненіе прежняго закона, и, во 2-хъ, когда въ самомъ законѣ установлено, что сила его распространяется на время, предшествующее его обнародованію.

Дѣйствіе закона въ пространствѣ; территоріальный принципъ.

Каждый законъ въ своемъ дѣйствіи ограниченъ не только временемъ, но и опредѣленнымъ пространствомъ, за предѣлами котораго онъ уже теряетъ силу. Для рѣшенія вопросовъ, касающихся дѣйствія закона по мѣсту, руководящимъ началомъ служитъ территоріальный принципъ. По этому принципу законъ, изданный государствомъ, имѣетъ силу только въ предѣлахъ территоріи даннаго государства. Законъ, изданный, напримѣръ, русской государственной властью, дѣйствуетъ только на территоріи Россіи; за предѣлами ея имѣютъ силу законы того государства, которому принадлежитъ территорія: въ Германіи—нѣмецкіе, во Франціи—французскіе и т. д. Территоріальный принципъ находится въ самой тѣсной связи съ началомъ суверенности государствъ: никакое государство не можетъ допустить на своей территоріи дѣйствія чужеземныхъ законовъ, такъ какъ это нарушало бы его верховенство и независимость по отношенію къ другимъ государствамъ.

Исключеніе изъ этого принципа.

Но прямолинейное проведеніе территоріальнаго принципа не соотвѣтствуетъ требованіямъ жизни. Въ высшей степени тѣсная и многообразная связь, которая существуетъ между гражданами различныхъ государствъ, въ особенности, въ области торговли и промышленности, была бы невозможной, если бы государства не дѣлали исключеній изъ территоріальнаго начала и ни при какихъ условіяхъ не допускали бы примѣненія чужеземныхъ законовъ на своей территоріи. Если бы русскій судъ не признавалъ векселя, написаннаго французскимъ купцомъ въ Парижѣ по французскимъ законамъ, и обратно, то не могло бы быть никакой торговли между Россіей и Франціей. Вотъ почему территоріальное начало допускаетъ рядъ отступленій въ интересахъ международнаго общенія. Если дѣло касается правъ, связанныхъ съ лицомъ—семейныхъ, совершеннолѣтія и т. п., то примѣняются законы родины этого лица. Въ Америкѣ, напримѣръ, узаконенъ такъ называемый гра-

жданскій бракъ, т.-е. бракъ, заключенный путемъ нотаріальнаго договора, безъ выполненія религіозныхъ обрядовъ, между тѣмъ въ Россіи такой бракъ является незаконнымъ. Тѣмъ не менѣе русскій судъ признаетъ законнымъ бракъ пріѣхавшаго въ Россію американца, такъ какъ онъ будетъ обсуждать этотъ вопросъ не по русскимъ законамъ, а по американскимъ. Если же вопросъ идетъ о правахъ, связанныхъ съ имуществомъ, то такой вопросъ будетъ разрѣшенъ по законамъ мѣстонахожденія имущества.

Дѣйствіе закона въ отношеніи лицъ.

Что касается, наконецъ, группы лицъ, на которую распространяется дѣйствіе закона, то она опредѣляется двумя началами—началомъ территоріальности и началомъ равенства. Закону государства равно подчиняются всѣ—подданные и иностранцы,—живущіе въ предѣлахъ его территоріи. Но отсюда также допускаются и необходимы отступленія. Прежде всего не подчиняются законамъ страны, въ которой они живутъ,—лица, пользующіяся правомъ внѣземельности или экстерриторіальности; къ нимъ принадлежатъ иностранные государи, дипломатическіе агенты и др. Всѣ эти лица, живя въ чужомъ государствѣ, подчиняются тѣмъ не менѣе законамъ своей страны такъ, какъ будто они живутъ въ своей странѣ. Такое предположеніе, т.-е. фикцію, пришлось создать, чтобы обезпечить иностраннымъ государямъ и посламъ полную свободу, независимость и неприкосновенность, безъ которыхъ невозможно выполненіе возложенныхъ на нихъ чрезвычайно важныхъ обязанностей. Могъ ли бы посолъ быть достойнымъ представителемъ своего государства, если бы ему угрожала опасность быть призваннымъ для отвѣта въ полицейскій участокъ, къ мировому судьѣ и т. п.?

XII.

ТОЛКОВАНІЕ ЗАКОНА.

Сущность толкованія законовъ. Толкованіе ученое и легальное. Виды толкованія—грамматическое, логическое, систематическое и историческое. По результатамъ толкованіе бываетъ ограничительное и распространительное. Толкованіе по русскому праву. Кодификація; виды кодификаціи. Кодификація русскаго законодательства. Полное Собраніе Законовъ и Сводъ Законовъ.

Сущность толкованія законовъ.

Правила о границахъ дѣйствія закона, съ которыми мы только-что познакомились, помогутъ отыскать тотъ законъ, который подлежитъ примѣненію въ данное время, въ данномъ мѣстѣ и по отношенію къ даннымъ лицамъ. Чтобы перейти теперь къ примѣненію закона къ конкретному случаю, нужно предварительно понять законъ, т.-е. изъяснить его смыслъ. Такое изъясненіе смысла закона и называется толкованіемъ закона. Ясно, что въ толкованіи нуждаются рѣшительно всѣ законы потому что нельзя примѣнить ни одного закона, не понявъ его смысла.

Ученое и легальное толкованіе.

Толковать законъ могутъ всѣ лица, такъ или иначе заинтересованныя въ правильномъ примѣненіи закона—и ученый правовѣдъ, и адвокатъ, и судья, и каждый обыватель, который захочетъ отдать себѣ отчетъ въ смыслѣ даннаго закона. Такое толкованіе называется ученымъ или доктринальнымъ толкованіемъ; его цѣнность и обязательность зависятъ отъ его правильности и внутренней истинности. Бываютъ случаи, когда въ роли толкователя выступаетъ самъ законодатель,—тогда мы имѣемъ легальное или аутентическое толкованіе. Его особенность заключается въ томъ, что такое толкованіе является для всѣхъ обязательнымъ, какъ бы неудачно оно ни было, такъ какъ все, что исходитъ отъ законодателя,—обязательно. Такимъ образомъ, легальное толкованіе представляетъ собой, въ сущности, не толкованіе, а изданіе новаго закона.

По содержанію своему толкованіе есть не что иное, какъ логическая работа мысли, которая путемъ цѣлаго ряда умозаклю-

ченій стремится выяснить истинный смыслъ правовой формулы. Слѣдовательно, всякое толкованіе есть логическое толкованіе. Но матеріалъ для такихъ умозаключеній приходится добывать различными способами и пріемами; эти пріемы и служатъ основаніемъ для разграниченія видовъ толкованія.

Грамматическое толкованіе.

Чтобы раскрыть смыслъ закона, иногда достаточно грамматически разобрать его формулу, т.-е. правильно установить связь частей предложенія и значеніе входящихъ въ него словъ. Такое толкованіе образуетъ собою грамматическое толкованіе. Родители, говоритъ, напримѣръ, законъ, имѣютъ власть надъ дѣтьми. Спрашивается, принадлежитъ ли родительская власть дѣду и бабкѣ, какъ было въ древнеславянской семьѣ? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, нужно, очевидно, установить значеніе слова «родители». Это слово произошло отъ глагола родить; родители, слѣдовательно,—тѣ лица, которыя родили дѣтей, т.-е. послужили непосредственнымъ физическимъ началомъ ихъ жизни. Ясно, что употребляя слово «родители», законодатель разумѣлъ подъ нимъ отца и мать. По такому—грамматическому—толкованію дѣдъ и бабка не имѣютъ родительской власти.

Логическое толкованіе.

Если грамматическій разборъ не поможетъ уяснить смыслъ закона, то приходится обращаться къ анализу и сопоставленію понятій, входящихъ въ составъ даннаго закона. Такое толкованіе называется логическимъ толкованіемъ. Лицу, достигшему 17-ти лѣтъ, законъ разрѣшаетъ вступить въ управленіе своимъ имѣніемъ; между тѣмъ этотъ же законъ запрещаетъ ему совершать акты и сдѣлки какого-либо рода, хотя управлять имѣніемъ безъ совершенія сдѣлокъ, мы знаемъ, совершенно немыслимо. Такъ какъ законъ не можетъ быть явно безсмысленнымъ, то нужно предположить, что указанное противорѣчіе есть внѣшнее противорѣчіе, которое будетъ устранено, если мы правильно установимъ смыслъ понятій даннаго закона. Понятіе имѣнія—имущества предполагаетъ опредѣленную, присущую ему хозяйственную цѣль. Въ такомъ случаѣ управлять имѣніемъ—значитъ совершать всѣ тѣ дѣйствія, которыя служатъ осуществленію хозяйственной цѣли имѣнія. Запрещая акты и сдѣлки, приведенный законъ, очевидно, имѣлъ въ виду только тѣ изъ нихъ, которыя выходятъ за предѣлы такой хозяйственной цѣли имѣнія.

Иногда законъ, неясный самъ по себѣ, становится вполнѣ понятнымъ послѣ того, какъ мы его сопоставимъ съ другимъ закономъ или законами, которые находятся съ нимъ въ логической связи. Завѣщанія самоубійцъ, напримѣръ, законъ объявляетъ недѣйствительными. Такое объявленіе само по себѣ непонятно. Но оно будетъ яснымъ, если мы поставимъ его въ связь съ предыдущей статьей, которая требуетъ, чтобы всѣ завѣщанія составлялись въ здравомъ умѣ и твердой памяти. А «посему», говоритъ слѣдующая статья, недѣйствительны и завѣщанія самоубійцъ. Очевидно, законъ объявляетъ завѣщанія самоубійцъ недѣйствительными въ предположеніи душевной болѣзни самоубійцъ. Отсюда, смыслъ нашего закона таковъ: завѣщаніе самоубійцы недѣйствительно, если будетъ доказано, что при составленіи его самоубійца былъ не въ здравомъ умѣ и не въ твердой памяти. Установленіе смысла закона путемъ сопоставленія его съ другими законами называется систематическимъ толкованіемъ.

Систематическое толкованіе.

Наконецъ, понять смыслъ закона очень часто помогаетъ исторія его возникновенія. Она намъ показываетъ, какъ сложился данный законъ, какой жизненной потребностью онъ былъ вызванъ, какова та старая норма, какую замѣнилъ собою новый законъ. Такое толкованіе называется историческимъ толкованіемъ закона.

Историческое толкованіе.

Результаты толкованія могутъ быть различны. Если мы приходимъ къ заключенію, что выраженія закона слишкомъ широки, что ихъ нужно сузить, ограничить, чтобы достигнуть строгаго соотвѣтствія между формой и содержаніемъ, то мы имѣемъ ограничительное толкованіе. Законъ, напримѣръ, говоритъ, что лица, получившія высшее юридическое образованіе, могутъ быть присяжными повѣренными. На основаніи этого закона цѣлый рядъ женщинъ, получившихъ юридическое образованіе, ходатайствовалъ о зачисленіи ихъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, полагая, что подъ понятіе «лица» подходятъ и женщины. Но такія ходатайства въ концѣ-концовъ были отклонены, такъ какъ приведенный законъ получилъ ограничительное толкованіе въ томъ смыслѣ, что подъ лицами въ этомъ законѣ нужно понимать только лицъ мужского пола.

Ограничительное толкованіе.

Наоборотъ, мы имѣемъ р а с п р о с т р а н и т е л ь н о е толкованіе, если приходимъ къ заключенію, что выраженія закона нужно понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ. Такое распространительное толкованіе, напримѣръ, мы имѣли бы тогда, если бы понятіе «лица» въ предыдущемъ примѣрѣ было распространено и на женщинъ.

Распространительное толкованіе.

Примѣнять право главнымъ образомъ приходится судебнымъ учрежденіямъ; имъ же, очевидно, чаще всего приходится и толковать законы. Право толковать законы русскіе судьи получили сравнительно недавно—только въ 1864 году, когда были изданы Судебные Уставы Императора Александра II-го. До этого времени, въ случаѣ неясности или неполноты закона, судья долженъ былъ просить указаній со стороны высшей инстанціи, при чемъ дѣла часто восходили до Государя. При такихъ условіяхъ судья обращался въ механизмъ, примѣнявшій законы не разсуждая, а самое правосудіе—въ бездушную волокиту.

Толкованіе законовъ по русскому праву.

Съ 1864 г. толкованіе закона становится не только правомъ, но и обязанностью всѣхъ нашихъ судебныхъ установленій, такъ какъ законъ воспрещаетъ теперь останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ, и предписываетъ основывать рѣшеніе въ такихъ случаяхъ «на общемъ смыслѣ законовъ».

При большомъ числѣ судебныхъ установленій въ государствѣ легко можетъ случиться, что одинъ и тотъ же законъ будутъ разно понимать и толковать различныя судебныя учрежденія. Такое различное пониманіе, если его не устранить, будетъ препятствовать однообразному примѣненію законовъ, которое безусловно необходимо для устойчивости правопорядка. Устраненію его и служитъ: во 1-хъ, переносъ дѣла въ другую, высшую инстанцію; при такомъ переносѣ толкованіе низшаго суда пересматривается и, въ случаѣ надобности, исправляется высшимъ судомъ, во 2-хъ, надзоръ единаго въ государствѣ высшаго судебнаго учрежденія, которое служитъ послѣдней инстанціей для толкованія законовъ. Такимъ учрежденіемъ является у насъ Сенатъ—высшее кассаціонное судебное учрежденіе въ Россіи.

Но вся сложная работа по примѣненію закона предпо-

лагаетъ, что примѣняющій имѣетъ предъ собою самый текстъ закона, что онъ отыскалъ его среди массы другихъ, ненужныхъ ему въ данный моментъ, законовъ. Но отыскать нужный законъ тѣмъ легче, чѣмъ въ большемъ порядкѣ законодательство страны, который дѣлаетъ нетруднымъ обозрѣніе его и знакомство съ нимъ. Вотъ почему всѣ государства принимаютъ мѣры къ тому, чтобы привести свое законодательство въ извѣстную систему. Приведеніе въ систематическій порядокъ законодательства и называется к о д и ф и к а ц і е й.

Кодификація. Кодификація бываетъ двухъ видовъ: и н к о р п о р а ц і я, когда законодательство приводится во внѣшній, систематическій порядокъ, безъ измѣненія его внутренняго содержанія, и к о д и ф и к а ц і я в ъ т ѣ с н о м ъ с м ы с л ѣ с л о в а, представляющая обработку законодательства на основѣ опредѣленной идеи, которая придаетъ ему единство и цѣльность.

Кодификація русскаго законодательства. У насъ, начиная съ XVII в., когда былъ изданъ замѣчательный кодексъ—Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, являющееся родоначальникомъ русскаго законодательства,—не было ни одного царствованія, которое не ставило бы себѣ задачи кодифицировать русское право. Самой грандіозной, попыткой въ этомъ направленіи была попытка Екатерины II, которая задалась цѣлью создать для Россіи новый, идеальный кодексъ, построенный на принципахъ изложенныхъ ею въ знаменитомъ Наказѣ. Но эта попытка такъ же, какъ аналогичныя начинанія въ другія царствованія, осталась безплодной.

Въ концѣ-концовъ Императоръ Николай I-й отказался совсѣмъ отъ мысли составить новый кодексъ и рѣшилъ собрать лишь воедино ранѣе изданные законы. Эту задачу онъ и возложилъ на замѣчательнаго государственнаго дѣятеля—графа М. М. Сперанскаго.

Полное Собраніе Законовъ. Прежде всего Сперанскій собралъ всѣ законы со времени Уложенія царя Алексѣя Михайловича (1649 г.) и расположилъ ихъ въ х р о н о л о г и ч е с к о м ъ порядкѣ въ той самой редакціи, въ какой они были изданы въ свое время. Такое собраніе извѣстно подъ именемъ П о л н а г о С о б р а н і я З а к о н о в ъ, продолжающагося и понынѣ. Въ настоящее время Полное Собраніе

Законовъ состоитъ изъ трехъ частей: Первое Полное Собраніе (45 томовъ), изданное еще Сперанскимъ, охватываетъ всѣ законы отъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича до восшествія на престолъ Николая I-го (1649—1825). Второе Полное Собраніе (55 томовъ) содержитъ всѣ законы отъ восшествія на престолъ Николая I-го до восшествія на престолъ АлександраIII (1825—1881). Третье Полное Собраніе начинается съ восшествія на престолъ Александра III и продолжается до настоящаго времени.

Сводъ Законовъ.

Полное Собраніе заключало въ себѣ всѣ законы, какъ дѣйствовавшіе, такъ и потерявшіе силу. Оно было неудобно поэтому для практическаго пользованія. Вотъ почему Сперанскій одновременно принялся за составленіе другого сборника, который заключалъ бы въ себѣ лишь дѣйствующіе законы, расположенные въ систематическомъ порядкѣ. Этотъ сборникъ (сейчасъ 16 томовъ) и получилъ наименованіе Свода Законовъ. Онъ представляетъ собою, такимъ образомъ, систематическій сборникъ дѣйствующаго русскаго законодательства. Новые законы, не вошедшіе въ Сводъ, по мѣрѣ накопленія издаются въ видѣ особыхъ Продолженій къ Своду Законовъ, съ которыми необходимо свѣряться при пользованіи Сводомъ Законовъ.

XIII.

ПРАВО ВЪ ОБЪЕКТИВНОМЪ И СУБЪЕКТИВНОМЪ СМЫСЛѢ.

Понятіе объективнаго права. Процессъ объективаціи правовыхъ нормъ. Право въ субъективномъ смыслѣ; процессъ образованія субъективнаго права. Сущность и опредѣленіе юридическаго отношенія. Опредѣленіе субъективнаго права.

Положительное право народа образуютъ, какъ мы говорили, тѣ нормы, которыя нашли выраженіе въ законѣ и обычаѣ. До такого воплощенія норма не является правовой нормой: она представляетъ собой не право, а лишь правосознаніе, т.-е. представленіе о томъ, какъ должны

бы регулироваться опредѣленныя отношенія. Такимъ образомъ, до воплощенія въ законѣ или обычаѣ право существуетъ въ формѣ душевныхъ переживаній лица, группы лицъ, общества и даже цѣлаго народа. Оно имѣетъ, слѣдовательно, лишь субъективное существованіе.

Объективное право.

Въ процессѣ своего воплощенія въ законъ или обычай право, неясное до тѣхъ поръ переживаніе, осознается, постепенно кристаллизируется и, наконецъ, облекается, въ точную формулу закона или обычая. Теперь оно становится самостоятельнымъ, независимымъ отъ неустойчивыхъ субъективныхъ переживаній отдѣльныхъ лицъ. Право получаетъ такимъ образомъ о б ъ е к т и в н о е существованіе. Вотъ почему правовыя нормы, которыя нашли выраженіе въ законѣ или обычаѣ, называются о б ъ е к т и в н ы м ъ п р а в о м ъ или п р а в о м ъ в ъ о б ъ е к т и в н о м ъ с м ы с л ѣ.

Процессъ объективаціи правовыхъ нормъ.

Процессъ о б ъ е к т и в а ц і и права, какъ легко видѣть, не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго сравнительно съ процессомъ, какимъ складывается и воплощается во-внѣ любая мысль, любой художественный образъ, любой музыкальный мотивъ. Какъ и право, любое художественное произведеніе переживается сначала въ видѣ случайныхъ настроеній, затѣмъ образовъ, которые, постепенно оформливаясь, достигаютъ полной законченности, отчетливости и затѣмъ облекаются авторомъ въ литературную форму. И вотъ теперь образы, которые имѣли до сихъ поръ лишь субъективное существованіе, объективируются, отрываются отъ ихъ творца и начинаютъ свою самостоятельную жизнь; ихъ обсуждаютъ, оцѣниваютъ, по поводу ихъ спорятъ, часто совершенно забывая объ ихъ авторѣ. Они становятся общимъ достояніемъ. Такимъ же общимъ достояніемъ дѣлается и право послѣ того, какъ оно объективировалось въ законѣ или обычаѣ. Его также обсуждаютъ, оцѣниваютъ; одни находятъ дурнымъ, другіе—хорошимъ. Словомъ, новая правовая норма вызываетъ безконечно разнообразное къ себѣ отношеніе. Но всѣ согласны въ одномъ—въ томъ, что новая правовая норма обязательна для всѣхъ. Объективируясь въ законѣ или обычаѣ, право тѣмъ самымъ выполняетъ, очень важную функцію объединенія: теперь всѣ знаютъ, чего требуетъ право, и что этимъ требованіямъ

обязаны подчиниться всѣ, несмотря на различіе ихъ мнѣній, внутреннихъ переживаній и настроеній.

Субъективное право.

Каждая норма объективнаго права представляетъ собой абстрактную формулу, изъ которой совершенно устраненъ элементъ конкретной жизни. Въ русскомъ гражданскомъ правѣ существуетъ, напримѣръ, цѣлый рядъ нормъ объ условіяхъ пріобрѣтенія собственности на недвижимое имущество, о томъ, что собственникъ можетъ владѣть, пользоваться, распоряжаться въ извѣстныхъ предѣлахъ своимъ имуществомъ и т. п. Но все это — абстрактныя понятія и формулы, которыя существуютъ лишь на страницахъ кодекса. Въ дѣйствительной жизни нѣтъ собственности вообще, а есть собственность на опредѣленную вещь, имѣніе и т. д., принадлежащая опредѣленному, конкретному субъекту; нѣтъ права вообще, а есть опредѣленное по содержанію право, закрѣпленное за опредѣленнымъ лицомъ—субъектомъ. Такое право, связанное съ опредѣленной личностью, и называется субъективнымъ правомъ или правомъ въ субъективномъ смыслѣ.

Юридическое отношеніе.

Сущность субъективнаго права и отношеніе его къ праву объективному станутъ яснѣе, когда мы прослѣдимъ процессъ образованія субъективнаго права. Лицо А, чтобы имѣть квартиру по собственному вкусу и нѣкоторый доходъ, рѣшило пріобрѣсти въ собственность домъ. Чтобы удовлетворить своему желанію — интересу, А вступаетъ въ переговоры съ Б, у котораго какъ разъ есть желаніе продать свой домъ. Между А и Б, такимъ образомъ, на почвѣ желанія каждаго изъ нихъ удовлетворить своему интересу, возникаетъ отношеніе по покупкѣ и продажѣ дома. Когда А и Б пришли къ окончательному соглашенію, они справляются, каковы тѣ условія, которыя ставитъ законъ для перехода собственности на недвижимое имущество отъ одного лица къ другому. Оказывается, что для этого нужно заключить договоръ о куплѣ-продажѣ, облечь его въ письменную форму, на особой—актовой бумагѣ, въ нотаріальномъ порядкѣ и т. д. А и Б выполнили всѣ эти требованія объективнаго права. Отношеніе между ними становится тогда юридическимъ отношеніемъ: А получаетъ право требовать отъ Б передачи дома, и Б обязанъ исполнить это

требованіе; съ другой стороны, Б получаетъ право требовать отъ А уплаты цѣны дома, и А обязанъ исполнить это требованіе. Если какая-нибудь изъ сторонъ не исполнитъ своей обязанности, то другая можетъ обратиться за помощью къ государственной власти, которая и принудитъ неисправную сторону выполнить свои обязательства. Отношеніе между А и Б защищается теперь государственной властью. Такимъ образомъ, юридическое отношеніе есть отношеніе, установленное въ согласіи съ нормами объективнаго права, въ силу котораго два или нѣсколько лицъ пріобрѣтаютъ взаимныя права и обязанности.

Опредѣленіе субъективнаго права.

Заключивъ договоръ купли-продажи, А пріобрѣлъ субъективное право собственности на домъ, т.-е. получилъ, согласно нормамъ объективнаго права,—право владѣть, пользоваться и распоряжаться своимъ домомъ. Теперь, наконецъ, А приступаетъ къ осуществленію своего давнишняго желанія—устроить себѣ хорошую квартиру. Онъ рѣшилъ уничтожить прежде всего старыя надворныя постройки и на ихъ мѣстѣ посадить деревья. Сдѣлать это А имѣетъ право, такъ какъ, согласно нормамъ объективнаго права, ему принадлежитъ право распоряжаться своимъ имуществомъ. Но А хотѣлъ бы сжечь надворныя постройки; объективное право не позволяетъ ему этого, такъ какъ, сжигая свое имущество, А можетъ сжечь имущество и сосѣда; чтобы удовлетворить своему желанію, А приходится осторожно ломать постройки, а мусоръ вывозить далеко за городъ. Чтобы увеличить количество свѣта въ квартирѣ, А рѣшилъ, далѣе, устроить новое окно и съ этой цѣлью пробить отверстіе въ глухой стѣнѣ. Ломать стѣну своего дома и устраивать окно—А имѣетъ право, но не имѣетъ права дѣлать окно какъ разъ тамъ, гдѣ онъ собирался, такъ какъ его окно выходило бы на дворъ къ сосѣду, а дѣлать это безъ согласія сосѣда—нельзя. А снова натолкнулся на ограниченіе, поставленное объективнымъ правомъ его свободѣ въ осуществленіи своего интереса, которую онъ получилъ, сдѣлавшись собственникомъ. Такимъ образомъ, субъективное право есть сфера свободы лица въ осуществленіи своихъ интересовъ, предоставленная ему нормами объективнаго права.

Изъ разобраннаго примѣра видно, что право, какъ субъективное, такъ и объективное, въ конечномъ итогѣ имѣетъ въ виду интересы людей и служитъ ихъ удовлетворенію. Интересъ, т.-е. желаніе удовлетворить той или другой потребности, заставляетъ людей вступать другъ съ другомъ въ разнообразныя отношенія. Естественно, что каждый стремится при этомъ получить наибольшую выгоду. Такимъ стремленіемъ проникнуты всѣ. Отсюда рождается столкновеніе и борьба интересовъ, которыя служатъ лишь помѣхой возможно полному ихъ удовлетворенію. Объективное право, устанавливая рамки индивидуальной свободѣ, тѣмъ самымъ разграничиваетъ интересы и дѣлаетъ возможнымъ сотрудничество людей для ихъ удовлетворенія.

XIV.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНІЕ.

1. Субъектъ права.

Составъ юридическаго отношенія. Субъектъ права; правоспособность и дѣеспособность. Кто можетъ быть субъектомъ права? Физическое лицо. Условія, вліяющія на объемъ его правоспособности и дѣеспособности: возрастъ, полъ, здоровье, религія, подданство. Конечный моментъ юридической жизни физическаго лица—смерть; безвѣстное отсутствіе. Причины возникновенія юридическихъ лицъ. Условія возникновенія и существованія юридическихъ лицъ—цѣль, субстратъ, юридическое признаніе. Порядокъ послѣдняго. Объемъ правоспособности и дѣеспособности юридическихъ лицъ.

Составъ юридическаго отношенія.

Разсмотрѣнный примѣръ купли-продажи недвижимаго имущества поможетъ намъ ближе изучить тѣ элементы, изъ которыхъ слагается юридическое отношеніе. Каждое юридическое отношеніе предполагаетъ прежде всего лицъ, которыя вступаютъ между собой въ то или другое отношеніе. Такія лица называются *субъектами отношенія* или чаще—*субъектами права*. Тотъ предметъ, по поводу котораго возникаетъ отношеніе, образуетъ *объектъ* юридическаго отношенія. Наконецъ, третьимъ элементомъ являются *полномочія и обязанности*, которыя возникаютъ изъ юридическаго отношенія для его субъектовъ.

Такъ какъ юридическое отношеніе создаетъ для лицъ, вступившихъ въ него, извѣстныя полномочія и обязанности, то необходимо, чтобы лица м о г л и обладать полномочіями и принимать на себя обязательства. Лицо А, напримѣръ, передало свое имущество по завѣщанію осужденному въ каторжныя работы: юридическое отношеніе наслѣдованія не можетъ возникнуть въ данномъ случаѣ, такъ какъ осужденный въ каторжныя работы въ силу закона не обладаетъ способностью быть наслѣдникомъ. Точно также еврей не можетъ пріобрѣсти имѣніе внѣ черты осѣдлости, жена безъ согласія мужа выдать вексель и т. п. Чтобы быть субъектомъ права, лицо должно, слѣдовательно, обладать с п о с о б н о с т ь ю и м ѣ т ь п р а в о, т.-е. п р а в о с п о с о б н о с т ь ю.

Правоспособность

Но правоспособности недостаточно еще, чтобы лицо могло вступать въ юридическія отношенія. Ребенокъ, напримѣръ, правоспособенъ, онъ можетъ имѣть собственность, онъ можетъ наслѣдовать имущество и т. п., но ему приходится ограничиваться лишь пассивной ролью обладателя правомъ: распоряжаться имъ онъ не можетъ, такъ какъ не способенъ отдать себѣ отчетъ въ сложности окружающей жизни, разумно и цѣлесообразно дѣйствовать. Такая способность дѣйствовать, активно выступать въ юридической жизни— называется д ѣ е с п о с о б н о с т ь ю. Она заключается въ признанной за лицомъ возможности совершать юридическія сдѣлки, принимать на себя обязательства, пріобрѣтать права, осуществлять ихъ и т. д.

Дѣеспособность.

Легко видѣть, что правоспособность и дѣеспособность не представляютъ собою естественныхъ свойствъ человѣка, съ которыми онъ рождается: онѣ являются созданіемъ права. Вотъ почему мы и наблюдаемъ въ исторіи значительныя колебанія въ опредѣленіи того, кто можетъ быть субъектомъ права, и каковъ объемъ его правоспособности и дѣеспособности. Въ древнемъ мірѣ правоспособности лишены были, напримѣръ, рабы; въ средніе вѣка—иностранцы, евреи, лишенные мира за тяжкія преступленія и др. И на ряду съ этимъ субъектами права признавались въ нѣкоторыхъ случаяхъ животныя. Въ средніе вѣка, напримѣръ, считали, что животныя—свиньи, мыши, крысы и т. п.—могутъ совершать пре-

Кто можетъ быть субъектомъ права?

ступленія, и потому ихъ судили по всѣмъ правиламъ юридическаго искусства: о нихъ велось слѣдствіе, повѣстками они приглашались въ судъ, прокуроръ и защитникъ произносили рѣчи, судъ выносилъ приговоръ, который затѣмъ и приводился въ исполненіе.

Физическое лицо.

Въ настоящее время субъектомъ права признается прежде всего человѣкъ—ф и з и ч е с к о е л и ц о. Его рожденіе служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ начальнымъ моментомъ его правоспособности и дѣеспособности. Впрочемъ, право всѣхъ народовъ защищаетъ человѣка уже въ періодъ его утробнаго существованія: такъ, жизнь зародыша, его имущественныя и наслѣдственныя права охраняются закономъ. Но въ этихъ случаяхъ зародышъ защищается, какъ возможный будущій субъектъ права; дѣйствительная юридическая жизнь человѣка начинается только съ момента его рожденія.

Объемъ правоспособности и дѣеспособности.

Такимъ образомъ, съ момента рожденія всѣ люди правоспособны. Но не всѣ они обладаютъ правоспособностью и дѣеспособностью въ одинаковой мѣрѣ, потому что не всѣ люди достигаютъ одинаковаго умственнаго и нравственнаго развитія, не всѣ люди въ одинаковой мѣрѣ располагаютъ разумомъ и волей. Нельзя, напримѣръ, сумасшедшему или ребенку предоставить тѣ же права, какія присвоены здоровымъ или взрослымъ людямъ. Но на ряду съ естественными ограниченіями, вытекающими изъ различія природныхъ свойствъ отдѣльныхъ лицъ, существуютъ искусственныя неравенства, представляющія часто несправедливое наслѣдіе прошлой жизни народа и его предразсудковъ. Къ такого рода неравенствамъ относятся тѣ ограниченія, которыя связаны съ поломъ, національностью, религіей, съ принадлежностью къ тому или другому сословію.

Возрастъ.

Изъ условій, вліяющихъ на объемъ правоспособности и дѣеспособности лица, необходимо отмѣтить прежде всего в о з р а с т ъ. Хотя физическое лицо становится правоспособнымъ съ момента рожденія, но полнымъ субъектомъ права оно является лишь по достиженіи извѣстнаго возраста, когда лицо пріобрѣтаетъ на ряду съ правоспособностью и дѣеспособность. Такой возрастъ называется с о в е р ш е н н о л ѣ т і е м ъ; съ достиженіемъ его человѣкъ предполагается духовно зрѣлымъ, способнымъ отдавать себѣ отчетъ въ совершаемыхъ дѣйствіяхъ. Конечно, умственная и нравственная зрѣлость на-

ступаетъ не для всѣхъ лицъ въ одно и то же время. Но право не можетъ учесть всѣ такія индивидуальныя отклоненія и вынуждено считаться съ условіями развитія всего населенія. Соотвѣтственно этимъ условіямъ оно устанавливаетъ общіе сроки совершеннолѣтія, различные, смотря по характеру юридическихъ отношеній. Такъ, у насъ гражданское совершеннолѣтіе, т.-е. право пріобрѣтать и отчуждать имущество, заключать сдѣлки, наступаетъ въ 21 годъ; политическое совершеннолѣтіе, т.-е. право участвовать въ выборахъ членовъ Государственной Думы, мировыхъ судей, гласныхъ и т. п.,—въ 25 лѣтъ; брачное совершеннолѣтіе для мужчинъ—въ 18 лѣтъ, для женщинъ—въ 16 лѣтъ. 30 лѣтъ для мужчинъ и 40 для женщинъ требуется для пострижения въ монашество; 70-лѣтній возрастъ служитъ предѣломъ для избранія въ присяжные засѣдатели а 80-лѣтній—для вступленія въ бракъ.

Другимъ условіемъ, вліяющимъ на объемъ правоспособности и дѣеспособности служитъ полъ. Въ большинствѣ государствъ женщины лишены политическихъ правъ: онѣ не могутъ быть присяжными засѣдателями, гласными, занимать общественныя и государственныя должности, участвовать въ выборахъ народныхъ представителей и т. д. Наше законодательство относится къ женщинѣ мягче, чѣмъ законодательство европейскихъ народовъ, но и оно значительно ограничиваетъ ея права. И у насъ женщина лишена политическихъ правъ; ея гражданско-правовая дѣеспособность также терпитъ нѣкоторыя, хотя и незначительныя, ограниченія. Такъ, замужняя женщина не въ правѣ безъ согласія мужа выдавать векселя, вступать въ договоръ личнаго найма и т. п. Всѣ эти ограниченія представляютъ собой пережитокъ далекаго прошлаго, когда въ женщинѣ видѣли исключительно хозяйку и мать. Въ настоящее время этотъ взглядъ отмираетъ и въ сознаніи современнаго общества все большее признаніе получаетъ принципъ равноправія женщинъ.

Полъ

Вступленіе въ юридическія отношенія предполагаетъ у лица нормальное состояніе физическихъ и умственныхъ способностей, т.-е. здоровье. Поэтому болѣзненныя состоянія лица, дѣлающія его неспособнымъ къ заключенію сдѣлокъ, служатъ основаніемъ къ ограниченію его правоспособности и дѣеспособности. Такъ, напримѣръ, признается недѣйствительнымъ бракъ, совершенный въ сумасшествіи одного или обоихъ супруговъ;

Здоровье.

недѣйствительны духовныя завѣщанія, составленныя не въ здравомъ умѣ и не въ твердой памяти. Безумные и сумасшедшіе вообще не обладаютъ дѣеспособностью: они находятся подъ постоянной опекой.

На объемъ правоспособности и дѣеспособности оказываетъ вліяніе, далѣе, религія. Въ большинствѣ современныхъ государствъ одна какая-нибудь религія признается господствующей; остальныя же вѣроисповѣданія являются только терпимыми. Въ тѣхъ государствахъ, которыя допускаютъ полную вѣротерпимость и религіозную свободу, вѣроисповѣданіе не оказываетъ никакого вліянія на юридическое положеніе гражданъ. Въ государствахъ же, не признающихъ религіозной свободы, мы наблюдаемъ ограниченіе правъ въ зависимости отъ принадлежности къ той или другой религіи. Къ послѣдней категоріи государствъ принадлежитъ и Россія. Особенно тяжкія ограниченія правъ у насъ терпятъ евреи: они не могутъ пріобрѣтать имѣнія, они не имѣютъ права свободнаго передвиженія и выбора мѣстожительства внѣ, такъ называемой, «черты осѣдлости». Несправедливость такихъ ограниченій правъ евреевъ, которые являются подданными русскаго государства и наравнѣ съ другими несутъ всѣ повинности, все больше и больше начинаетъ сознаваться русской государственной властью, и нужно надѣяться, что недалеко то время, когда эта несправедливость исчезнетъ.

Религія.

Къ числу условій, вліяющихъ на правоспособность, принадлежитъ, наконецъ, подданство. Въ прежнее время правами пользовались лишь подданные государства; иностранцы были совершенно безправны. Въ современныхъ же государствахъ иностранцы пользуются одинаковыми съ гражданами правами—личными и имущественными—и не имѣютъ только политическихъ правъ.

Подданство.

Какъ рожденіе служитъ исходнымъ моментомъ юридической жизни лица, такъ смерть, прекращая его физическое существованіе, прекращаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ его правоспособность и дѣеспособность. Въ виду важныхъ юридическихъ послѣдствій смерти, она должна быть доказана въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Доказать это иногда не представляется возможнымъ; тогда приходится прибѣгать къ предположенію вѣроятной смерти. Такое предположеніе какъ разъ имѣетъ мѣсто въ случаяхъ долгаго безвѣстнаго отсутствія.

Безвѣстное отсутствіе.

По нашему праву безвѣстное отсутствіе въ теченіе п я т и лѣтъ влечетъ за собою расторженіе брака; д е с я т и л ѣ т н е е же отсутствіе—прекращеніе имущественныхъ правъ.

Кромѣ лицъ физическихъ субъектами правъ могутъ быть различныя соціальныя организаціи—учрежденія, корпораціи, акціонерныя компаніи, товарищества и т. д. Такія лица, въ отличіе отъ физическихъ, называются ю р и д и ч е с к и м и: они представляютъ собою созданіе права, которое надѣляетъ эти организаціи правоспособностью, дѣеспособностью и тѣмъ сообщаетъ имъ значеніе субъектовъ права.

Юридическое лицо.

Причины возникновенія юридическихъ лицъ кроются въ самыхъ условіяхъ общественной жизни. Чѣмъ сложнѣе эта жизнь, тѣмъ больше возникаетъ потребностей и цѣлей, достиженіе которыхъ не по силамъ одному человѣку—устройство, напримѣръ, хорошихъ путей сообщенія, организація школъ, дорого стоющихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій и т. п. Чтобы удовлетворить такого рода потребностямъ, отдѣльнымъ лицамъ приходится соединять свои усилія и имущества, т.-е. создавать союзы. Послѣдніе выступаютъ въ гражданской жизни, какъ самостоятельныя единицы, имѣющія свое индивидуальное существованіе, отличное отъ существованія физическихъ лицъ, входящихъ въ ихъ составъ. Чтобы достичь поставленныхъ цѣлей, эти искусственныя собирательныя единицы надѣляются правами и признаются способными къ активной юридической жизни. Съ момента такого признанія союзы становятся юридическими лицами и субъектами правъ въ опредѣленной, отмежеванной имъ сферѣ.

Отсюда ясны и тѣ условія, которые необходимы для существованія юридическихъ лицъ. Для этого нужна прежде всего ц ѣ л ь,

Цѣль.

достиженіе которой превышаетъ силы одного человѣка и требуетъ для своего осуществленія усилій многихъ лицъ. Само собой разумѣется, цѣль эта должна быть не мимолетной и случайной, но длящейся и постоянной.

Субстратъ.

Другимъ условіемъ возникновенія и существованія юридическихъ лицъ служатъ тѣ средства, которыя необходимы для достиженія поставленной цѣли. Такія средства называются с у б с т р а т о м ъ юридическаго лица. Сюда относятся л и ц а, входящія въ составъ союза, и и м у щ е с т в о. Безъ физическихъ лицъ и матеріальныхъ средствъ

немыслимо юридическое лицо. Школа, напримѣръ, не можетъ существовать безъ администраціи, учителей, учебныхъ пособій, зданія и т. д.; не можетъ существовать акціонерная компанія безъ акціонеровъ, администраціи и капитала.

Наконецъ, третьимъ условіемъ возникновенія юридическаго лица служитъ *юридическое признаніе*. Цѣль, имущество, лица не образуютъ еще юридическаго лица. Чтобы такое лицо дѣйствительно возникло цѣль, имущество, лица, фактически объединившіяся должны быть признаны способными дѣйствовать, какъ одно цѣлое надѣленное извѣстными правами. Право признанія юридическихъ лицъ принадлежитъ государственной власти и совершается двоякимъ образомъ. Цѣли и условія возникновенія юридическихъ лицъ могутъ быть установлены *закономъ*. Въ этомъ случаѣ достаточно простого заявленія правительству объ образованіи юридическаго лица соотвѣтственно условіямъ, установленнымъ закономъ. Такой способъ возникновенія юридическихъ лицъ извѣстенъ подъ именемъ *явочной системы*. Другой способъ—концессіонная система.—когда для образованія юридическаго лица требуется *разрѣшеніе правительства* въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Юридическое признаніе

Въ виду рѣзкаго отличія юридическаго лица отъ лица физическаго— положенія о его правоспособности и дѣеспособности о предѣльныхъ моментахъ юридической жизни получаютъ особую формулировку. Объемъ правоспособности и дѣеспособности юридическаго лица опредѣляется соотвѣтственно его цѣли—*уставомъ*. Вступленіе въ дѣйствіе устава служитъ начальнымъ моментомъ жизни юридическаго лица, его юридическимъ рожденіемъ. Умираетъ же юридическое лицо или по достиженіи цѣли, или съ уничтоженіемъ субстрата—выбытіемъ членовъ потерей имущества,—или по постановленію членовъ, причемъ самый порядокъ такого прекращенія указывается уставомъ, или, наконецъ, по распоряженію государственной власти.

Правоспособность и дѣеспособность юридическихъ лицъ.

2. Объектъ права

Объектъ права—вещи и дѣйствія. Классификація вещей: движимыя и недвижимыя, родовыя и благопріобрѣтенныя, раздѣльныя и нераздѣльныя, главныя и принадлежности, тлѣнныя и нетлѣнныя. Значеніе каждаго изъ этихъ дѣленій Дѣйствія.

Понятіе объекта права.

Вторымъ элементомъ юридическаго отношенія является объектъ, т.-е. тотъ предметъ, по поводу котораго возникло отношеніе между лицами. Такими предметами могутъ быть, во 1-хъ,—вещи, т.-е. предметы внѣшняго міра, удовлетворяющіе нашимъ потребностямъ, и во 2-хъ,—дѣйствія, совершаемыя одними лицами въ пользу другихъ. Изъ этихъ двухъ категорій наибольшимъ разнообразіемъ отличаются вещи, какъ объекты права. Отсюда возникла необходимость классифицировать ихъ по тому значенію, которое онѣ имѣютъ въ гражданско-правовомъ оборотѣ.

Вещи движимыя и недвижимыя.

Наибольшую важность представляетъ дѣленіе вещей на движимыя и недвижимыя. Къ первой категоріи относятся такія вещи, которыя могутъ мѣнять мѣсто, не теряя своей цѣнности и значенія. Къ категоріи недвижимыхъ вещей относится земля и все, что неразрывно связано съ ней физически или юридически; напримѣръ,—постройки и все, что находится въ землѣ или подъ землею—руды, деревья, хлѣбъ на корню и т. п.,—пока они прочно связаны съ почвой. По нашему праву недвижимыми вещами считаются «земли, и всякія угодья, дома, заводы, фабрики, лавки, всякія строенія и пустыя дворовыя мѣста, а также желѣзныя дороги (Св. Зак. т. X, ч. I. ст. 384)». Юридически недвижимымъ считается все то, что дѣйствующее право объявляетъ принадлежностью земли; напримѣръ, «владѣнные указы, грамоты, крѣпости, межевые планы, книги и прочіе документы (Св. Зак. т. X, ч. I. ст. 390)».

Значеніе этого дѣленія.

Практическое значеніе дѣленія вещей на движимыя и недвижимыя сказывается главнымъ образомъ въ особыхъ, формальныхъ способахъ пріобрѣтенія и отчужденія недвижимыхъ имуществъ. Укрѣпленіе правъ на недвижимости совершается въ крѣпостномъ порядкѣ, между тѣмъ движимыя имущества могутъ быть пріобрѣтаемы безъ всякихъ письменныхъ актовъ, по словесному соглашенію.

Недвижимое имущество по нашему праву можетъ быть въ свою очередь, родовымъ или благопріобрѣтеннымъ. Къ родовымъ относится имущество, доставшееся лицу по наслѣдству или купленное у родственниковъ, къ которымъ оно дошло изъ того же рода. Благопріобрѣтенное же имущество, какъ говоритъ нашъ законъ, есть «имущество собственнымъ трудомъ и промысломъ нажитое (Св. Зак. т. X. ч. I, ст. 397).» Значеніе этого различія сказывается въ тѣхъ ограниченіяхъ, которыя законъ ставитъ распоряженію родовымъ имуществомъ. Такъ, завѣщать и дарить родовое имѣніе можно только ближайшимъ родственникамъ. Если же оно продано чужеродцу, то родственники могутъ въ теченіе трехъ лѣтъ выкупить родовое имѣніе, уплативъ его цѣну, издержки на поддержаніе и улучшеніе имѣнія и крѣпостныя пошлины.

Родовыя и благопріобрѣтенныя

Различаютъ, далѣе, вещи раздѣльныя и нераздѣльныя. Раздѣльными являются тѣ вещи, части которыхъ сохраняютъ сущность и свойства цѣлаго. Сюда относятся вещи, опредѣляемыя числомъ, вѣсомъ и мѣрою; напримѣръ, вино, хлѣбъ, ткани и т. п. Наоборотъ, нераздѣльными вещами считаются всѣ тѣ, которыя при дѣленіи теряютъ прежнія свойства, а съ ними и свою цѣнность; напримѣръ, картина, лошадь, книга и т. п. Сюда же относятся тѣ вещи, которыя дѣйствующее право по тѣмъ или другимъ соображеніямъ объявляетъ недѣлимыми. Наше право, напримѣръ, относитъ къ недѣлимымъ вещамъ—фабрики, заводы, лавки, участки земли не болѣе 8 десятинъ, золотые пріиски, желѣзныя дороги со всѣми ихъ принадлежностями и др.

Раздѣльныя и нераздѣльныя.

Значеніе этого дѣленія заключается въ томъ, что вещи нераздѣльныя не могутъ по частямъ переходить изъ рукъ въ руки. Если нераздѣльная вещь досталась нѣсколькимъ родственникамъ, то устанавливается общая собственность, или вещь предоставляется одному изъ нихъ съ обязательствомъ вознаградить другихъ въ соотвѣтствующей долѣ.

Значеніе этого дѣленія.

Важнымъ представляется также дѣленіе вещей на главныя и принадлежности. Главной вещью является та, которая обусловливаетъ собой существованіе другой вещи—принадлежности. Послѣдняя имѣетъ, такимъ образомъ, служебное значеніе, и увеличи-

Главныя и принадлежности.

вая цѣнность главной. Земля, напримѣръ, служитъ необходимымъ условіемъ существованія дома, сада, посѣва; земля, слѣдовательно, является главной вещью, а домъ, садъ—принадлежностью.

Значеніе этого дѣленія заключается въ томъ, что принадлежности, какъ общее правило, слѣдуютъ судьбѣ главной вещи. Имѣя самостоятельную цѣнность, принадлежности могутъ быть отдѣлены отъ главной вещи и сдѣлаться предметомъ самостоятельныхъ сдѣлокъ. Домъ, напримѣръ, можетъ быть проданъ и отдѣльно отъ земли. Но если такого отдѣленія не было сдѣлано, то предполагается, что главная вещь и принадлежность составляютъ одно цѣлое, и принадлежность должна раздѣлить судьбу главной. При продажѣ земли считаются проданными также и постройки, находящіяся на ней, если противное не было спеціально оговорено.

Значеніе этого дѣленія.

Наше дѣйствующее право дѣлитъ еще вещи на т л ѣ н н ы я и н е т л ѣ н н ы я. Къ первой категоріи принадлежатъ вещи, подверженныя скорой порчѣ. Сюда нашъ законъ относитъ, между прочимъ, жемчугъ, мѣховыя и другія платья, всякіе съѣстные припасы. Вещи же, не подлежащія быстрому разложенію, составляютъ категорію нетлѣнныхъ вещей. Особенность нашего закона заключается въ томъ, что на ряду съ золотомъ, серебромъ, камнями и всякой посудой—онъ считаетъ нетлѣнными и галантерейныя вещи, хотя платье относитъ къ тлѣннымъ вещамъ.

Тлѣнныя и нетлѣнныя.

Практическое значеніе дѣленія вещей на тлѣнныя и нетлѣнныя заключается въ томъ, что продажа тлѣнныхъ вещей допускается даже тогда, когда имущество подлежитъ только сохраненію. Опекунъ, обязанный хранить имущество опекаемаго, можетъ по собственному усмотрѣнію продать тлѣнныя вещи, принадлежащія опекаемому, но онъ не можетъ этого сдѣлать съ нетлѣнными вещами, продажа которыхъ обставлена цѣлымъ рядомъ особыхъ условій.

Значеніе этого дѣленія.

Кромѣ вещей объектомъ юридическихъ отношеній могутъ быть также д ѣ й с т в і я, т.-е. услуги, совершаемыя одними лицами въ пользу другихъ. Отношеніе между хозяиномъ и прислугой, напримѣръ, имѣетъ своимъ объектомъ какъ разъ дѣйствіе. Любое дѣйствіе можетъ быть предметомъ юридическаго отношенія, лишь бы оно было, во 1-хъ, ф и-

Дѣйствія.

зически возможно;—нельзя, напримѣръ заключить договоръ о поѣздкѣ на луну, такъ какъ такая поѣздка неосуществима въ силу законовъ природы; во 2-хъ, чтобы дѣйствіе было юридически возможно, т.-е. чтобы оно не противорѣчило закону. Нельзя договориться убить опредѣленнаго человѣка, уворовать какую-нибудь вещь и т. п., такъ какъ эти дѣйствія воспрещены закономъ.

3 Полномочія обязанности.

Сущность полномочія—въ требованіяхъ, обязательныхъ для контрагента. Условія, которымъ должны удовлетворять полномочія и обязанности, какъ элементы юридическаго отношенія.

Третьимъ и послѣднимъ элементомъ юридическаго отношенія являются полномочія и обязанности, возникающія изъ отношенія для лицъ, участвующихъ въ немъ, называемыхъ также контрагентами. Изъ отношенія купли-продажи, напримѣръ, для продавца возникаетъ полномочіе или право требовать уплаты условленной стоимости вещи, и это требованіе обязательно для покупателя: въ случаѣ неисполненія продавецъ можетъ прибѣгнуть къ помощи общественной власти, которая и принудитъ покупателя выполнить свое обязательство. Но и на сторонѣ покупателя, кромѣ обязанности, возникаетъ также полномочіе, а именно: право требовать отъ продавца передачи купленной вещи. Это требованіе обязательно для продавца такъ же, какъ обязательна для покупателя уплата цѣны вещи.

Изъ этого примѣра видно, что полномочія въ юридическомъ отношеніи состоятъ въ требованіяхъ, обязательныхъ для контрагента и поддерживаемыхъ въ случаѣ нужды общественной властью. Изъ обязательнаго же характера требованій вытекаетъ необходимость, чтобы требованія были точно и строго опредѣлены, чтобы они были физически и юридически выполнимы, такъ какъ нельзя обязывать къ тому, что не поддается опредѣленію и учету, что не осуществимо въ виду противорѣчія законамъ природы или нормамъ дѣйствующаго права.

Сущность полномочія—въ требованіи.

Обратной стороной требованій являются обязанности: то, что для одного лица составляетъ предметъ требованія, для его

контрагента служить предметомъ обязанности. Квартирная плата, напримѣръ, для домохозяина—предметъ требования, для квартиранта же—предметъ обязанности. Естественно, что обязанности характеризуются тѣми же чертами, что и требования. Какъ и требования, обязанности всегда представляютъ опредѣленную величину; какъ и требования, онѣ должны быть, далѣе, физически возможны и не могутъ противорѣчить дѣйствующему праву.

Обязанность.

XV.

ДѢЛЕНІЕ ПРАВА.

1. Публичное и частное право.

Характеръ интересовъ кладетъ отпечатокъ на юридическія отношенія и регулирующія ихъ нормы объективнаго права. Частные интересы—частноправовыя отношенія — частное право. Публичные интересы—публичноправовыя отношенія—публичное право. Структура частноправовыхъ и публичноправовыхъ отношеній. Жизненное значеніе дѣленія интересовъ, отношеній и права на публичные и частные Измѣнчивость границы между публичнымъ и частнымъ правомъ

Юридическія отношенія, составъ которыхъ мы изучили, въ дѣйствительной жизни представляютъ безконечное разнообразіе и по характеру и по содержанію. Такое разнообразіе легко объясняется безконечнымъ же разнообразіемъ интересовъ, которые заставляютъ людей прибѣгать къ помощи другъ друга, т.-е. вступать въ отношенія другъ съ другомъ. Естественно, что характеръ интересовъ кладетъ свой отпечатокъ и на вызванныя ими юридическія отношенія и на самое право, которое въ конечномъ итогѣ возникаетъ изъ необходимости разграничить интересы и обезпечить возможность ихъ осуществленія. Вотъ почему характеръ интересовъ служитъ также основаніемъ дѣленія какъ самыхъ отношеній, такъ и объективнаго права на виды.

Есть интересы чисто личные, эгоистическіе — ч а с т н ы е, какъ напримѣръ, интересъ создать себѣ семью, купить имущество, нанять квартиру и т. п. Отношенія, вызванныя такими интересами, называются ч а с т н о п р а в о в ы м и отношеніями, а нормы объективнаго права, ихъ регулирующія, — ч а с т н ы м ъ п р а в о м ъ; напримѣръ, нормы

Частное право.

семейственнаго права, регулирующія вступленіе въ бракъ, отношенія между супругами и т. п.; нормы, опредѣляющія способы пріобрѣтенія собственности, заключеніе договоровъ найма и т. д.

Другіе интересы имѣютъ общее значеніе, въ удовлетвореніи ихъ заинтересовано все общество и даже государство. Такіе интересы государственная власть объявляетъ интересами государства—публичными интересами; осуществленіе ихъ беретъ на себя само государство. Тѣ отношенія, которыя возникаютъ на почвѣ удовлетворенія публичныхъ интересовъ, являются публично-правовыми отношеніями, а нормы, ихъ регулирующія, составляютъ публичное право. Защита государства, напримѣръ, отъ внѣшнихъ враговъ составляетъ публичный интересъ. Его осуществленіе беретъ на себя само государство и съ этой цѣлью организуетъ армію и флотъ. Вотъ почему всѣ отношенія, возникающія на почвѣ службы въ арміи и во флотѣ, являются публично-правовыми отношеніями, а нормы, регулирующія отбываніе воинской повинности, относятся къ категоріи публично-правовыхъ нормъ.

Публичное право.

Отношеніе государства къ публичнымъ и частнымъ интересамъ, такимъ образомъ, различно. Соотвѣтственно этому различна и самая структура частно-правовыхъ и публично-правовыхъ-отношеній. Въ области первыхъ частныя лица пользуются значительнымъ просторомъ: объективное право устанавливаетъ лишь рамки, предоставляя усмотрѣнію заинтересованныхъ лицъ опредѣлять самое содержаніе отношеній. Право, напримѣръ, требуетъ, чтобы договоръ личнаго найма не противорѣчилъ закону нравственности и добрымъ нравамъ, самый же характеръ услугъ опредѣляютъ вступающіе въ договоръ по собственному усмотрѣнію. Наоборотъ, въ сферѣ публично-правовыхъ отношеній нѣтъ мѣста такому усмотрѣнію: права и обязанности всѣхъ лицъ здѣсь точно установлены нормами объективнаго права. Поддержаніе общественной тишины и спокойствія составляетъ, напримѣръ, публичный интересъ, забота о которомъ возложена, между прочимъ, на городового, когда онъ стоитъ на посту. Поэтому городовой, какъ представитель публичнаго интереса, въ своихъ дѣйствіяхъ долженъ строго слѣдовать указанію закона: онъ не можетъ по собственному усмотрѣнію однимъ, напримѣръ, разрѣшить пѣть на улицѣ пѣсни, другимъ—запретить.

Структура частно-правовыхъ и публично-правовыхъ отношеній.

Осуществленіе публичныхъ интересовъ беретъ на себя, какъ мы указали, само государство, между тѣмъ удовлетвореніе частныхъ интересовъ предоставлено усиліямъ частныхъ лицъ. Поэтому полнота удовлетворенія частныхъ интересовъ всецѣло зависитъ отъ тѣхъ возможностей и средствъ, которыя находятся въ распоряженіи даннаго лица. Потребность въ жилищѣ, напримѣръ, составляетъ въ современномъ обществѣ частный интересъ, и каждый удовлетворяетъ ему по силѣ своихъ средствъ. Этимъ и объясняется, почему одни живутъ во дворцахъ, другіе—въ жалкихъ лачугахъ, или даже совсѣмъ не имѣютъ крова. Наоборотъ, осуществленіе публичныхъ интересовъ всегда является болѣе полнымъ, обезпеченнымъ и равномѣрнымъ, такъ какъ государство, которое беретъ на себя такое осуществленіе, располагаетъ для этого безконечно большими силами и средствами, чѣмъ частныя лица. Отсюда становится понятнымъ то огромное жизненное значеніе, какое имѣетъ провозглашеніе того или другого интереса публичнымъ или частнымъ.

Значеніе дѣленія права на публичное и частное.

Вопросъ о томъ, какіе именно интересы относятся къ той или другой категоріи, рѣшался и рѣшается различно. То, что прежде имѣло характеръ публично-правовыхъ отношеній, теперь отошло въ категорію частныхъ правъ, и наоборотъ. Бракъ, напримѣръ, въ періодъ родовой жизни имѣлъ характеръ публично-правовой: онъ заключался по усмотрѣнію родоначальника, самое бракосочетаніе и совмѣстная жизнь супруговъ также детально регламентировались правилами рода. Теперь же бракъ принадлежитъ къ сферѣ частно-правовыхъ отношеній, вмѣшиваться въ которыя государство всячески воздерживается въ виду глубоко интимнаго характера брачныхъ и супружескихъ отношеній. Но такое рѣшеніе этого вопроса нельзя считать окончательнымъ: по крайней мѣрѣ во многихъ проектахъ соціальнаго переустройства—соціальныхъ утопіяхъ, романахъ—бракъ снова получаетъ публично-правовой характеръ. Въ Средніе вѣка территорія государства была частной собственностью короля, теперь же она вездѣ имѣетъ публично-правовой характеръ.

Граница между частнымъ и публичнымъ правомъ.

Въ современномъ обществѣ въ категорію публичныхъ правъ отнесены тѣ нормы, которыя опредѣляютъ устройство государства и его управленіе, организацію и права власти, борьбу съ преступленіями, отправленіе правосудія, взаимныя отношенія государствъ.

Но кругъ интересовъ, охватываемыхъ перечисленными нормами, очень невеликъ: онъ составляетъ лишь небольшую часть человѣческихъ интересовъ. Многіе же изъ нихъ, которые дѣйствительно всеобщи и имѣютъ первостепенное значеніе для человѣка, принадлежатъ къ категоріи частныхъ интересовъ, и ихъ удовлетвореніе предоставлено собственнымъ силамъ каждаго лица въ отдѣльности. Безспорно, напримѣръ, всеобщими интересами являются тѣ, которые связаны съ удовлетвореніемъ первичныхъ потребностей—въ пищѣ, въ одеждѣ, въ жилищѣ, въ образованіи. Но какъ разъ эти интересы образуютъ въ настоящее время сферу частнаго права: въ современномъ обществѣ, вся структура котораго зиждется на частной собственности, производство, распредѣленіе и потребленіе благъ предоставлены силамъ и усмотрѣнію отдѣльныхъ лицъ. Соціализмъ, какъ извѣстно, проектируетъ землю и капиталъ изъять изъ рукъ частныхъ лицъ и передать въ собственность всего общества, т.-е. производство, распредѣленіе, а отчасти и потребленіе сдѣлать не частнымъ а общественнымъ дѣломъ. Разница между современнымъ,—капиталистическимъ обществомъ,—и обществомъ соціалистическимъ сводится, такимъ образомъ, къ различному опредѣленію содержанія публичнаго и частнаго права.

Если внимательно приглядѣться къ соціальной исторіи новаго времени, то не трудно замѣтить, что она идетъ въ направленіи постепеннаго расширенія сферы публичнаго права. Многіе интересы, которые недавно еще были частными, теперь объявлены публичными, и ихъ осуществленіе взяло на себя государство. Такъ, полученіе того или другого образованія долго было частнымъ дѣломъ, которое каждый выполнялъ по мѣрѣ своего желанія и средствъ. Вотъ почему прежде образованіе было удѣломъ лишь очень немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Въ настоящее же время въ большинствѣ европейскихъ государствъ образованіе, по крайней мѣрѣ, народное, элементарное, получило значеніе публичнаго интереса и осуществляется государствомъ въ формѣ всеобщаго принудительнаго обученія: государство не только обезпечиваетъ каждому гражданину возможность полученія элементарнаго образованія, но и требуетъ, чтобы всѣ дѣти получили такое образованіе.

Въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX в. всѣ отношенія между рабочимъ и предпринимателемъ относились къ категоріи частноправовыхъ отношеній: тому и другому предоставлялось собственными силами отстаивать свои интересы—рабочему свой трудъ и

здоровье, предпринимателю — наибольшую прибыль. Въ этой борьбѣ рабочаго съ предпринимателемъ побѣда должна была остаться на сторонѣ предпринимателя, такъ какъ для поддержанія существованія рабочій долженъ былъ продавать свой трудъ капиталисту, который располагалъ и средствами производства и средствами продовольствія. Побѣда предпринимателя сказалась въ установленныхъ имъ крайне тяжелыхъ условіяхъ работы, которыя должны были привести къ вырожденію и вымиранію рабочаго населенія. При низкой заработной платѣ продолжительность рабочаго дня достигала 18—20 часовъ, что равнялось въ сущности медленному убійству рабочаго. Не будучи въ состояніи собственнымъ трудомъ прокормить семью, рабочій оказался вынужденнымъ посылать на фабрику и жену, и дѣтей. Семья рабочаго, такимъ образомъ, разрушалась; тяжелыя же условія работы повели къ массовому вымиранію дѣтей. Въ концѣ-концовъ всѣ государства пришли къ сознанію что въ сохраненіи жизни, здоровья рабочихъ и ихъ дѣтей заинтересованы не только рабочіе, но и государство, а потому оно должно взять на себя защиту рабочихъ. И вотъ, мало-по-малу создается фабричное законодательство, которое регулируетъ отношенія между рабочимъ и предпринимателемъ. Эти отношенія, прежде частно-правовыя, теперь стали, такимъ образомъ, публично-правовыми.

Наиболѣе интереснымъ расширеніемъ публично-правовой сферы сравнительно недавняго времени является учрежденіе въ Англіи государственной пенсіи для стариковъ. Въ Англіи прежде, какъ во всѣхъ другихъ государствахъ и теперь, забота объ обезпеченіи старости лежала на каждомъ лицѣ въ отдѣльности: это было его частнымъ дѣломъ подумать о старости и прикопить себѣ на черный день. Лишь тѣмъ, кто состоялъ на государственной службѣ, государство по истеченіи опредѣленнаго, довольно большого срока службы выдавало пенсію. Но такихъ—незначительное меньшинство; огромная же масса лицъ вездѣ существуетъ службой и работой у частныхъ лицъ или въ собственномъ хозяйствѣ. Эти лица обезпечены до тѣхъ поръ, пока работаютъ; съ потерей же трудоспособности они должны или обращаться къ общественной благотворительности, или ложиться тяжестью, лишнимъ ртомъ, какъ въ нашей крестьянской средѣ, на семью. И человѣкъ, честно проработавшій всю жизнь, въ старости вынужденъ или питаться милостыней или слушать упреки за каждый кусокъ хлѣба. Англій-

ское правительство, въ лицѣ Ллойда Джоржа, стало на ту точку зрѣнія, что каждое лицо, дожившее до старости, не совершившее преступленія, честно зарабатывавшее свое пропитаніе, трудилось, и тѣмъ, слѣдовательно, способствовало увеличенію богатства своей страны. Государство поэтому обязано удѣлить старикамъ часть созданнаго ихъ же руками богатства и тѣмъ сдѣлать ихъ существованіе безбѣднымъ, никого не обременяющимъ. Эти соображенія и легли въ основу закона о пенсіяхъ старикамъ, съ изданіемъ котораго обезпеченіе старости въ Англіи стало публично-правовымъ интересомъ, дѣломъ государства. И теперь въ Англіи нельзя встрѣтить старика или старуху съ протянутой рукой.

Приведенные примѣры достаточно говорятъ о томъ большомъ жизненномъ значеніи, какое имѣетъ дѣленіе права на публичное и частное: самый характеръ и вся структура общества въ конечномъ итогѣ зависятъ отъ того, какіе интересы будутъ провозглашены публично-правовыми и какіе—частно-правовыми.

2. Отрасли права.

Дѣленіе права на виды по содержанію интересовъ и вызванныхъ ими юридическихъ отношеній—гражданское право, торговое право, гражданское судопроизводство, государственное право, уголовное право, уголовное судопроизводство.

Если важность интереса послужила основаніемъ для разграниченія публичнаго и частнаго права, то самое содержаніе интересовъ и вызываемыхъ ими юридическихъ отношеній привело къ выдѣленію различныхъ **отраслей** объективнаго права.

Гражданское право.

Самой элементарной потребностью человѣка является стремленіе его къ продолженію рода, къ поддержанію существованія своего и своей семьи. Чтобы удовлетворить этимъ стремленіямъ, человѣкъ вступаетъ въ разнообразныя отношенія съ себѣ подобными: онъ заключаетъ бракъ и образуетъ такимъ образомъ семью, собственнымъ трудомъ и съ помощью другихъ лицъ онъ создаетъ имущество, т.-е. средства матеріальнаго существованія и т. д. Совокупность нормъ, которыя регулируютъ имущественныя и семейныя отношенія частныхъ лицъ, образуютъ ту отрасль объективнаго права, которая именуется **гражданскимъ правомъ**.

Ярко выраженный капиталическій и мѣновой характеръ современнаго хозяйства вызвалъ къ жизни огромныя торговыя предпріятія, сложный торговый оборотъ. По своей напряженности и своеобразію торговая жизнь не могла уложиться въ рамки гражданско-правовыхъ нормъ, расчитанныхъ на спокойное, сравнительно медленное теченіе хозяйственной жизни. И вотъ, рядомъ съ гражданскимъ правомъ возникаетъ новая отрасль права—торговое право, охватывающее совокупность нормъ, которыя регулируютъ отношенія, возникающія изъ торговой дѣятельности. Гражданскимъ и торговымъ правомъ исчерпывается вся область частнаго права.

Торговое право.

На почвѣ гражданскихъ и торговыхъ отношеній возникаетъ, само собой разумѣется, масса споровъ, для разрѣшенія которыхъ существуютъ особые судебные органы. Нормы, которыя регламентируютъ дѣятельность этихъ органовъ по разсмотрѣнію споровъ между частными лицами, составляютъ гражданское судопроизводство или гражданское процессуальное право.

Гражданское судопроизводство.

Но всѣ эти виды права предполагаютъ собою существованіе государственной организаціи, которая является средой, атмосферой, безусловно необходимой для возникновенія прочныхъ правовыхъ отношеній между лицами. Нормы, опредѣляющія организацію государства, составляютъ содержаніе государственнаго права.

Государственное право.

Перечисленныя нами отрасли объективнаго права въ своей совокупности образуютъ правовой порядокъ даннаго народа. Для защиты правопорядка служитъ уголовное право, которое перечисляетъ всѣ дѣйствія, нарушающія правопорядокъ,—преступленія и провозглашаетъ ихъ запрещенными подъ угрозой наказанія.

Уголовное право.

Наказаніе всегда причиняетъ страданіе, часто очень тяжкое, лицу, совершившему преступленіе. Отсюда возникло требованіе крайне осторожнаго, внимательнаго примѣненія наказанія и прежде всего, чтобы наказаніе падало на дѣйствительнаго виновника преступленія и соотвѣтствовало его винѣ. Вотъ почему примѣненіе нормъ уголовнаго права къ дѣйствительной жизни возложено на особый органъ—уголовный судъ. Дѣятельность его по раскрытію преступленія, установленію степени отвѣтственности

10130

виновника регламентирована специальными нормами, которыя образуютъ содержаніе уголовнаго судопроизводства или уголовнаго процессуальнаго права. Нормы гражданскаго и уголовнаго процесса носятъ общее наименованіе судебнаго права и относятся къ сферѣ публичнаго права наравнѣ съ государственнымъ и уголовнымъ правомъ.

Уголовное судопроизводство.

Правовой порядокъ каждаго народа представляетъ собой продуктъ всей его исторіи: онъ всегда запечатлѣнъ національными чертами. Чтобы получить поэтому ясное представленіе о правовомъ порядкѣ того или другого народа, не достаточно общихъ основныхъ понятій, изученныхъ въ предыдущемъ изложеніи, необходимо познакомиться съ перечисленными отраслями права въ томъ видѣ, какой онѣ имѣютъ у даннаго народа. Чтобы отдать себѣ отчетъ о правопорядкѣ нашей родины, нужно изучить основныя положенія русскаго государственнаго права, русскаго гражданскаго, уголовнаго и судебнаго права.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР